ПИОНЕР

НОЯБРЬ 11

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1967.

Вот ты открыл, читатель, наш одиннадцатый номер. А теперь мы предлагаем тебе закрыть его и внимательно рассмотреть обложку.

...С какой-то очень высокой точки мы смотрим с тобой на нашу страну. Видишь, она вся перед тобой — дымят заводы, бегут поезда, летят самолеты, шумит вода в турбинах, растут дома, спешат люди,— и у всех в нашей стране праздник. А мы с тобой сейчас совершим небывалое путешествие — такое, которого еще никогда не было. Представь себе, что мы можем попасть с тобой в эту минуту всюду, куда захотим, все увидеть, узнать, услышать, обо всем спросить — и получить ответ. А, кроме того, захотим — вернемся в прошлое, захотим — заглянем в будущее... В путь, читатель!

Курс — на интересное, удивительное, небывалое в нашей праздничной стране!

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

НОЯБРЬ 11

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1967 г.

● С. Н. Н.— Совершенно Необычная Новость, которую ты уже знаешь. Мы начинаем молниеносное путешествие «Пионера». Хочешь с нами?

● В новом номере печатается НОВЫЙ рассказ Марины БОНДАРЮК: «Моя география». В этой истории одна девочка получала двойку за двойкой, а потом... Но я не Подсказка, я Ключ к номеру и ничего больше не скажу об этом рассказе. Но могу коечто сказать о другой истории.

● «Отя-Октябрь» — рассказ В. Белоусова про очень смелого мальчишку, который, когда пришли немцы, не побоялся... Стоп! Хватит на первый раз и об этом рассказе, ведь ты сам его прочитаешь.

● Внимание! Мятежный броненосец «Потемкин» идет прямо на подводные камни, а маяк не горит — его погасили жандармы. Что будет? Читай стихи Владимира ОРЛОВА «Черноморская легенда». Печальная, но полная героизма история развернется перед тобой.

● «Дом под красным флагом» — это рассказ о том, кто, где и когда делает то, что мы называем строительством нашей жизни. Это рассказ о мыслях и делах Советской власти.

● Почтамт «Дружба» открыт и работает. Воспользуйся этим!

● Открыта и работает в номере Выставка Находок и Открытий Красных Следопытов. Спеши в ее залы-страницы!

● Алтайская сказка — короткая, но интересная, и к ней картинки.

● «Почемучку» знаете? Так вот эта «Почемучка» один раз пошла ходить по школам, собирать вопросы ребят. Спросили у нее так много, что еле донесла «Почемучка» вопросы до редакции. Села за стол и давай вспоминать, узнавать, думать. Вот наконец ответы готовы. Найди и прочти их. А может быть, у тебя у самого есть что спросить? Тогда не стесняйся!

● Опять в номере Смехотрон Смехотронович Смехотронов и его неразлучно-закадычный приятель Полиглот. Если тебе грустно, прочти в первую очередь. А теперь прощай ровно на месяц. Точка.

С этими венгерскими пионерами вы встретитесь на странице 55.

КОГДА НОМЕР СДАВАЛСЯ В ПЕЧАТЬ

30 октября 1967 года в космическом пространстве произошла первая в мире автоматическая стыковка спутников Земли «Космос-186» и «Космос-188».

Там, за облаками,
В звездном океане
Точно и ловко
Идет стыковка,

Стройся в космосе
Город и порт!

За облаками
Вспыхнут огнями
Наш звездогород
И Космосоход!

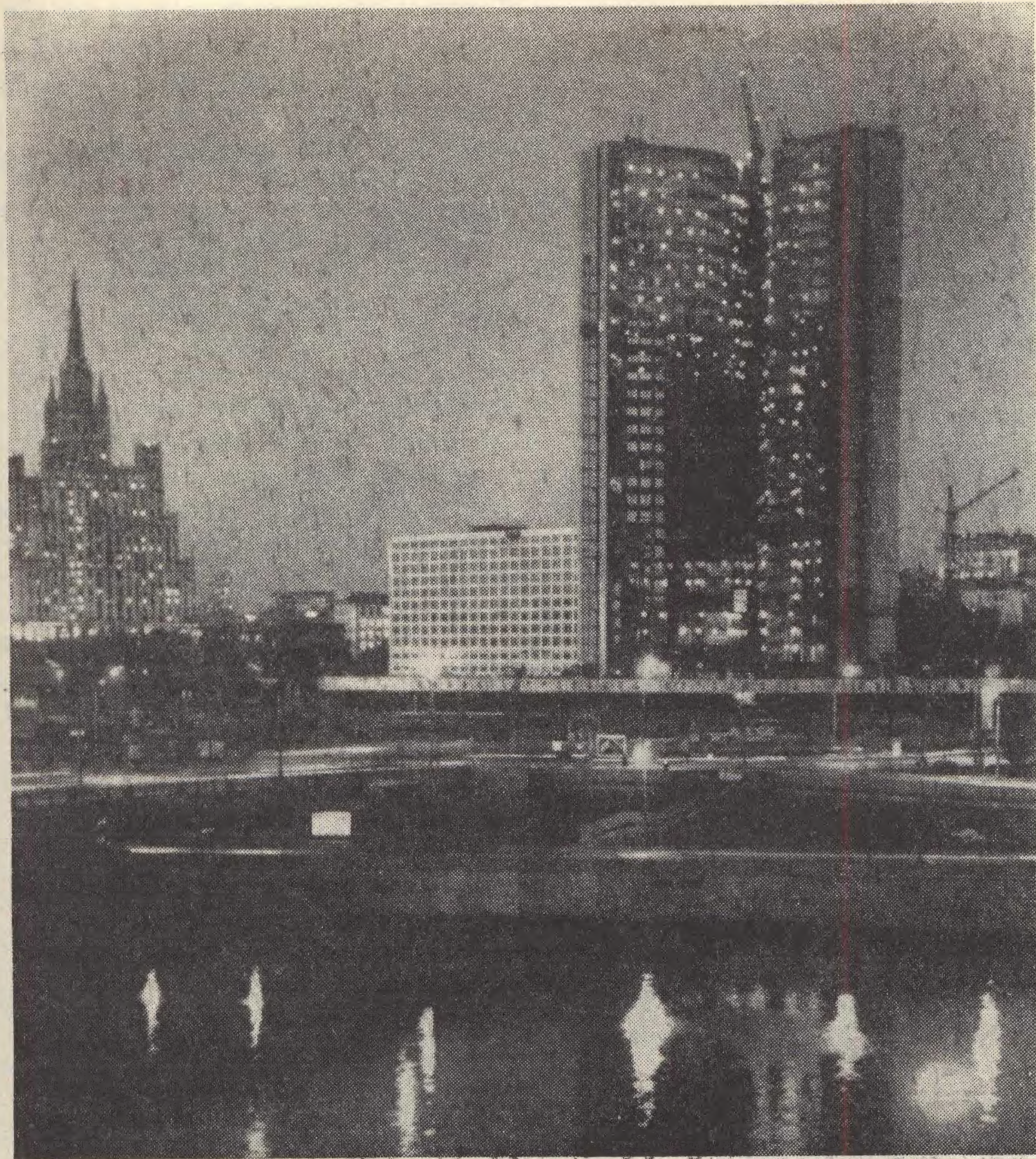

Наше путешествие начинается. Но не будем пока пускать в ход колеса стремительных локомотивов. Мы успеем еще крутануть подвластное нам Колесо Времени. Прежде чем мы взмоем с тобой ввысь на легких крыльях воображения или на могучих крыльях самого нового «ТУ», давай сначала пройдем километр пути пешком. Просто пешком.

Мы выйдем с тобой пораньше и пойдем от ворот Кремля. Пройдем наш километр по

в огромном тридцатидвухэтажном «трилистнике» будет Совет Экономической Взаимопомощи. Совет друзей — социалистических стран, СЭВ.

Взгляни, какое это красивое здание. Внизу оно окружено стеклянными переходами и залами. Две его высоченных страницы, повернутые на запад, изогнуты. Облака, проплывая мимо, заглядывают в них, лучи солнца разбиваются в их гранях.

Но давай спустимся с облаков на землю. На другой стороне, видишь, пять двадцатичет ы р е х-этажных жилых домов и вдоль всего проспекта, справа и слева,— стеклянные магазины, кафе, рестораны, столовые, Дом книги, кинотеатр на три тысячи зрительных мест — всего и не упомнишь.

проспекту Калинина, спустимся в конце его к Москве-реке.

Только чур не зевать, смотреть по сторонам. Что это там справа?

Дворцы-страницы, дворцы-книги.
Стеклянные развернутые книги...

Это строчки стихов. Удивительно, как в далеком 1920 году поэт Велемир Хлебников сумел разглядеть за далью времени то, что мы с тобой видим сейчас!

В самом деле: навстречу нам раскрыли листы зеркальных окон стеклянные книги четырех двадцатисемиэтажных зданий.

Сейчас по стеклянным строчкам-этажам, вверх и вниз по страницам, распахнутым навстречу восходящему солнцу, снуют строители. А скоро по ним пройдут работники министерств, которые разместятся в этих зданиях на новом проспекте.

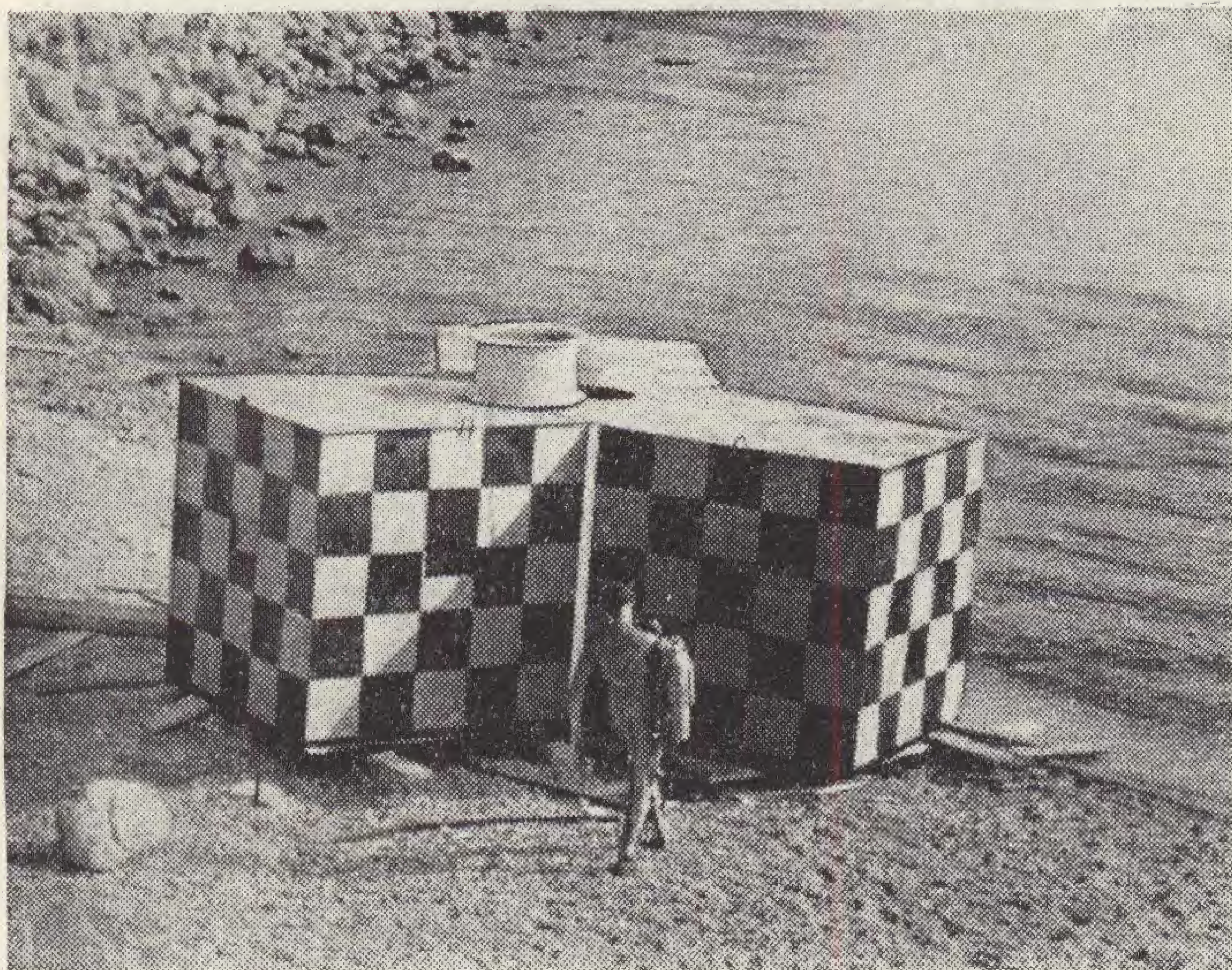
А вон там дальше, у самой Москвы-реки,

На новом проспекте никто никогда не увидит разрытых траншей. Электрические кабели, все трубы, по которым бегут к людям тепло, вода, газ, уложены на полках в подземных коридорах, светлых и чистых. Тут легко следить за ними и в случае необходимости быстро исправить поломку.

Мы стоим сейчас с тобой посредине широкой улицы и не подозреваем, что под нами проходит еще одна дорога. По ней грузовые машины будут подвозить товары к подземным складам магазинов. Это похоже на фокус. Хоть целую неделю стой у магазинов, но, если ты не знаешь о подземной дороге, никогда не догадаешься, откуда берутся там все новые и новые товары!

Но что это там впереди? Где мы? Куда попали? Уж нет вокруг стройных, легких зданий Нового Арбата, да мы, кажется уже не на берегу Москвы-реки, а на Черноморском побережье...

А вон какое-то странное сооружение, разрисованное в черно-желтую клетку. Зачем оно? Прежде, чем мы успели подойти, его столкнули в воду, он поплыл и... исчез под водой.

Скорей! Где наши акваланги? Спешим вслед!.. Нас окружает зеленоватый сумрак подводного мира. У самого лица снуют стайки рыбешек.

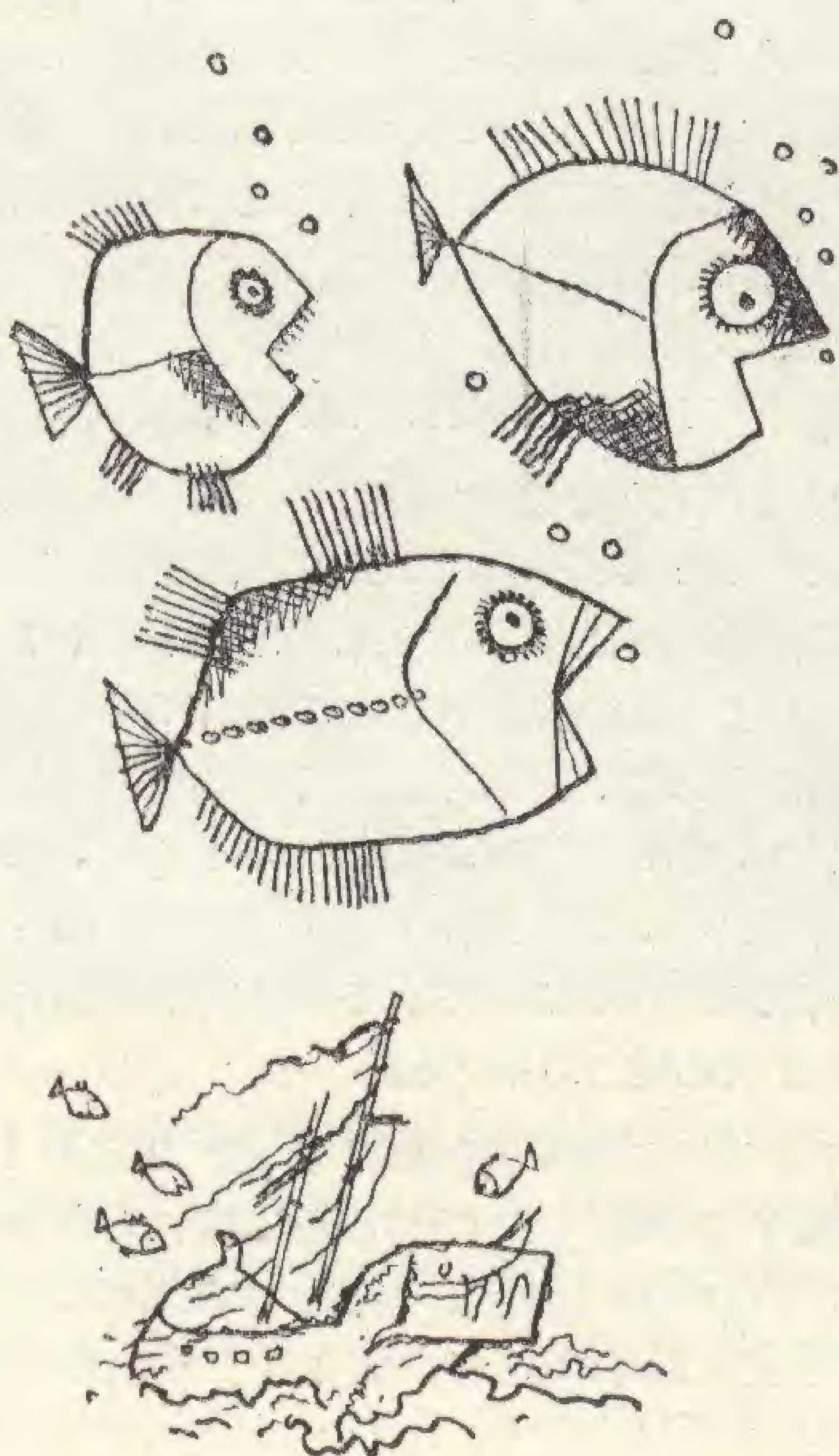
А вот и сооружение с клетчатыми стенками. Они хорошо выделяются на фоне камней и водорослей и видны даже издали, несмотря на сумрак, царящий в воде.

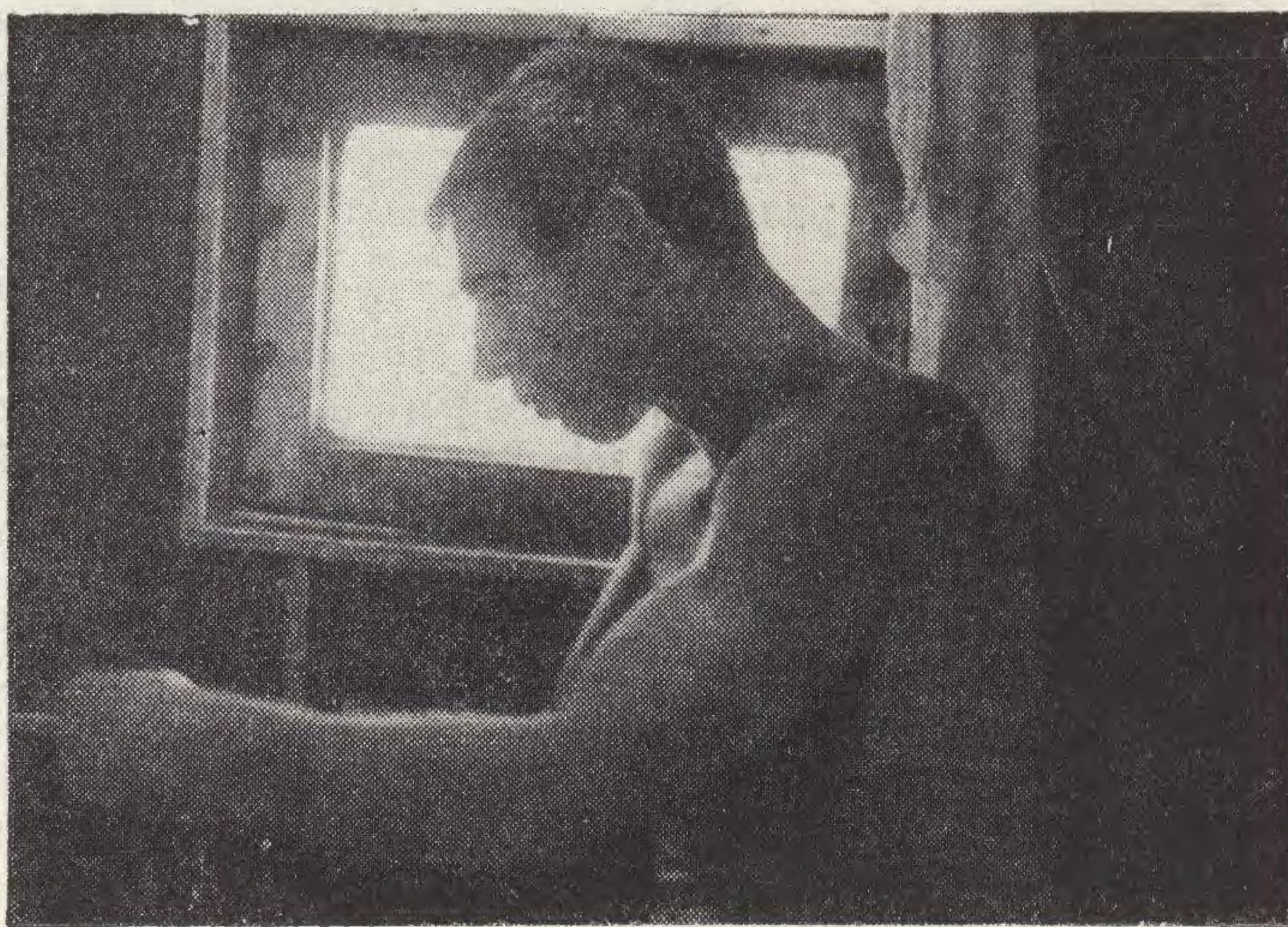
Это подводный дом. Около тридцати тонн балласта удерживает его на заданной глубине. Двери у него нет, только есть люк снизу. Он не закрывается, и все-таки дом не тонет. Это потому, что с берега по трубам сюда нагнетается воздух, и дом, уравновешенный собственной тяжестью, висит словно подводный колокол, в каких работали водолазы.

Кто живет здесь? Давай войдем и посмотрим. Вот эти люди. Они не раки-отшельники, а спортсмены и исследователи, и дом этот — лаборатория. Сконструировали ее, перевезли сюда и опустили в море энтузиасты-подводники из города Донецка, члены спортивного клуба «Ихтиандр».

Экспедиция отважных подводников называется «Ихтиандр-67». Вон, гляди, выныривают из него пять человек, а с берега уже плывет к дому другая пятерка. Смена живет под водой неделю. За это время надо выяснить, долго ли может человек выносить без ущерба для здоровья подводную жизнь и что ему для такой жизни необходимо.

Там, на берегу, куда тянутся кабели и провода, центр наблюдений. Из центра сообщают, что в будущем году «Ихтиандр-68» займется подводным бурением и археологическими раскопками на морском дне...

Путешествие продолжается на странице 16.

Марина БОНДАРЮК

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА

МОЯ ГЕОГРАФИЯ

Во второй четверти у меня по географии выходила двойка. Не знаю, почему, но, когда к нам в шестом классе пришла Инга Гурьевна, я безошибочно почувствовала в ней свою погибель. Даже ни разу еще ей не ответив и никак себя не проявив, я не могла отделаться от какого-то странного ощущения, словно с высокой горы начинает сползать снежная лавина, и по мере продвижения скорость ее растет и масса увеличивается. И хотя все это творится пока в заоблачных высях, а я будто бы стою у подножия, знаю, что ничто лавины не остановит, что рано или поздно она меня подомнет, раздавит.

Я смотрела в желтые с крапинками глаза Инги Гурьевны, и свет, струящийся из них, казался мне ярким и опасным, словно опалял мои щеки, когда взгляд Инги Гурьевны случайно скользил по моему лицу. Я опускала глаза и уже не поднимала их выше ее рта. Я сосредоточенно смотрела на ее губы: они то округлялись, то вытягивались трубочкой, то верхняя губа стремительно неслась к носу и так же стремительно падала вниз.

А когда губы Инги Гурьевны внезапно смыкались в тонкую полоску, в наступившей тишине мне слышались гулы надвигающейся лавины. Так и есть. Инга Гурьевна называла мою фамилию и просила повторить то, что она только что говорила. Я молчала. «Ну?» — жестко спрашивала Инга Гурьевна. Я молчала. «Так».—Инга Гурьевна ставила галочку в своей тетради. А на следующем уроке при подобной ситуации она выводила в журнале против моей фамилии двойку.

Что со мной случалось на уроке географии? Почему мой язык немел, почему я терялась и трусила? На любом другом уроке я без усилия повторила бы все, что говорил учитель. А здесь получилось вот что: под гнетом нехороших предчувствий я как-то потеряла уверенность в себе и, когда Инга Гурьевна вызвала меня на одном из уроков, отвечала довольно путано и бестолково. А Инга Гурьевна, ставя тройку в журнал, не высказала ни удивления, ни укора. Мне стало ясно, что я для нее обычная серенькая ученица, иначе тупица, от которой и такой ответ — благодать.

Здесь возникала какая-то зависимость: чем больше я терялась под ее слепящим, проницательным взглядом, который, казалось, отметал мои пятерки по другим предметам как нечто чуждое мне и незаслуженное, тем невнятней становились мои ответы, и тем большей тупицей, естественно, я оказывалась в глазах Инги Гурьевны. И я никак не могла освободиться от давящей уве-

ренности Инги Гурьевны в полной моей бесталанности.

Недели за три до окончания четверти меня вызвали в пионерскую комнату. Там толпились девочки из разных классов. Саша Мартынова из 8 «Б», увидев меня, сказала:

— Маша, ты подожди. Сейчас у нас редколлегия.

Она называла меня Машей, потому что мы с ней были из одного двора. На зеленом сукне стола, закапанном тушью и чернилами, лежал толстый лист бумаги. Саша водила по нему карандашом, размечая, куда что наклеить. Я отошла к тумбочке в углу, где лежал барабан и висела труба, и стала ждать.

— Вот что,— сказала Саша, отрываясь от листа бумаги.— Те, кто отдал заметки, могут идти.

Прищурившись, Саша посмотрела вслед ушедшим. Сашка страшно важничала и поминутно щурилась, словно была близорукой.

— Макет газеты я уже мысленно продумала,— сказала она, обращаясь к учителю физики Борису Ивановичу.

— Молодец,— сказал Борис Иванович.— Какие заметки тебе уже сдали?

— Две я сама пишу,— ответила Саша,— а остальные...— Саша подняла глаза к потолку и, загибая пальцы, начала называть фамилии.

В это время в дверь пионерской комнаты постучали, а так как у нас было принято входить без стука, все, кто был в комнате, подняли голову.

— Кто отдал заметки, могут идти,— сказала Саша.

— Кто там? Входите! — крикнул Борис Иванович.— Ты зачем взяла себе две заметки? Ах, какая ты, Саша...— сказал он.

В комнату вошли двое мальчишек из соседней, 150-й мужской школы. Одного из них я знала. Это был Витька Белкин из моего дома. Когда-то очень давно, когда я еще училась во втором и третьем классе, мы с этим Витькой часто играли во дворе. А позапрошлым летом он вернулся из лагеря очень высоким и взрослым, гулять стал уходить в другой двор к своим товарищам из класса и меня почти не замечал. Только кивал при встрече и быстро проходил мимо.

Теперь, когда они вошли, чубатые, розовощекие от мороза, девчонки за столом примолкли, а Саша в наступившей тишине сказала звонко:

— Проходите, мальчики! — и энергично тряхнула белой челкой.

За столом потеснились, и Саша стала объяснять Витьке и другому мальчишке, склонившимся к листу, какой она задумала сделать новогоднюю газету. Она объясняла очень обстоятельно, то и дело прищуриваясь и делая руками разные красивые жесты. Мне казалось, что она играет какую-то роль. Она ведь мечтала стать артисткой, участвовала во всех школьных спектаклях и вот уже несколько лет была бессменной Снегурочкой на школьных утренниках.

Борис Иванович двинул рукой, высвобождая часы из-под рукава пиджака, и сказал:

— Ну, хорошо, Саша. Ребята поймут все в процессе работы. Нам надо переходить к другим вопросам.

Он выразительно посмотрел в мой угол, где теперь рядом со мной стояла второгодница Муся Айзатуллина. Саша деловито кивнула, что-то шепнула Витьке Белкину, а потом повернулась и шепнула в ухо другому мальчишке.

— Что, ребята разве останутся?—спросил Борис Иванович.

— Конечно, Борис Иванович, ведь потом мы будем обсуждать вопросы утренника. И потом вообще...

Идея включить в работу нашего учкома ребят из соседней мужской школы принадлежала Саше Мартыновой. И теперь на этажах нашей школы часто мелькали деловитые мальчишеские фигуры. Мальчишки участвовали в наших сборах, с их помощью старшеклассницы под руководством Бориса Ивановича радиофицировали школу. И я слышала, что Деда Мороза на утреннике в этом году будет изображать не родительни-

жалко. И было так тяжело на душе, что щипало глаза.

...Да, это ужасно... Скоро каникулы, и утренники, и подарки, и книжки — читай хоть целый день, и зимний пионерлагерь, где высокие горы, с которых несешься на лыжах или санках так, что дух захватывает, и веселье, кругом веселье, радостные, беспечные лица, и еще елки, елки в огнях, и музыка. Ах, как все это заманчиво, как радостно и... ужасно! Ужасно потому, что у тебя двойки в табеле, и беспечность и веселье не про тебя.

Не знаю, говорил ли обо всем этом Борис Иванович или я что-то слышала, а что-то теснилось у меня в голове, рисовалось перед глазами,— только я чувствовала, что на сердце у меня становится все тяжелее и саднит, саднит что-то в горле. Ведь все это относилось не только к толстой и ленивой Мусе Айзатуллиной, но и ко мне. Мне было жарко, и я боялась, что, когда Муся уйдет, Борис Иванович станет говорить все это, обращаясь ко мне, я не выдержу и начну всхлипывать. А Сашка Мартынова будет укоризненно качать головой.

— Что, ребята разве останутся? — спросил Борис Иванович.

ца, как обычно, а какой-то мальчишка из 150-й школы.

— Ну что ж,— сказал Борис Иванович.— Тогда начнем.

— Сейчас нам Боря даст,— шепнула мне в ухо Муся Айзатуллина.

Ее широкая спина долго маячила перед моими глазами. Она все больше сутулилась и под конец начала вздрагивать. Смешливая, бойкая Муся плакала. И мне ее было

— Ну что ж, Айзатуллина, обо всем этом, конечно, надо было думать раньше. Но все-таки и за то время, что еще осталось, можно успеть что-то наверстать... И теперь пусть не Галя Иванова за тобой бегает, чтобы тебе помочь, а ты сама должна приходить к ней и все, что тебе непонятно, спрашивать.

Иди, учись,— сказал Борис Иванович.

Я думала, что не обмануло меня предчувствие, что лавина эта, снежная, грозная, несется вниз, и если ей суждено раздавить меня, то произойдет это сейчас, в эти минуты, потому что не будет ничего хуже этих минут, когда я подавлена, унижена и полна горестной убежденности, что уже поздно, что уже ничего не поправишь.

Всхлипывая, вышла Муся из комнаты, и из коридора донеслось ее мычание: она рыдала и сквозь слезы кому-то пыталась что-то сказать. Наверное, Гале Ивановой, своей преданной подружке, с которой любила гулять и играть и от которой убегала, когда та хотела с ней вместе готовить уроки.

А потом в коридоре все смолкло, и смолкло на лестнице и во всей школе: наступил пересменок.

Борис Иванович, облокотившись на руку, смотрел на меня так внимательно, словно перед ним находилось нечто чрезвычайно интересное.

— Занимательный феномен перед нами, честное слово,— сказал он серьезно.

Мне показалось, что он смотрит не на меня, а мимо, и мне хотелось повернуться и узнать, что за занимательный феномен Борис Иванович там увидел. Но я знала, что за моей спиной ничего нет, кроме тумбочки с барабаном и входной двери.

— Это я о тебе, о тебе,— сказал Борис Иванович,— сколько у тебя четверок в четверти выходит?

— Не знаю,— сказала я.— Наверно, три. По алгебре, геометрии и русскому, наверно. Но по русскому, может, еще и не четверка.

— Так,— сказал Борис Иванович.— Ну, а по остальным?

Я опустила глаза. Ведь сам знает, что у меня по географии выходит двойка. Сам же знает.

— По физике, как я помню, у тебя ведь пятерка?

— Да,— сказала я.

Борис Иванович внимательно смотрел на меня.

— Ну, а по остальным?

— По географии...

— Нет, пока без географии.

— А по остальным (без географии-то, пожалуйста, без географии-то я скажу, это не стыдно и не трудно выговорить)... по остальным — пятерки.

— Ну вот, по остальным пятерки.—Борис Иванович рассмеялся.

И от его неожиданного смеха мне вдруг стало легко, мне тоже показалось комичным то, что по остальным у меня пятерки. Я несмело улыбнулась.

В это время кто-то вошел в комнату, и меня снова объяла безысходность. Я по голосу поняла, кто вошел.

— У вас все еще редколлегия или что другое? — спросил голос у меня за спиной.

— Другое,— сказал Борис Иванович.

— Тогда одну минутку! Мартынова, тебе уже принесли заметку по моему разделу? Я хочу почитать.

Саша Мартынова как-то странно заморгала глазами, румянец пополз по ее лицу. Она выглядела сейчас очень хорошенькой, но глаза ее беспокойно бегали.

— Я, я... пока еще не принесли, Инга Гурьевна,— сказала она.

— Когда принесут, дашь мне,— сказала Инга Гурьевна.

— Хорошо.

— Вот, Инга Гурьевна,— сказал Борис Иванович,— прорабатываем вашу ученицу. Что-то неладно у нее получается.

— Здесь дело серьезное,— сказала Инга Гурьевна.— Проработки здесь мало.

— И я так думаю,— кивнул Борис Иванович.

«Сейчас ко мне кого-нибудь прикрепят»,— тоскливо подумала я. Я знала, что это мне совсем не нужно, что это мне совсем не поможет.

— Не знаю, что вам посоветовать в данном случае...— сказала Инга Гурьевна раздумчиво.

— Может, вы с нами посидите? — предложил Борис Иванович.

— Пока есть время.— Инга Гурьевна села с краю стола.

Перед моими глазами мелькнуло ее синее платье с меловым пятном где-то у колена и прилипшей ворсинкой от тряпки, ее тонкие, прямые, как палки, ноги в потертых меховых ботинках.

— Вот ведь какая вещь,— сказал Борис Иванович.—Не понимаю, хоть убейте, не понимаю, что получается у этого человека. По всем предметам хорошие оценки, у меня занимается прекрасно, а тут такая вещь... Я не понимаю. Объясни, пожалуйста, в чем дело.

Я не знала, как все это объяснить, и молча смотрела в пол, по которому нетерпеливо постукивал меховой ботинок Инги Гурьевны.

— А с географией у нее, кажется, всегда было неладно,— сказала Инга Гурьевна.

«Почему это неладно? — подумала я.— В четвертом классе у меня была пятерка. Ах, да! В пятом у меня — тройка, годовая тройка. Это верно. В третьей четверти я болела ветрянкой, потом получила осложнение на ухо. А когда выздоровела, я уехала в санаторий. Почти всю четвертую четверть я не ходила в школу. И меня перевели без экзаменов и по многим предметам выставили годовые тройки, в том числе и по географии».

— Тебе что, трудно дается этот предмет? — спросил Борис Иванович.

Я молчала.

— У меня есть мнение на этот счет, определенное мнение,— сказала Инга Гурьевна.

Оглушительной трелью прозвенел звонок. Комната, где находился рубильник электрического звонка, была смежной с пионерской.

— Мой первый урок во второй смене,— сказала Инга Гурьевна.— Я бегу. Так ты не забудь, Мартынова, принеси мне завтра заметку.

Саша с приоткрытым ртом смотрела в спину уходящей Инги Гурьевны.

— Ну так как? Тебе действительно трудно дается география? — снова спросил Борис Иванович.

— Нет,— прошептала я.— Вообще-то не трудно.

Ну как, как я ему объясню про страхи и предчувствия, про эту самую дурацкую лавину, про предубеждение Инги Гурьевны, которое я никак не могу сломить, и поэтому я, наверное, действительно самая настоящая тупица и не стоит со мной тут смеяться и смотреть так ободряюще и заинтересованно.

— Вот что,— сказал Борис Иванович и замолчал.

Я подумала, что он снова изучающим взглядом смотрит на меня. Я подняла голову. Он смотрел на Сашу, пунцовую, грызущую ноготь.

— Что с тобой, Саша? — спросил Борис Иванович.

— Ничего, я так.

— Что так?

— Я потом вам скажу.

— А все-таки?

— Я не знаю... Теперь уже поздно... Я не успею... Может быть, ты? — Саша посмотрела на Белкина.— Нет, нельзя. А может, можно?

— Что такое, скажи на милость? — обеспокоенно спросил Борис Иванович.

— Да я забыла поручить про Париж.

— Что?

— Я забыла поручить написать заметку про Париж, по географическому разделу. Ну, в раздел газеты по географии. Забыла, забыла...

— Подожди, успокойся. Еще не все потеряно.

— Нет, потеряно, потеряно.

Мне стало жаль Сашку. Конечно, неприятно признаться, что забыла такую простую вещь, когда сама хвалилась, что уже продумала макет газеты.

— Ну поручи сегодня кому-нибудь эту заметку,— сказал Борис Иванович.

— Уже поздно.

— Не позднее, чем вовсе не поручить.

— А кому я дам? Все наши уже ушли. А это надо дать такому человеку, который напишет талантливо. Такой уж раздел «По городам и странам». Там всегда интересные заметки. А сама я еще вторую заметку не дописала.

— Ах, Саша, Саша! — сказал Борис Иванович.— Ну нельзя все самой да самой! Ты что ж думаешь, что, кроме тебя, никто ничего хорошо сделать не сможет? Вот видишь, сама себя и переоценила.

— Что же делать, Борис Иванович? — Голос Саши потерял самоуверенную полноту, стал тоненьким и плачущим.

— Ну, что делать? Вот только отпустим Мухину... Хотя вот что! Мухина, Маша, а ты не смогла бы написать заметку про Париж?

— Я?

Борис Иванович утвердительно кивнул. Он смотрел на меня с надеждой, нет, с уверенностью, что я смогу написать. Нет, правда, он просто не сомневался, что я напишу.

А Саша сказала:

— Может быть, еще кому-нибудь, Борис Иванович? Я лучше зайду к кому-нибудь из наших после школы...

А Витя Белкин смотрел на меня с какой-то странной, но необидной улыбкой.

— Смогу,— сказала я.

— Но только быстро, за два дня. Идет? — спросил Борис Иванович.

— Идет,—сказала я. Мне захотелось обернуться, ударить палочками по барабану, задудеть в трубу: такое веселье охватило меня.

Выходя из пионерской комнаты, я слышала, как Саша уже своим обычным, звонким и самоуверенным голосом говорила:

— Я беспокоюсь, как бы это не отразилось на ее отметках. Все-таки у нее двойка...

— А ты не беспокойся,— сказал Борис Иванович и еще что-то, чего я не расслышала, потому что закрыла дверь.

Я выбежала во двор. У школы было тихо и пустынно. Во дворе деревянного дома, за оградой из прутьев и проволоки, бегала по снегу лохматая собака. Она пронзительно залаяла на меня, раскрыв жаркую малиновую пасть, и понеслась вдоль забора за мною. Тогда и я побежала. Мне не терпелось добраться до дома. Серо-снежный лающий вихрь провожал меня до конца забора, пока я не обогнула двор и не выбежала на улицу.

Вечер я просидела за папиным письменным столом, читая в энциклопедии статьи «Париж», «Парижская коммуна». Рядом на столе лежал толстый, тяжелый альбом с открытками. Очень давно, в своем детстве, моя мама собирала открытки с видами городов. Глянцевые и яркие, серо-черные или нежно-коричневые, новенькие, словно купленные вчера, или с поломанными углами, обтрепавшимися краями, они неудержимо влекли меня маленькую, до школы, когда я еще не умела читать. А потом книжки вытеснили этот яркий, волнующий, разноликий мир. И я забыла про этот альбом и про открытки, и теперь с наслаждением вдыхала пропыленный картонный запах толстых страниц, и радовалась своей находке.

Я долго не зажигала света. За окном мерк день. Небо и воздух стали грязно-сиреневыми, словно за окном пролились разбавленные чернила. Напрягаясь, я вчитывалась в мелкие, перемеженные цифрами буквы энциклопедии, а подняться и дотянуться рукой до розетки мне было недосуг. В голове роилось столько мыслей, возникали и тут же видоизменялись планы заметки. Я испытывала такой подъем, какой можно сравнить только с тем легким и пьянящим возбуждением, с которым я собиралась идти в цирк или которым была охвачена ночью на Курском вокзале, когда мы с бабушкой уезжали к морю, в Анапу.

В квартире было тихо. Только изредка нарастало гудение пара в батареях, да время от времени гулко разносилось по лестнице щелканье двери лифта, и вслед за этим срабатывал мотор — равномерно жужжало справа над потолком.

Я была погружена в работу. Посторонние звуки меня не отвлекали, а как-то умиротворяли, настраивали на спокойный лад. Заскрежетал ключ в замке, хлопнула входная дверь — пришла с работы мама. Наверное, впервые я не отвлеклась от своих занятий, чтобы броситься в коридор, поцеловать маму и пошарить в ее муфте, где всегда для меня находились мандарин или пачка вафель. Я слышала, как мама разделась, прошла в кухню, зажгла там свет. А потом ее голос раздался над моим ухом:

— Машенька, я думала, тебя нет дома: такая тишина... Зачем ты сидишь в темноте, глаза портишь?

Мама склонилась к столу, включила свет. Я привстала, коснулась губами ее холодной душистой щеки и поблагодарила за два больших желтых яблока, которые очутились передо мной на развороте энциклопедии.

Мама тихо вышла из комнаты, а я погрузилась в созерцание площади Республи-

Вечер я просидела за папиным письменным столом.

Гравюры в энциклопедии изображали коммунаров. Они сражались на баррикадах, провозглашали коммуну и заседали в городской ратуше, а потом, разгромленные, томились под тяжелыми сводами подвала Версальской тюрьмы.

Все, что я прочитала и узнала, все, что дорисовало воображение, мне хотелось тут же переложить на бумагу, красиво и увлекательно передать свои впечатления. Но как рассказать в небольшой заметке сжато и интересно, что Париж — «первый по значению г. Франции: гл. узел сношений водных и железнодорожных, первый по разнообразию и изяществу пром. изделий, по богатству научными и художествен. учреждениями», и пр. и т. д., и всякую там статистику о площади и населении, и еще о том, как «в рабочем движении П. сыграл огромную роль», и что «на узких улочках предместий П. рабочие давали пролетариату всего мира уроки баррикадной борьбы»?

Меня просто охватила паника, когда я представила, что свои впечатления и сухие строки энциклопедических данных — все это, разрозненное и пестрое, не поддающееся в уме никакому порядку и последовательности, я должна буду заключить в строгие и узкие рамки заметки.

ки, с зелеными деревьями вокруг огромной статуи женщины с факелом в поднятой руке, с узорчатыми пяти-, шестиэтажными домами, похожими на наш Центральный универмаг, и красным двухвагонным трамвайчиком, выползающим из-за чугунного постамента. Такие же трамваи ходили у нас по Ленинградскому шоссе от Боткинской больницы до Сокола и дальше, куда — я не знаю: дальше Сокола я не ездила. Я рассматривала золотую и голубую воду в пруду Люксембургского парка, скользящие по зеркальной глади игрушечные парусники, красно-коричневые подстриженные деревья перед дворцом Шайо и травянисто-зеленые, раскидистые на Елисейских полях, перед Триумфальной аркой. В альбоме были еще черно-белые открытки с видами Версальского дворца, Марсова поля и Эйфелевой башни и много изображений разных мраморных скульптур с живыми, только пустоглазыми лицами, с естественными, только застывшими позами. Но я не знала, кого они изображают, потому что на обратной стороне открыток были надписи на французском языке, а я учила немецкий.

А за окном, оттого что в комнате загорелась лампа, стало совсем темно. И в зеркальной черноте стекла отразились лампа, и книги, и очень серьезный, нахмуренный, но довольный человек ученого вида — я.

Но я думала о том, что раз у других получается, должно получиться и у меня. Я подбадривала себя, представляя восхищение и зависть в глазах Сашки Мартыновой, когда она будет читать мою заметку. И еще мне мучительно и сладко рисовалась Инга Гурьевна, с лицом, раскаянным и смущенным, смотрящая на меня с долгим интересом. Ах, как мне хотелось доказать Инге Гурьевне, что я не тупица, что я способна на большее, чем бессвязно отвечать урок! В моих ушах звучала фраза, недоговоренная Ингой Гурьевной: «У меня есть мнение на этот счет, определенное мнение...» Что это за мнение, я догадывалась — это, что я очень неспособная ученица и что надо ко мне прикрепить кого-нибудь посильнее. Еще хорошо, что звонок перебил Ингу Гурьевну и ни Мартынова, ни Витя Белкин не узнали, что она хотела сказать.

Обида и тщеславие подогревали мой пыл. Я торопливо написала три странички, словно выпила в жажде стакан воды. Я прошлась по комнате, машинально сгрызла яблоки одно за другим, а когда перечитала на-

писанное, поняла, что все это не то. Растянула там, где надо сказать в двух словах, и сказала слишком скупо о том, что следует описать подробно и обстоятельно. Я отложила в сторону эти листки и начала все сначала. И опять мне не нравилось, и я страдала. И мне уже не рисовались завистливое лицо Сашки и раскаянное Инги Гурьевны. В ушах предательски зазвучало: «Я же говорила, что ей нельзя поручать такую заметку,— не справится» — это Сашка, и «Как это вы поручили такой неспособной ученице раздел, где всегда самые лучшие заметки?» — это Инга Гурьевна.

Я малодушничала. Я кусала губы и еле сдерживалась, чтобы не броситься в коридор, накинуть пальто и бежать в другой подъезд, где живет Мартынова, с тем, чтобы она успела поручить эту заметку еще кому-нибудь.

Я не заметила, как за окном повалил крупный снег. Не слышала, как пришел папа. Теперь он ужинал на кухне, разговаривал с мамой, и оттуда доносились звяканье вилки и их негромкие уютные голоса.

Мама позвала меня ужинать. Я вышла в кухню с гудящей головой, переполненной обрывками мыслей. Я нехотя принялась за бутерброды, но неожиданно быстро их съела. И вдруг почувствовала, что напряжение, в котором я жила весь сегодняшний вечер, отступает. Видимо, мягкий, рассеивающийся свет из-под старого абажура, горячий чай и бутерброды, папин любопытный и веселый взгляд из-за газеты подействовали на меня успокаивающе. Я облегченно вздохнула.

А потом я снова сидела за письменным столом, в комнате с углами, погруженными в сумрак, отделенная от всего мира белым конусом света, падающим от настольной лампы. Пришел папа с журналом и папиросой в руке, лег на тахту. Под ним скрипела пружина, когда он переворачивался со спины на бок и с бока на спину. Из кухни доносились мамины шаги и звон посуды. Потом все стихло. А я все писала, писала, перечитывала, откладывала в сторону и снова писала. То упрекала себя, что не побежала к Сашке, пока было не поздно, то радовалась этому. Дописав очередной листок, я глубоко вздохнула — и все! Все! Поняла, что не могу написать больше ни слова, ни буквы. Я встала, потянулась. Моя голова гудела, но была пустой, как колокол, и только одна мысль медным колокольным языком билась в ней: найдется ли в этой груде исписанных листков что-то дельное, с чего я завтра начну свой поход, свой штурм Парижа? Увы, я этого не знала. Я потеряла ощущение того, что хорошо и что плохо.

Папа, прикрывшись журналом, дремал. Я взглянула на его руку с часами: было без четверти двенадцать. Я побежала в ванную. А мама вышла из кухни и сказала, что я бессовестная девчонка, раз пользуюсь тем, что она зачиталась, и не иду спать в свое время, как положено.

Когда я легла на холодную простыню и надо мной поплыл зеленовато-серый потолок, я почувствовала озноб. Я с опасением подумала, что всю ночь меня будут мучить виды Парижа, статистические данные, лица коммунаров и придется принимать снотворное, как это делает папа, когда переутомлен. Но я не слышала, когда пришла мама, когда постелили на тахте и погасили свет. Я спала глубоко и без всяких снов...

На следующий день после уроков я встретила во дворе Витьку Белкина. Он мне кивнул, и я было хотела пробежать мимо, но он сказал:

— Погоди! Как у тебя дела с заметкой?

Я была польщена и сказала деловито, чтобы дать ему понять, что я не такая уж тупица, какой, может быть, предстала в его глазах на учкоме:

— Я собрала кое-какой материал, теперь буду его обрабатывать...

Витька посмотрел на меня и засмеялся.

— А взглянуть можно? — спросил он.

— Как взглянуть?

Моя деловитость сразу улетучилась. Что я ему покажу, если у меня гора разных листков, недописанных, брошенных, ужасно бестолковых?..

— Завтра,— сказала я, не глядя на Витьку, лихорадочно придумывая, почему я не могу ему ничего показать сегодня.

— Нет, завтра тебе уже надо сдать. Завтра ты ее всем покажешь. А сегодня мне, хорошо?

Мне были приятны его настойчивость и заинтересованность, и в то же время я чувствовала неловкость. И пока я раздумывала, показать ему или нет, Витька повернулся и пошел к моему подъезду. Я пошла за ним.

Я так волновалась, что у меня вспотели ладони, когда я из груды листков стала выбирать, на мой взгляд, наиболее удачные и один за другим подавать их Витьке.

Витька читал молча. И его молчание было удручающим. Конечно, если бы заметка была уже начисто переписана, разрисована по полям, может быть, она и произвела бы впечатление. А так...

Витька повернулся и пошел к моему подъезду.

Витька прочел это звучным, ровным голосом, словно декламировал со сцены. И я удивилась: неужели это я написала?

— Ловко накатала!—сказал Витька.— Я бы так не мог.

— Ну прямо,— ответила я.

Я достала альбом и показала Вите заграничные открытки.

— Отлично! — сказал он.— Пришпиль-ка несколько штук к заметке, и все будет в ажуре.

Он ушел, я села за стол, перечитала листки новыми, как бы не своими, а Витькиными глазами и решила, что в них не так уж много чепухи.

Сашке Мартыновой я сдала заметку на большой перемене. Я ждала, что она ее тут же прочтет, но она только поглядела на открытки и сказала, чтобы я зашла после уроков в пионерскую комнату.

У дверей пионерской комнаты я столкнулась с Витькой. Он раскраснелся и тяжело дышал. Видно, бежал сюда сразу после уроков. Мы вошли вместе. Саша Мартынова сидела за столом и, склонив набок голову, старательно что-то писала. Возле нее ярким веером лежали мои открытки.

Я села и стала смотреть на Сашу, на ее склоненную к плечу голову и на острый кончик языка, который она высунула от старательности. Мне было удивительно приятно видеть эту ее старательность и все время подмывало спросить: «В каком месте ты сейчас переписываешь?» Но я знала обычную Сашкину важность, и молчала, и даже не заглядывала ей через плечо.

В комнату вошел Борис Иванович и спросил у Саши, как дела с газетой.

— Вот заметку Мухиной переписываю,— ответила она.

— Инга Гурьевна одобрила? — поинтересовался он.

— В общем, да,— значительно сказала Саша.

Борис Иванович присел к столу и стал читать мою заметку.

Я смотрела на него во все глаза.

— Ну что ж, переписывай,— наконец

— А когда конец? — спросил он.— Ага, вот и конец,— сказал Витька.— Только погоди! Ты ведь об этом писала уже в самом начале.

— Да я, собственно...

— Хотя что ж, так даже лучше. Только измени немного, и получится рамка. Вот так, например: «Париж — это огромный город. Он славится не только тем, что в нем, как в столице, сосредоточена промышленность страны, но и тем, что это один из красивейших городов мира. Город чарует своей архитектурой, старинными памятниками, музеями...» Это — начало. А конец—то же самое, но так: «Париж — это огромный город. Он славится не только красивой архитектурой и всемирно известными музеями, но и тем, что в этом городе впервые была провозглашена коммуна».

сказал он.— Молодец! — Это относилось ко мне.

Я опустила глаза и глубоко вздохнула.

— Ей Витя Белкин помог,— сказала Саша.— Я ему поручила помочь.

Витя Белкин помог! Я захлебнулась воздухом. Так вот почему он вчера ко мне зашел. Это, значит, Сашка ему велела.

Витя поднял голову от листа ватмана, на котором он рисовал Деда Мороза.

— Нет,— сказал он.— Я ей не помогал. Она сама все без меня сделала.

— Как? — удивилась Сашка.— Без тебя все сделала?

— Я ей не помогал,—сказал Витя.

— Ну да. Она уже все написала, когда я пришел.

— И очень плохо,— сказала Сашка, не поднимая головы,— тебе поручили, а ты пустил на самотек.

— Нет,—возразил Борис Иванович,—как раз и хорошо, что Маша Мухина сама справилась. И вот что, — сказал он еще.— Ты беги домой заниматься. Инга Гурьевна будет тебя спрашивать. Надо же исправлять отметку.

— Мухина! — как-то на перемене после своего урока подозвала меня Инга Гурьевна.— Ты знаешь, что у тебя одной выходит двойка по географии?

— Да,— сказала я.

— Ну так как же? — Инга Гурьевна достала из портфеля начатую пачку папирос.— Ты думаешь ее исправлять?

Может быть, оттого, что класс опустел и мы с Ингой Гурьевной остались одни, голос ее звучал тихо, как-то устало, по-домашнему. И я решила, что Инга Гурьевна смягчилась или изменила мнение обо мне после этой заметки.

— Да,— сказала я.— Хочу.

— Одного хотения мало,— сухо сказала Инга Гурьевна. И я решила, что ошиблась.— Можешь самостоятельно за три дня подготовиться, чтобы я тебя спросила по всему материалу?

— Могу,— тихо сказала я.

— И я так думаю, что сможешь.

Нет, действительно голос Инги Гурьевны звучал мягко. Я не могла ошибиться. Ведь сказала же она, что, по ее мнению, я смогу самостоятельно подготовиться. Значит, все-таки она меня перестала считать такой тупицей, как, например, Мусю.

И тут мне захотелось сказать ей, что я готовилась к каждому уроку, честное слово, готовилась, но какая-то скованность мешала мне отвечать. Я подыскивала слова, чтобы ей это объяснить, краснела от напряжения, а Инга Гурьевна достала папиросу и нетерпеливо постукивала ею по пачке.

— Ну, так договорились, Мухина,— сказала Инга Гурьевна, пошарив рукой в портфеле и прогремев там спичечным коробком.— Через три дня после уроков я тебя буду спрашивать по всему материалу.— Она торопливо вышла из класса.

Наступила последняя учебная неделя. И хотя до каникул оставалось еще несколько дней и учителя по-прежнему задавали уроки на дом, а спрашивали даже чаще обычного, потому что надо было выводить оценки за полугодие, настроение во всей школе было возбужденное, предпраздничное. Почти у всех дома за окнами висели елки, и девчонки по двое и большими группами ходили в военторг на Стрельню за елочными игрушками. Школьный зал был с утра до вечера занят: там пели и разучивали танцы, готовясь к утреннику. Если на уроках еще сидели тихо, ожидая опроса, то на переменах возбуждение бурлило. Девчонки бегали по коридору, вырываясь из цепких рук дежурных, а кое-кто начинал преждевременно тянуть глупую песенку: «Последний день, учиться лень, мы просим всех учителей не мучить маленьких детей...»

Мне казалось, что я одна не захвачена общим настроением. Когда после уроков я осталась в классе и стихли звонкие на морозе голоса девчонок, стали слышны музыка и топот ног в зале наверху. А когда стихла и музыка, дятлом застучал мелок о заднюю стену — в соседнем классе шли последние дополнительные занятия или, может быть, там тоже кто-то остался после уроков, чтобы исправить отметку в четверти.

— Ну, Мухина, приготовилась? — спросила Инга Гурьевна, входя в класс. Она села

поудобнее на стуле и внимательно посмотрела на меня.

— Подойди к карте. Начнем с Кузбасса.

Я подошла к карте и стала карандашом обводить Кузнецкий бассейн. Я подыскивала слова, с которых следует начать ответ, они вертелись у меня на языке, но нужные опять почему-то не находились. Я волновалась, зная, что это последняя возможность исправить отметку. Снова заиграла над потолком музыка, затопали ноги, и я, боясь, что потеряю остатки решимости, начала: «Кузбасс — это...».

Но тут в дверь постучали, Инга Гурьевна вышла. А когда возвратилась, сказала:

— Ты видела новогоднюю газету? Твоя заметка получилась очень хорошей. Толковая заметка. Да, я всегда знала, что ты способная. Но уж очень ты рассеянная на моих уроках. О чем ты думаешь, когда я объясняю новый материал? Я же вижу, что ты ни слова не слышишь.

— Не переноси свои чувства к учителю на его предмет,— сказала Инга Гурьевна.

Я вспыхнула. Я просто боялась верить своим ушам. Выходит, что не заметка изменила мнение Инги Гурьевны обо мне, она всегда меня считала способной...

— Ну, я слушаю. Ты опять о чем-то постороннем думаешь?

Я молчала.

— Ну ладно, после поговорим. Смотри на карту и отвечай.

— Кузбасс — это центр металлургической и угольной промышленности...— начала я.

Передо мной висела карта, и на ней черным по зеленому были разбросаны условные значки. И было совсем нетрудно определить, какая где преобладает промышленность, и было совсем нетрудно называть цифры добычи угля и выплавки стали, потому что я их давно заучила, и было совсем нетрудно подыскивать слова — они сами срывались с моего языка. Инга Гурьевна одобрительно кивала головой. Я была так возбуждена, что почувствовала разочарование, когда она меня остановила.

Она задала мне еще вопрос, потом еще... Я отвечала. В конце концов Инга Гурьевна сказала:

— Ты хорошо это подучила. Мой тебе совет: борись с рассеянностью. И еще вот что,— голос Инги Гурьевны стал глуховатым,— не переноси свои чувства к учителю на его предмет.

— Какие чувства? — спросила я таким же глуховатым голосом.

Инга Гурьевна раздраженно пожала плечами.

— Ты понимаешь, о чем я говорю. Не спорю, ты уже достаточно взрослый человек, чтобы иметь свои симпатии и антипатии.

Антипатии? К кому? И тут я догадалась: Инга Гурьевна думает, что у меня к ней антипатия. Я покраснела и быстро сказала:

— Нет, что вы!

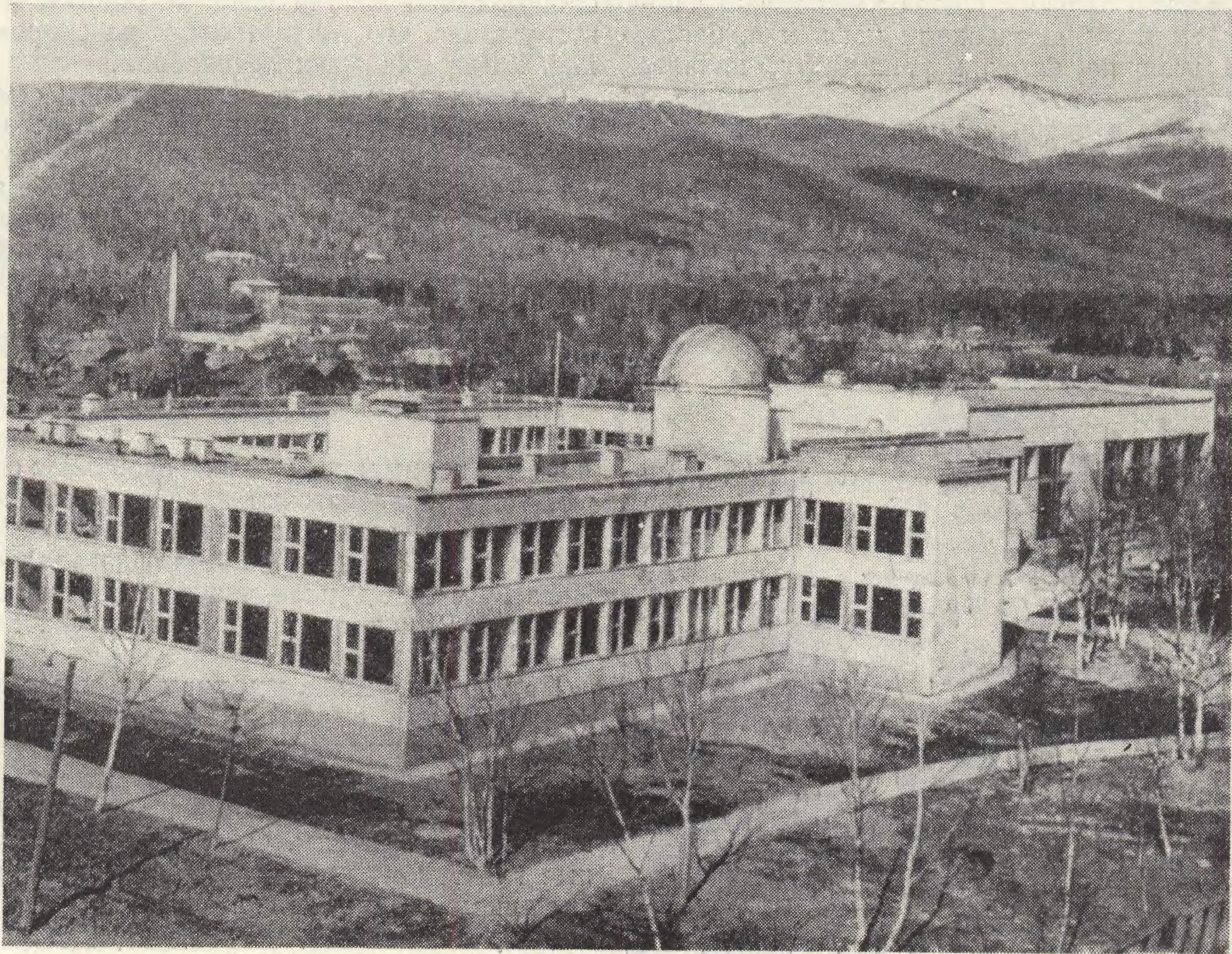
Но Инга Гурьевна усмехнулась и перебила меня этим смешком, посмотрев мне в лицо своими желтыми в крапинку глазами. И свет, струящийся из них, обычно такой яркий и опасный, теперь казался приглушенным, померкшим. Обычное лицо, обычные глаза, немного усталые, чуть-чуть насмешливые. Впрочем, не насмешливые даже, а улыбающиеся, неявно, сдержанно, но улыбающиеся.

— В этой четверти,— сказала Инга Гурьевна,— у тебя все-таки выйдет тройка, хотя за заметку ты получила пятерку, да и этот ответ не плох, но уж слишком много у тебя двоек и троек в журнале. Однако уж в третьей четверти, я надеюсь, ты получишь не меньше четверки. Так?

— Так,— сказала я.

Я вприпрыжку сбежала по лестнице. Вслед мне неслись веселая музыка и ритмичные хлопки. И мне стало смешно и стыдно своих фантазий о лавине, обо всем таком накрученном, ненужном, где-то мною вычитанном, а может быть, услышанном и так нелепо примененном к себе.

Вот так да! Были в глубинах Черного моря, а оказались на берегу Тихого океана!

Как обидно, что такой густой туман. Не повезло нам с погодой. Дождь!

Но, пожалуйста, приглядись повнимательнее! Вот туман немного рассеивается. Там, в сопках, какой-то дворец!..

Смотри, он построен, как лучшие современные здания! У него круглый купол, видно, во дворце есть обсерватория! И сколько народу! Сколько мальчиков и девочек!

— Девочка, одну минутку, куда ты так торопишься?

— Мы создаем планктон в аквариумах.

— Мальчик, постой, ты тоже ихтиолог?

— Нет, я астроном. Извините, я должен успеть сосчитать все падающие звезды. Если, конечно, они появятся. Сегодня такой туман...

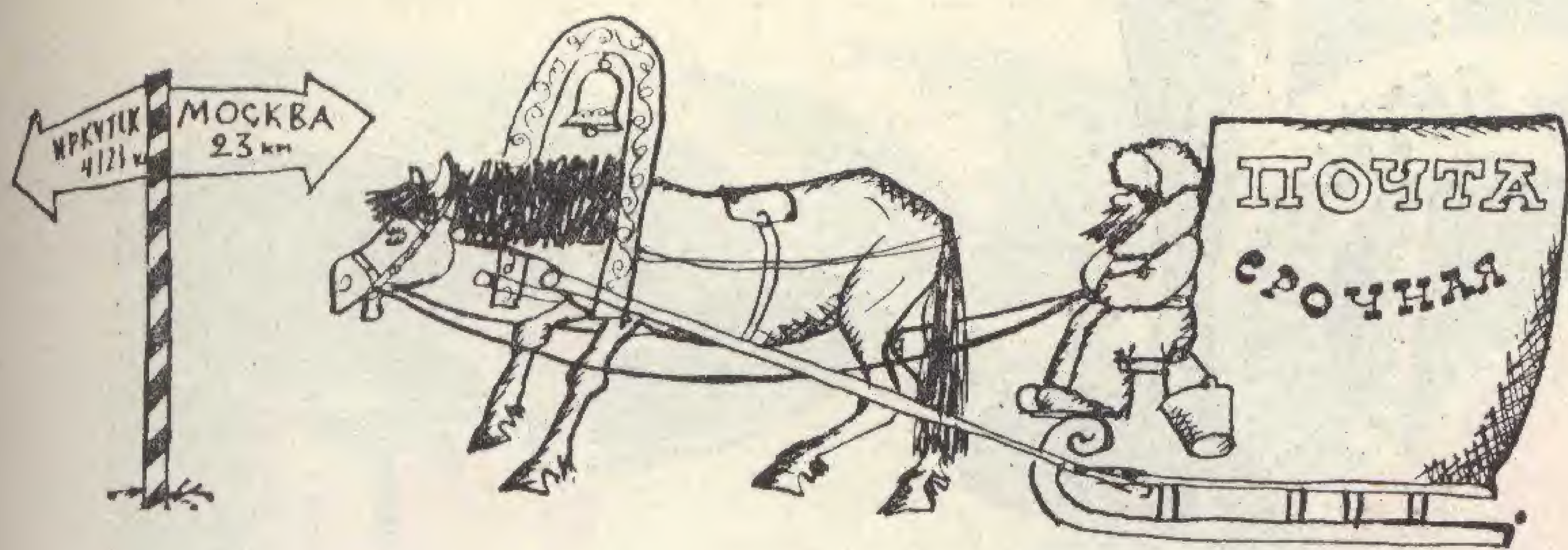
— Чей же это дворец?

— Наш. Его подарил к празднику южно-сахалинским ребятам Центральный Комитет комсомола. А вы, должно быть, из журнала «Пионер»? Вы путешествуете?

— Да. А откуда ты знаешь?

— Да это ж очень просто. Новости теперь не проблема...

Остров Сахалин... Тысячи километров по воздуху, воде и суше отделяют его от столицы. Новости раньше сильно старели, пока добирались в эти края. Они опаздывали ров-

но на столько, сколько нужно было, чтобы пересечь эти тысячи километров на лошадях или даже на почтовых поездах.

Но в век радио и телевидения новость можно не только услышать, ее можно увидеть в те самые мгновения, когда она родилась где-то далеко-далеко отсюда...

На окраине города подымается невиданное сооружение — исполинская чаша, похожая на радиотелескоп. Сахалинцы очень гордятся этим сооружением: оно включит их во всесоюзную систему телевизионной связи «Орбита». Цепь исполинских антенн, таких, как вы видите на снимке, протянется по Сибири, Дальнему Востоку, Средней Азии. «Орбита» свяжет и Сахалин с Москвой.

Мальчишки из кружка космонавтов, которые и повели нас смотреть «Орбиту», припасли для нас еще одну новость: антенны «Орбиты» будут принимать сигналы не прямо из Москвы, а из космоса, со спутника «Молния-1». Москва пошлет в эфир изображение, на космической высоте его перехватит приемник спутника и будет транслировать дальше. А в разных точках страны чуткие антенны, повернутые к небу, примут сигналы «Молнии», усилят их, очистят от шумов и передадут прямо на домашние голубые экраны. И сахалинские ребята в одно время с московскими, воркутинскими, иркутскими будут смотреть юбилейный парад с Красной площади.

Подобно молнии, мчатся новости в эфире по удивительному, почти сказочному курсу: Москва — космос — куда угодно...

Путешествие продолжается на странице 22.

ЧЕРНОМОРСКАЯ ЛЕГЕНДА

Вл. ОРЛОВ

Чернело небо.
Ветер свирепел.
Сгущалась над Россией
Непогода.
И только
Флаг «Потемкина» алел,
Как первый луч
Грядущего восхода.

Шел броненосец,
Рассекая мрак.
И вахтенные ждали
Напряженно,
Когда вдали
Засветится маяк,
Подводными камнями
Окруженный.

Откуда было знать
На корабле,
Что тот маяк,
Не гаснувший ни разу,
Маяк, не засыпающий
Во мгле,
Жандармы погасили
По приказу,

Что в это время
Царская рука
Строчила
За депешею депешу,
Что был старик —
Смотритель маяка
В ту ночь
За ослушание повешен!

Маяк ослеп.
С холодного стекла
Срывало ветром
Воду дождевую.
И темнота
Фонарь обволокла,
Над маяком
Победу торжествуя.

Прислушайтесь к прибою,
Моряки!
Штурвальные,
Вы сделали ошибку!
Уже скала оскалила
Клыки,
Чтоб их вонзить
«Потемкину» в обшивку!

На берегу
Жандармский офицер
Бумагу приготовил
Для доклада.
Он вас уже поставил
Под прицел,
И в Петербурге
Ждет его награда.

Назад, матросы!
Днище корабля
Сейчас в гранит
Ударится с налета...
Но вздрогнула
Российская земля,
И тихо позвала
Она кого-то...

И долетел тот зов
До маяка
Через грозу
И медные зарницы,
И в самом сердце
Внучки старика
Забился,
Как встревоженная
Птица.

Все поняла девчонка
И смогла
Пробраться к маяку
Сквозь оцепленье.
И хлынул свет.
И отступила мгла.
И замер офицер
В оцепененье.

О том, что было
В грозовую ночь,
На броненосце
Так и не узнали.
И девочке никто
Не мог помочь,
Когда ее поймали
И связали,

Когда ее бросали
С маяка
В клокочущее,
Вспененное море...

Пришла легенда
К нам издалека,
Босая,
Поседевшая от горя.

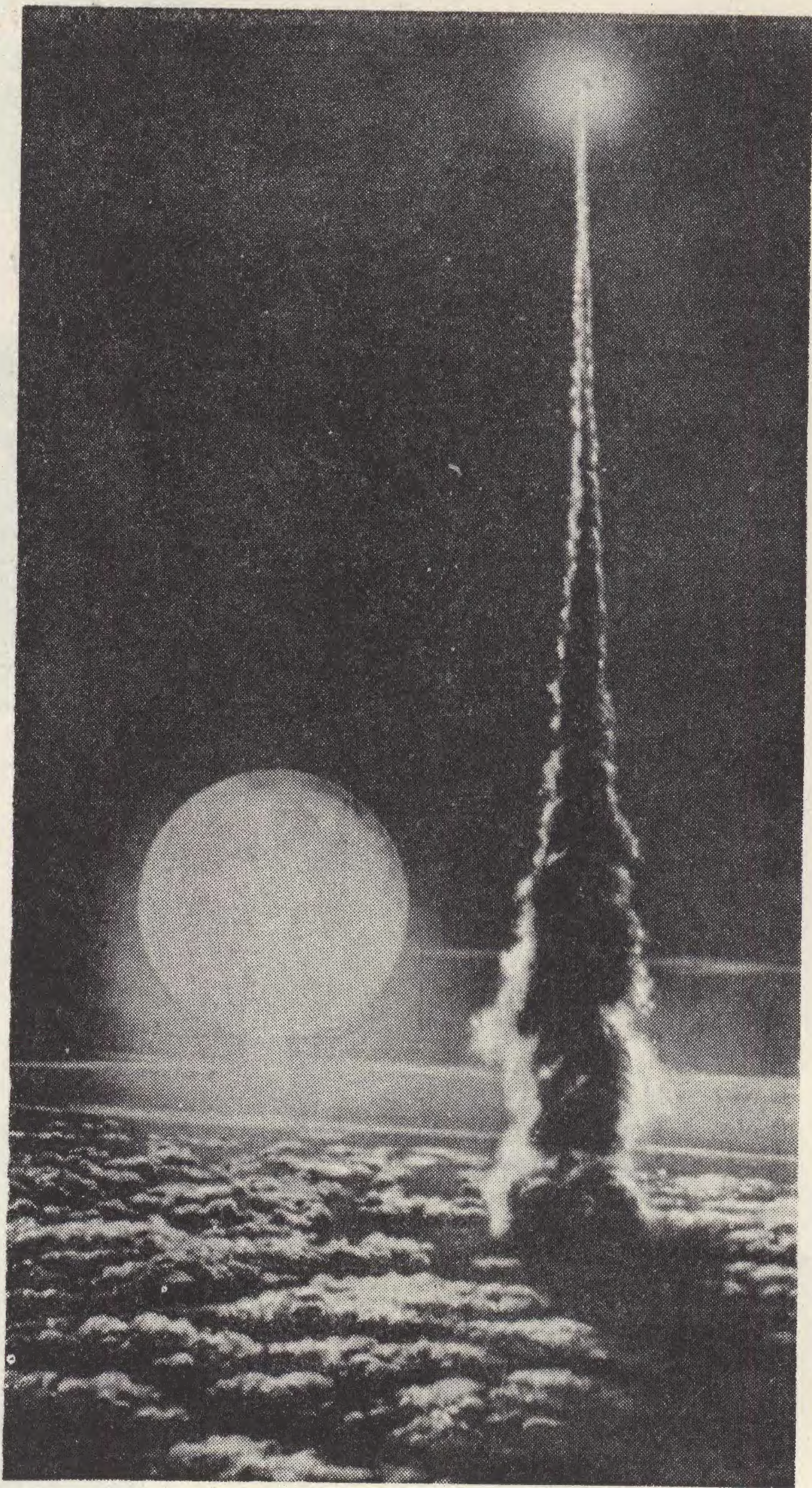
Как звали
Ту девчонку!
Я в ответ
Вам так скажу:
Нет, главное не это.
Над миром
Занимается рассвет,
И в нем горит
Ее частица света.

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА

ОБЫКНОВЕННОЕ

ЧУДО

В космос. **Фото В. Лебедева.**

18 октября 1967 года, 7 часов 34 минуты. Наша советская межпланетная станция вошла в атмосферу планеты Венеры, самой прекрасной и яркой, самой близкой к нам и самой загадочной. О ней знали много, но еще больше было такого, чего не знали.

Вести о ее поверхности и о скорости вращения принес посланный с Земли радарный луч, но эти вести можно было истолковать по-разному.

Вести о ее температуре поймали антенны радиотелескопов, но они не могли дать ответ, откуда эта температура: с твердой поверхности планеты или из верхних, ионизированных слоев ее атмосферы.

Из чего состоят густые, ослепительно белые облака Венеры, закрывающие ее лик? Даже этого не знали.

И вот в эти облака вошла посланница нашей страны — «Венера-4», послушная командам с Земли и собственным управляющим автоматам.

...В густом облачном киселе стали невидимыми для ее приборов небесные ориентиры. Исчезла Земля, мерцающая яркой голубой искоркой среди россыпи звезд.

Но именно это послужило «Венере-4» сигналом к действию. Так задумали и рассчитали ученые, посылавшие станцию и теперь следившие за ней с далекой голубой звездочки.

Тотчас пришли в действие автоматы, отделяя друг от друга две составные части станции: орбитальный отсек и спускаемый аппарат — «СА».

Разная судьба была у них впереди. Венерианская атмосфера плотнее земной. Скорость, на которой вошла в нее «Венера-4» и которую поначалу сохраняли, разделившись, обе ее части, составляла 11 070 километров в секунду.

Смертоносная скорость! Яростные воздушные струи разламывали орбитальный отсек на части. Сломанный, искореженный, он сгорал, прочертив в небе Венеры огненный метеорный след. Ведь его создали лишь для работы в космической пустоте долгого межпланетного пути. Он верой и правдой отслужил свою службу.

А спускаемый аппарат? Воздушные потоки, завихряясь, скользили по его округлым бокам из сверхтвердых сплавов. Термическая рубашка принимала на себя температурную атаку. Тяжелый, почти в четыре центнера весом, шар, врезываясь в атмосферу со скоростью метеора, гасил эту скорость об упругую, словно резина, воздушную подушку, возникающую впереди движения.

Когда одиннадцать тысяч километров в секунду уменьшились до трехсот метров, снова вступили в действие автоматы. Над «СА» беловатым язычком вытянулся тормозной парашют и с резким хлопком раскрылся, наполнившись воздухом чужой планеты.

Триста метров в секунду, конечно, не то, что вторая космическая. Но все же это почти скорость звука. Тормозной парашют все больше замедлял движение «СА».

Наконец, датчики атмосферного давления сообщили: пора! Датчики перегрузок, вызванных торможением, просигналили: пора! Программно-временное устройство пришло к тому же выводу своим путем. И тогда над пришельцем с Земли распустился огромный купол основного парашюта. Начался плавный спуск. И тотчас вступили в действие высотомер, ультракоротковолновые передатчики и радиоантенны «СА», посылая Земле точные данные о венерианской атмосфере. Эта передача началась на высоте в 26 километров и шла до самой поверхности.

Земной гость спустился на ночной стороне планеты, недалеко от экватора. Ни один житель Земли не видел, как это произошло. Но не раз совершал мягкую посадку двойник «СА» на Земле. Мягкими складками легла на поверхность почти несгораемая ткань парашюта. Мягко качнулся и встал вертикально тяжелый шар. Центр тяжести был в нем рассчитан и расположен так же, как в милой русской игрушке, называемой Ванькой-встанькой.

Космический Ванька-встанька встал вертикально. Он стоял там, во мраке венерианской ночи, вокруг струился раскаленный воздух с температурой 280 градусов, давление в 15 атмосфер сжимало его. Подводная лодка была бы раздавлена воздухом Венеры, как скорлупка.

И все же любые особенности и необычности далекой планеты не самое удивительное. Куда удивительнее, что человеческие руки построили космический аппарат, проделавший весь неслыханно трудный путь, что человеческая мысль предусмотрела все трудности, которые встретятся на этом пути, и нашла способы их преодолеть.

Вот оно, обыкновенное чудо науки!

«Зачем мы летаем в космос?»

Такой вопрос задал нам читатель «Пионера» Саша ОГУРЕЕВ

Вот что сказал об этом, выступая по радио,

ГЛАВНЫЙ КОНСТРУКТОР

автоматической межпланетной станции «Венера-4»

Зачем, собственно, мы летаем в космос! Дело в том, что человеческая фантазия может простираться очень далеко. Человек в силу своей натуры всегда стремится к познанию нового, неизвестного ему сегодня. Такое познание необходимо человеку, иначе и не будет прогресса научной мысли, не будет технического прогресса. И, поскольку космос не имеет границ, вероятно, мы с вами доживем до того дня, когда человечество сможет вырваться на очень далекие планеты, может быть, даже за пределы Солнечной системы. Пока это фантастика. Но для того, чтобы сделать это былью, советские ученые, инженеры, конструкторы стремятся познать хотя бы те планеты, которые находятся в непосредственной близости от нас.

Вряд ли кто-нибудь из нас мог представить себе лет двадцать — тридцать назад, что в 1967 году будет установлена прямая связь между Землей и Венерой.

Гениальный русский ученый Циолковский показал всем, что создание межпланетных кораблей возможно. Но для этого необходима была достаточно широко развитая промышленность, которая родилась в нашей стране после Великой Октябрьской революции.

Нам очень приятно, что первый полет в атмосфере Венеры свершился в год великой годовщины Октябрьской революции. Все ученые, рабочие, конструкторы, инженеры воодушевленно трудились, понимая, что старт этой машины будет в год пятидесятилетия, и посвятили эту работу пятидесятой годовщине Великого Октября.

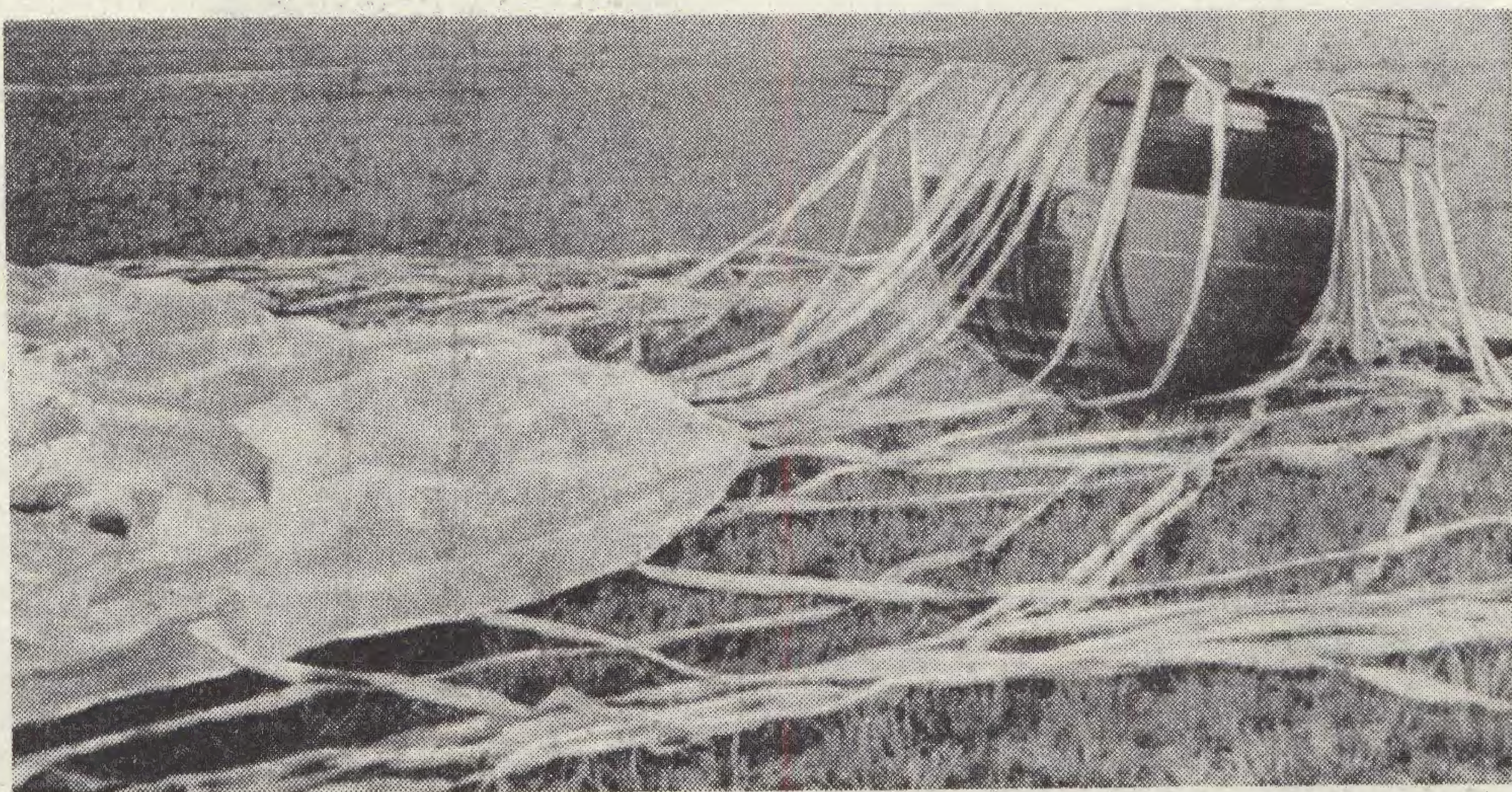
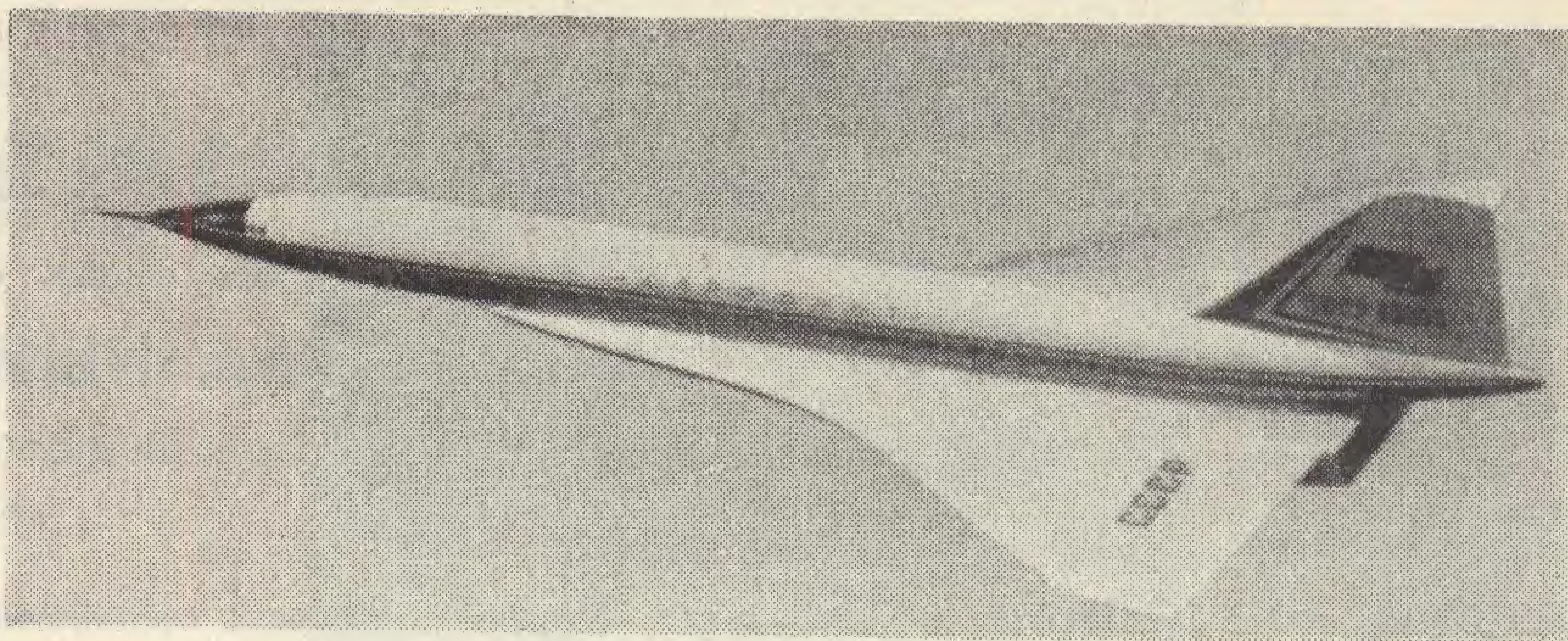

Фото П. Барашева.

Вот так же, как этот двойник на Земле, совершил «СА» посадку на далекой планете.

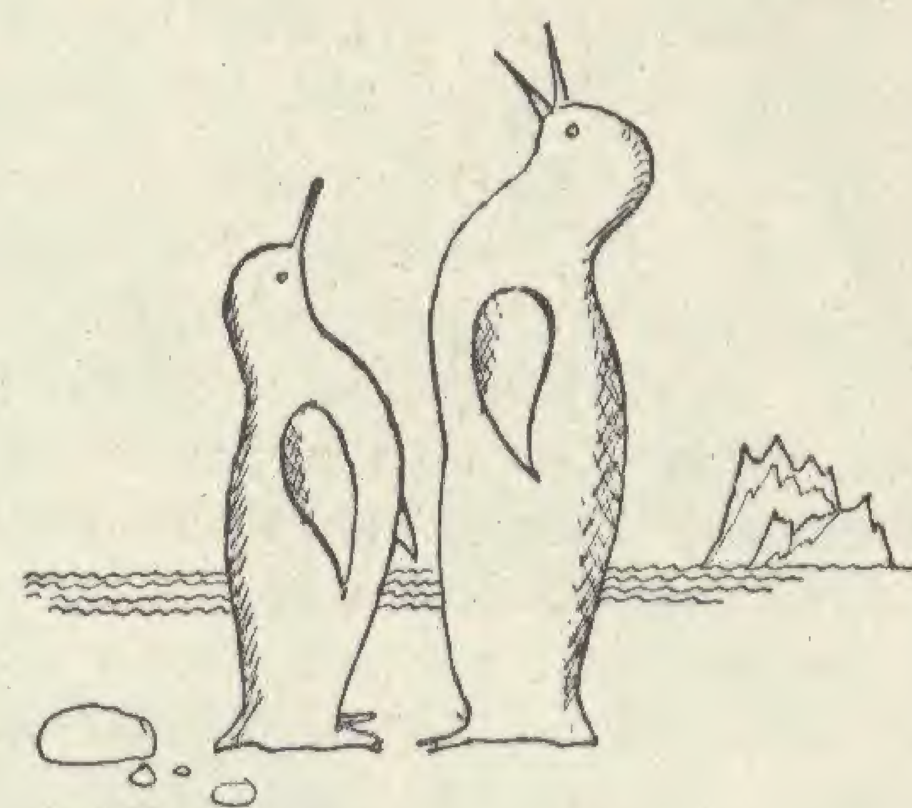

С Сахалина по суше не уедешь. Правда, можно уплыть на теплоходе, но это долго. Летим? Давай воспользуемся услугами Аэрофлота.

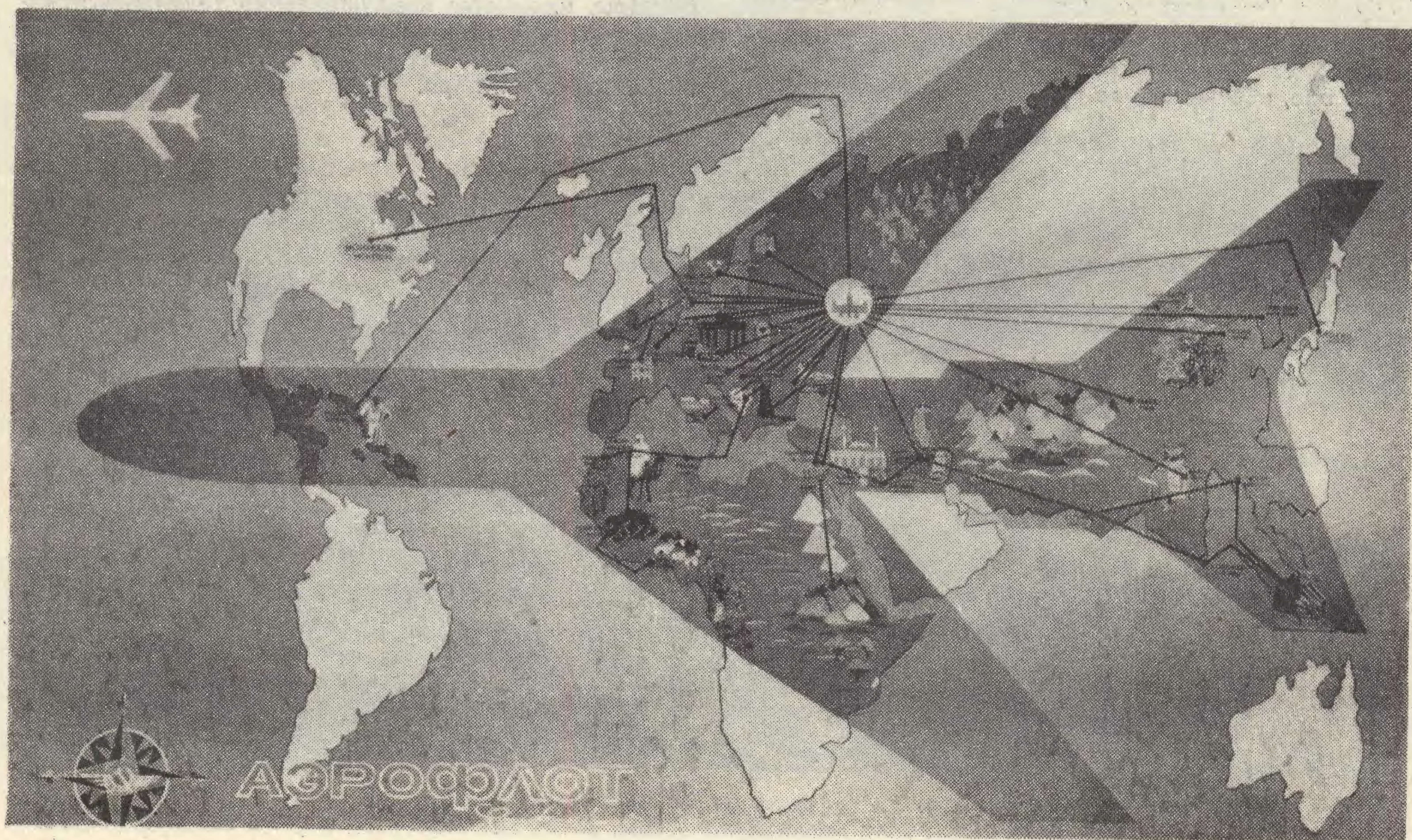
Внизу по горам, по лесам и полям бегут тени от облаков, но этого мы не видим: мы высоко над облаками, и только командир корабля или штурман, отрываясь на минутку, сообщают нам: «Пролетаем над Братской ГЭС имени 50-летия Октября». Станция работает, дает энергию, светит, греет. Летим дальше. Под нами Тюменская область. Она уже под снегом, но геологи, инженеры, рабочие, целая армия специалистов — нефтяников и газовиков — работают вовсю. Здесь открыты гигантские запасы нефти и газа — такое богатство, которое ни с чем не сравнить.

Летим над нашей страной, а захотели бы — и могли бы на могучих крыльях Аэрофлота

перенестись в самую отдаленную точку земного шара! Почти со всеми континентами земли соединяет сейчас Аэрофлот нашу страну: Москва — Африка, Москва — Америка, Москва — Азия и даже Москва — Антарктида!

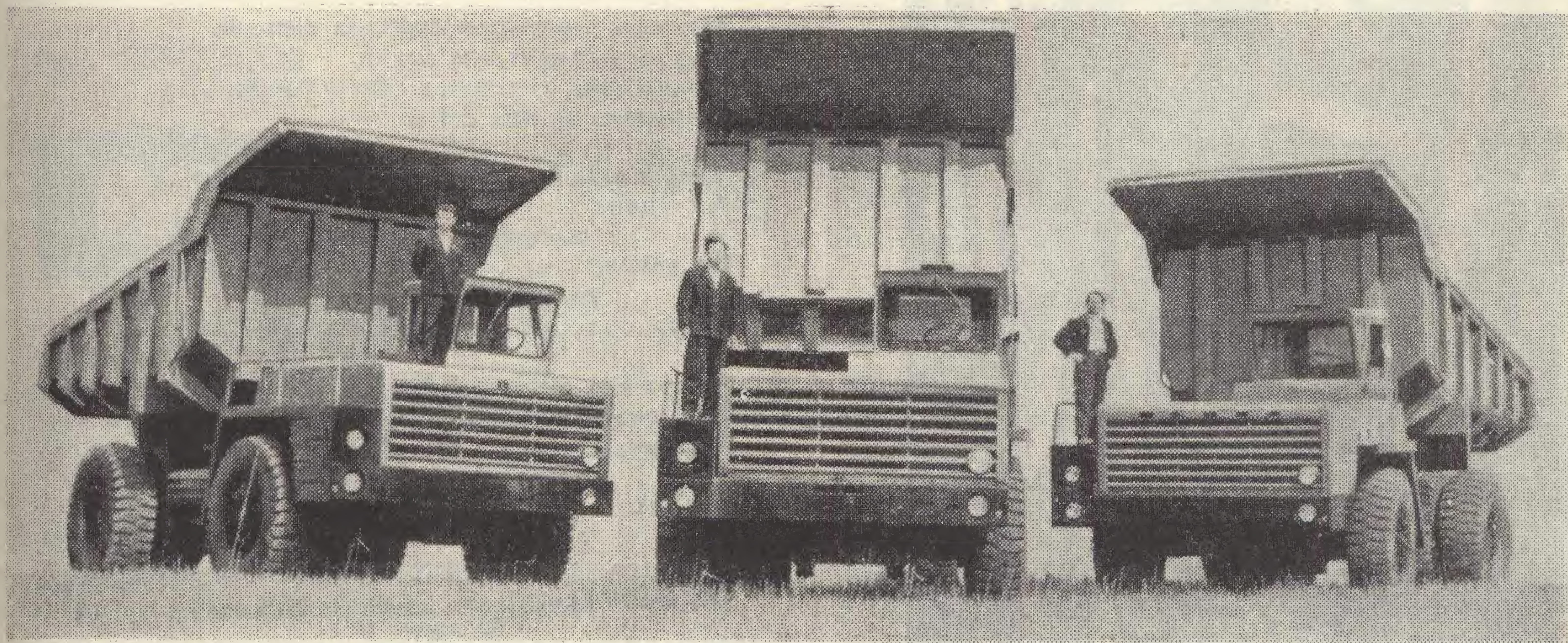
Москва — Антарктида. Самый большой воздушный мост в мире. Он протянулся на двадцать пять тысяч километров...

В Токио, на Кубу, в Монреаль, в Джакарту регулярно вылетают наши реактивные лайнеры. Средняя скорость этих полетов сегодня — пятьсот пятьдесят километров в час, а недавно, еще в 1960 году, была немногим больше трехсот километров.

А мы с вами сейчас летим еще быстрее, за каждый час оставляем позади девятьсот километров. Такая скорость у нашего нового гиганта — «ИЛ-62». А через некоторое время появится новая машина — сверхзвуковой «ТУ-144». Вверху на предыдущей странице модель этого чудо-самолета. Начнется эра сверхзвуковых пассажирских полетов. «ТУ-144» будет летать без посадок на огромные расстояния и в три раза быстрее любого из современных самолетов.

Все это сказал нам командир корабля, а штурман, оторвавшись от карты, прибавил, что за год пилоты нашего Аэрофлота все вместе пролетают около ста пятидесяти миллионов километров! Это знаешь, что за расстояние? Это рейс от Москвы до Солнца.

Как хорошо все видно сверху! И реки и дороги, словно на карте.

Смотрите, по шоссе бежит машина. Даже отсюда, с высоты, видно, какая она огромная. Давайте спустимся на минутку.

Может, пристроимся в кабине водителя? Не так-то просто туда забраться. Шофер поднимается в кабину по лесенке. Но мы, ты ведь знаешь, все можем. Обойдемся без лестницы. Ну вот, устроились удобно.

Как же мы не узнали сразу: это знаменитая машина — «БелАЗ-540». На международной ярмарке в Лейпциге она получила золотую медаль. «БелАЗ — значит Белорусский автомобильный завод, а 540 — номер модели.

Пассажиров «БелАЗ» не берет. Мы исключение. «БелАЗ» перевозит руду, уголь, грунт. Сразу 27 тонн! Для этого «на плечи» машины устанавливают огромный металлический ковш. Нагружают ее не лопатами — это все равно, что кидать по щепотке. Нагружают «БелАЗ» другие машины — экскаваторы. А вот разгружается он самостоятельно: шофер нажмет рычаг, ковш опрокинется и высыплет добрую гору руды или что там в нем было.

Вы, может быть, думаете, что по дороге «БелАЗ» еле ползет, кряхтя от тяжести? Ничего подобного. У него в моторе почти четыре сотни лошадиных сил. Сейчас он везет несколько легковых машин. И еще нас с тобой. И мчится со скоростью 60 километров в час. Быстрее даже легковым такси ездить запрещается!

Путешествие продолжается на стр. 36.

ЛИСТОВКА
/Из цикла «Воспоминания детства»/
Эдуардас Межелайтис

...Снег налип на стекла среди ночи...
Но не гаснет свет в окне одном...
Чья-то тень окно накрыла... Хочет,
Чтобы сгинул, захлебнулся дом...

Эта тень стоит, как призрак хитрый,
И за ним следит она давно.
Только снег, холодный снег и рыхлый,
Закрывает от нее окно.

Тень в окно глядит... Снег валит, валит...
А студент,
высокий и худой,
По доске
раскатывает валик,
Чтобы сросся белый лист с доской...

Завтра это самое воззванье,
Что печатает чудак-поэт
(По ночам
забыв свое призванье...),
Прочитает университет...

Для чего наладил он гектограф!
Отдалить войну!
Ее пути
Перекрыть!.. (Он умер бы с восторгом,
Только б человечество спасти!..)

...Валит снег... По снегу ветер рыщет...
Да и полночь пробило давно...
Но продрогшею собакой сыщик
Все глядит, глядит, глядит в окно.

Ветер рыщет, а деревья, будто
Хворые,
согнулись в смертном сне...
И спешит, чернея, тень Иуды
По холодной снежной простыне...

Рисунки В. НЕКЛЮДОВА

Перевел с литовского Вл. Корнилов.

Это стихи о борьбе с угрозой фашизма накануне второй мировой войны. В буржуазной Литве комсомолец Межелайтис был подпольщиком до самого сорокового года, когда его страна вошла в семью народов СССР.

Вик. БЕЛОУСОВ

Рисунки А. ЗУБОВА

Меня долго звали Витей, и никому в голову не приходило окликнуть: «Эй, Виктор!» Теперь Витей я остался только дома да для близких друзей. И то не всегда. А на каком году это случилось, даже не припомню. В жизни многие перемены происходят незаметно.

Многие, но не все. Даже с именами.

Был у меня друг. И я знаю не только год, но и день и час, когда пришло к нему полное имя, имя зрелости.

Да, у него все решилось в час.

Было нам тогда по одиннадцати. А учились мы в первом классе. Не удивляйтесь: дело было в войну.

Когда немцы захватили наш городок, школы долгое время потерянно смотрели на улицу пустыми глазницами окон. Потом в двух школах вытащили остатки стекол, кое-как застеклили рамы, а где так просто фанерой заколотили и нацепили новую вывеску. И вместо учеников четвертого класса средней школы имени Ленина стали мы гимназистами первого класса смешанной городской гимназии имени освобождения России.

Название гимназии придумал, наверно, директор, которого меж собой мы сразу окрестили Соловьем-Разбойником. Правда, от соловья у него, кроме стишков про соловья, ничего не было. Зато от разбойника — кривой глаз, угрюмое длинное лицо и привычка вытирать ладонью губы, будто он только что слопал барана и залепил себе губы салом.

В первый же день своего воцарения Соловей-Разбойник обошел все классы и объявил, что пишет стихи, но при советском режиме его не признавали, а вот теперь новые власти издадут целый сборник его стихотворений, и для этого каждый из нас должен принести нелинованной бумаги, у кого какая найдется.

Отька Семин, сидевший на второй парте, поднял руку и вежливо спросил:

— А шпалеры можно?

Разбойник уставился на него единственным глазом. И глаз этот не то прикидывал, как будут выглядеть стихи на обоях, не то сомневался: «Откуда они, шпалеры, у такого дохляка?» Но вот директор вытер пятерней губы и неожиданно продекламировал:

— Шпалеры-халеры, дурные манеры имеют для службы стихам моей сферы.

И засмеялся. Он был очень доволен, что сочинил стихи на глазах у нас. Тогда же он прочитал и про соловьев. Мне запомнилось только:

Под моими окнами
Соловьи промокнули.

Но бумаги ему никто не принес. Отьке на перемене сказали:

— Выслужиться хотел?

Отька постучал себя кулаком по стриженой голове и ответил:

— Из вас хорошие бы пробки получились.

— Почему? — наивно спросил Женька Гребешков.

— Потому что ты так же глуп, как и они.

— Январь — щи варь, — задразнил разозленный Женька.

Но его никто не поддержал. Вот Отька поддел так поддел! А это что — еще в первом классе Отьку дразнили то Январем, то Ноябрем.

А звали его Октябрь. Только это в метрике так было записано да в классном журнале. Все его называли Отей, Отькой. За Октября он сам злился, как за Декабря и Января.

И вдруг... Случилось это «вдруг» на втором уроке. Мы пыхтели над задачей о купце, который почему-то мешал печенье пяти сортов в самых непостижимых пропорциях (не иначе, чтоб легче сжульничать). Тут и отворилась дверь, и в класс вошли очкастый немец-офицер и Соловей-Разбойник. Не обращая на нас ни малейшего внимания, немец показал учительнице Елизавете Акимовне какую-то бумажку с оборванными краями, а Разбойник перегнулся с другой стороны и стал что-то шептать ей на ухо. Елизавета Акимовна побледнела.

— Точно? — спросил Разбойник.

— Да, — кивнула учительница.

— М-м-м,— промычал немец.

— Айн момент, — заюлил Разбойник, — нур айн момент.

Он велел нам вырвать по листку, написать вверху фамилию, имя и потом продиктовал:

— И не будет вам никакой пощады.

Листки эти он собрал и передал немцу. Немец расправил свою бумажку, взял ее в левую руку, а правой брал из стопки наши, переводил взгляд с одной на другую и откладывал. Мы уже догадались, что он сличает подписи, и притаились. Так уже было раньше в пятом классе, и тогда прямо на уроке схватили Бориса Маслова. Теперь он сидел где-то в концентрационном лагере.

Но вот немец отложил последний листок и кивнул Елизавете Акимовне:

— Карашо.

Разбойник, заглядывавший до того в листки из-за плеча офицера, теперь разворошил их и вытащил один.

— Кто такой? — кивнул он на листок.

— А-а... Отя, — попробовала улыбнуться Елизавета Акимовна. У него в октябре день рождения.

Хлопнула крышка парты. Это встал Отька.

— Садись, садись, тебя не спрашивают, — замахала в его сторону рукой Елизавета Акимовна так, что даже платочек выпал у нее из-за манжеты.

Но Отька весь натянулся, тронь — зазвенит. И голос его зазвенел:

— Неправда. Я родился в феврале.

В классе стало так тихо, что, кажется, было слышно, как промокашка на нашей парте своим уголком сосет из чернильницы чернила.

— Гхе,— крякнул Разбойник. — Так тебе нравится твое имя?

Отька возил пальцем по парте.

— Телок язык отжевал? — съехидничал Разбойник.

Отька снова поднял стриженую голову. Лицо его зеленело на глазах. Казалось, еще минута, и его щеки будут такого же цвета, как и застиранная армейская гимнастерка, что была на нем. Он обвел кончиком языка губы и негромко сказал:

— Да.

— Что «да»? Что «да»? — передразнил Разбойник. — Как вас учили отвечать?

Он ткнул пальцем в первую парту.

— Скажи ты.

Испуганная Инка Полосухина пролепетала:

— Правильно.

— Что «правильно»?

— Чтоб не подсказывали, — вконец смешалась Инка.

Разбойник поморщился и махнул на нее рукой.

— А ты?

— Отвечать надо громко, — тихо и не сразу сказал я.

— Гром-ко. Дуром-ка. Ученички, — понесло Разбойника, но тут он спохватился и поправился: — Гимназисты... Чтоб знали мне, — и, припечатав палец к столу, отчеканил: — Отвечать надо полно. Полно! Понятно?

Он опять переключился на Отьку.

— Знаю, — сказал Отька.

— Ни черта ты не знаешь, — отрезал Разбойник. — Да. Не, ме, бе — вот что ты знаешь. Повтори.

Отька молчал.

— Да... не... ме...— диктовал Разбойник с расстановкой. — Ну!

— Да... мне...

— Не, ме, — поправил Разбойник.

— Да. Мне нравится мое имя — Октябрь, — громко сказал Отька.

У Разбойника бровь над кривым глазом полезла вверх. А немец отошел к двери и нетерпеливо посматривал на директора. Он, видимо, не понимал, что здесь происходит, и был недоволен, что директор застрял тут. Разбойник спохватился и залопотал немцу. По словам «Октобер», «Социалистише революцион» мы догадались, о чем он.

Тут немец поманил Отьку скрюченным пальцем. Отька оглянулся на нас и пошел к доске, бухая здоровенными сапогами. Лоб и нос его были в испарине.

Немец стал расстегивать кобуру.

— Что вы?! Найн! Не надо. Никс, — бросилась к немцу Елизавета Акимовна, прижимая к груди сухонькие кулачки.

— Будешь еще, будешь?! — орал над Отькой Разбойник, видимо, сам напуганный оборотом дела.

А немец уже справился с застежкой и запустил пальцы в кобуру. Разбойник отскочил от Отьки.

— Никс! — вскрикнула Елизавета Акимовна, отчаянно мотая головой.

Немец резко отодвинул ее и выбросил руку из кобуры к груди Отьки.

— Пуф! Пуф! Пуф!

Когда я открыл глаза, немец все еще держал перед Отькой наставленный на него палец и пфукал.

Отька стоял на том же месте. Одна бровь его ходила ходуном, у него дергались губы, но на лице не было ни слезинки. Напряженные глаза в упор смотрели на немца.

Немец наконец расхохотался, и щетинистые щеки его затряслись, как рыбный студень. Разбойник отвалил нижнюю челюсть и подхохатывал ему трусливым смешком.

Потом немец выпустил в каждый ряд из пальца свое «Пуф!» и пошел к двери. Разбойник кинулся за ним, но с порога вернулся и потащил Отьку за руку.

Елизавета Акимовна первый раз в жизни не сказала мне, что подсматривать из-за двери нехорошо. Я видел, как Разбойник доволок Отьку до конца коридора и втолкнул его в последнюю дверь. Там до недавней поры был чулан, где хранились тряпки, ведра. Теперь эта, без единого оконца, клетушка именовалась карцером. Отька был вторым узником в его истории.

На перемене мы гурьбой повалили туда. С крюка над дверью свисал Отькин ремешок.

— Ну как?— тихо спросил кто-то.

Ответа не было. Мы побарабанили и уже громче повторили:

— Как?

— Контора пишет,— донеслось из-за двери.

В карцере Отьку продержали до вечера. Мы дожидались его во дворе.

В первые минуты на вольном воздухе он часто моргал и на наши расспросы отвечал неохотно.

В гимназию он больше не пошел. Может, Разбойник и пустил бы его, но Отька сказал, что скорее околеет, чем пойдет к нему на поклон.

А мы еще ходили с полгода. И в карцер попадали. Но теперь в карцере был тайник с церковной свечкой и, значит, хоть и не ахти какой, но свет. И при свете свечи я увидел, что на всех стенах нацарапано: «Октябрь», «Октябрь», «Октябрь».

Вот что означало «контора пишет».

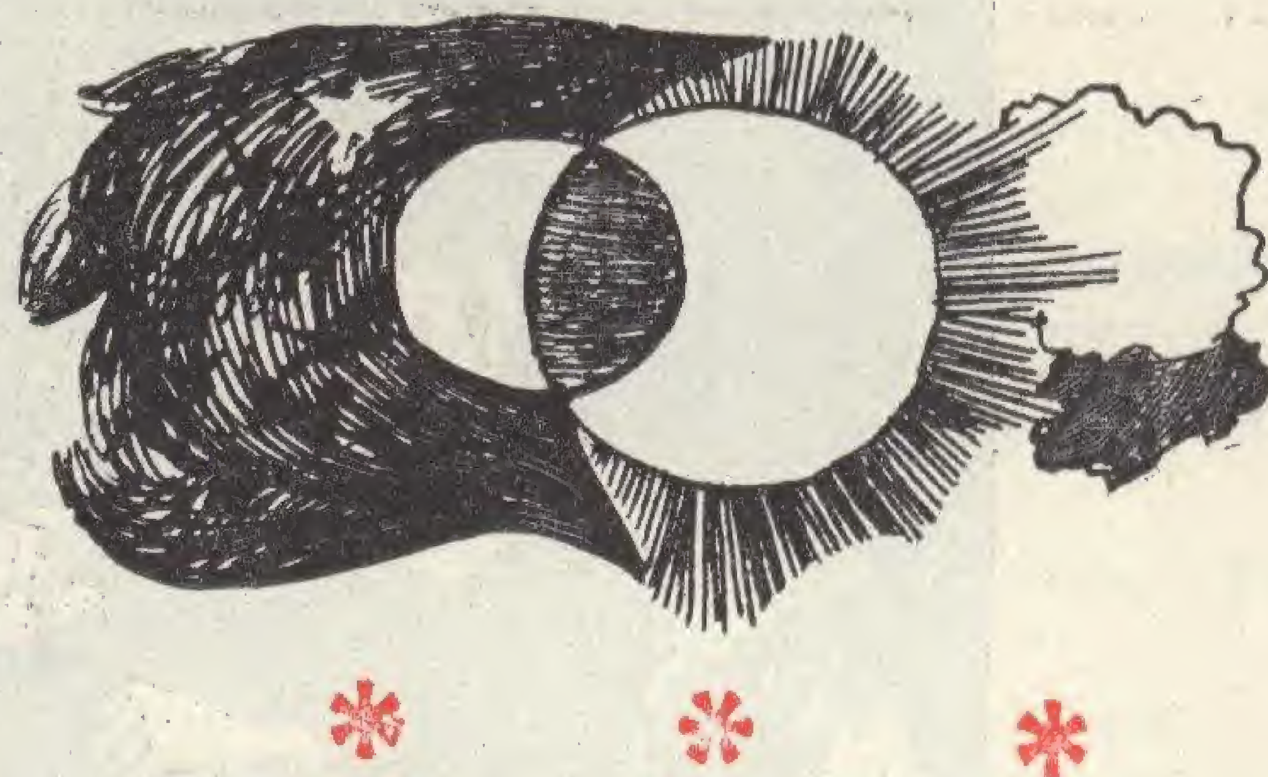
Нацарапано было криво, но какое уж письмо в потемках!

Кроме этих, никаких надписей не было. А ведь что и делать в карцере, как не ковырять на стенах. Но ни у кого не поднялась рука рядом со словом «Октябрь» поставить свое имя. Правда, была маленькая карандашная запись: «Юр. Сушин». Но против него было помечено стрелкой «дурак».

С Отькой мы потом учились вместе после освобождения. Только Отьки в классе уже не было, а был Октябрь. Мы, не сговариваясь, стали звать его так, по-взрослому.

★

Кайсын КУЛИЕВ

* * *

Когда на меня навалилась беда
И шел я по отчему краю,
«Отдай свою боль мне»,— сказала вода,
По горному склону стекая.

Сказала мне высь: «Обернись к небесам,
И в сердце растает тревога».
«Спокойно иди, я тебя не предам!» —
Тихонько шуршала дорога.

«Взгляни на мои голубые снега»,—
Чуть слышно гора мне шептала.
«Приляг на траву»,— поманили луга.
Прилег я, и легче мне стало.

И стало все просто, и понял я вдруг —
Иного не надо мне края,
А только б дорога, да речка, да луг,
Да небо родимого края.

Перевел с балкарского Наум Гребнев.

Рисунки Н. СТЕПАНОВА

М. ВЛАДИМИРОВ

В праздники на всех домах вывешивают красные флаги, а когда праздник кончается, флаги убирают. Но есть один дом, над которым красный флаг полощется всегда.

Ты знаешь этот дом. Там помещается Совет.

Если ты живешь в селе, — то сельский Совет, а если в городе, — городской.

Когда ты был совсем маленьким, ты думал, что в горсовете всегда праздник. Но теперь ты знаешь, что там люди работают.

Чем же они заняты?

Об этом мы поговорим. Но сначала о том, кто эти люди.

В один из дней, когда красные флаги украшают весь город, взрослые идут на избирательные участки. Они выбирают депутатов городского Совета. Выбирают людей надежных, честных, авторитетных. Это может быть известный в городе учитель, бывалый строитель, добрый доктор, вылечивший не одну сотню людей, инженер, и генерал, и ученый — словом, всякий, кто заслужил доверие и уважение.

Все они составляют Совет депутатов трудящихся.

Когда у тебя случается в жизни какая-нибудь сложность, ты советуешься с друзьями или с родителями. Так поступают все люди. Во всяком важном деле надо посоветоваться. А если дело касается целого города? Если решить надо не простую задачку, а большую, величиной во весь город? Тут уж и совет должен быть большой. Городской Совет.

Городской Совет — самая главная власть в городе. Он не только советуется, он решает. И то, что Совет решил, все должны исполнять. А как же иначе? Все же сами выбирали свой Совет.

Ты, наверное, не раз видел: едет по городу грузовик. На грузовике стоит шкаф с зеркалом, лежит стол вверх ногами. Вперемешку сложены абажуры, книги, стулья, ведра. И над всем этим хозяйством сидит важный мальчишка и держит на руках кота. А в кабине бабушка прижимает к груди горшок с цветами. Догадаться нетрудно: у людей новоселье. Семья получила новую квартиру.

И все рады. И долго еще будут новоселы вертеть краны, щелкать выключателями, открывать и закрывать окна и двери, а потом обживутся, и будет им житься просторно, светло и удобно. И на вопрос: «Где вы теперь живете?» — будут отвечать: «В новом квартале».

Такие новые кварталы есть теперь в каждом городе. По московской традиции их называют Черемушками. Тбилисские Черемушки, одесские Черемушки, хабаровские... Недавно я видел калининские Черемушки. Дома стоят новенькие, с яркими балкончиками, и окна блестят, как глаза у веселого человека.

И те, кто живет в этих новых кварталах, уж и не помнят, что было когда-то на обы:-

новенной бумаге написано решение городского Совета о строительстве новых домов. И уж потом залязгали краны, и заурчали тяжелые грузовики, и заработали всякие другие машины, и сначала была пыль столбом, а только потом появились дома. И все это началось с постановления Совета от такого-то числа такого-то месяца.

А когда дома были построены, рабочие-строители сдавали их городскому Совету: «Вот вы нам сказали, а мы сделали. Смотрите, хорошо ли?» И городской Совет смотрел придирчиво и внимательно: удобно ли тут будет тем, кто вселится в эти квартиры? И когда убедились, что все в порядке, приняли еще одно решение: кому в первую очередь нужно дать новую квартиру. Такое решение принимать не просто. Всем хочется поскорее справить новоселье. А выбрать надо по справедливости.

А потом составить план следующей стройки, чтобы те, кто ждет новой квартиры, получили ее поскорее.

Помнишь, как один раз у тебя заболел зуб? Это был ужасный день. Ты ходил, держась за щеку, и глаза твои ни на что не глядели, даже на шкаф, где стояла банка с твоим любимым вареньем.

Не помогала ни грелка, ни полоскание. Ты не мог ни есть, ни спать, и настроение у тебя было отвратительное.

А потом пришла мама и сказала:

— Нормальные люди в таких случаях идут к врачу.

И ты, как всякий нормальный человек, нехотя направился к дому, где висела вывеска «Детская поликлиника горздравотдела».

Тебе было непонятно это необычное слово — «горздравотдел», ты больше думал о бормашине, которая жужжала за дверью зубного врача.

Девчонка с завязанной щекой сказала:

— Проходи без очереди, я боюсь.

Тебе не очень-то хотелось идти без очереди, это ведь не школьный буфет, но ты все-таки пошел.

Что было в кабинете, вспоминать не будем, но вышел ты из кабинета с зубом в кармане и сказал девчонке: «Иди, не бойся», — и вприпрыжку выбежал из поликлиники. И опять увидел странное слово: «горздравотдел».

Теперь тебе и вовсе не важно было знать, что это значит. Зуб уже не болел, и глаза глядели на все очень весело.

И все-таки мы скажем тебе, что если бы в городе не было горздравотдела — так сокращенно называется городской отдел здравоохранения, — то ты, может быть, не сумел бы так быстро избавиться от зубной боли. Потому что этот отдел горсовета заведует всеми поликлиниками, больницами, «Скорой помощью» и даже детскими молочными кухнями.

Этот отдел решает, сколько каких врачей должно работать в одном районе города, сколько — в другом, как сделать, чтобы врач без задержки смог прийти на помощь, если кто-то заболел, а если человек заболел очень сильно, — чтобы для него сразу нашлось в больнице место.

Утром люди всегда спешат: взрослые — на работу, ребята — в школу, хозяйки — в магазин. И заметь: школа недалеко от дома, и магазин где-нибудь за углом; и в каком бы конце города человек ни жил, есть неподалеку почта, аптека, булочная, парикмахерская. О том, чтобы все было расположено в городе удобно, позаботился горсовет.

Люди сидели над подробным планом города и разноцветными кружочками отмечали, где построить столовую, где нужна мастерская по починке обуви, а где удобнее всего построить детский сад.

На карте были не только кружочки, но и линии, обозначающие маршруты городского транспорта. Ведь автобус ходит по городу не как ему вздумается, а так, чтобы захватить побольше пассажиров и доставить их без опоздания в нужные места.

Ты бы, наверное, очень удивился, если бы в один прекрасный день выяснилось, что тебе придется ездить в школу на другой конец города.

Каждый человек знает: школа должна быть недалеко от дома. И если построено несколько новых домов, то рядом должна быть школа. И не только школа, а и магазины и поликлиника, должна появиться новая автобусная остановка. Все это рассчитывает, или, говоря ученым словом, координирует городской Совет.

Обращал ты внимание на вывеску своей школы? На ней есть тоже одно не совсем понятное слово: «гороно». Что это за такое за «оно», ты как-то не задумывался: «оно» и «оно». А между тем буквы эти расшифровываются в довольно серьезное название вполне серьезного учреждения: городской отдел народного образования.

Это тоже один из отделов горсовета. Там решают, какие учителя будут работать в этой школе, какие — в другой. Заботятся, чтобы в каждой школе были учителя по всем предметам, тревожатся, если в какой-нибудь школе не хватает преподавателя физики или пения.

Когда студент, окончив педагогический институт, получает направление в город Калинин, он не ходит по школам и не спрашивает: «Не нужно ли у вас кого-нибудь поучить математике, мне нравится ваша школа, она на пригорочке стоит». Это было бы смешно. Молодой специалист точно знает, куда ему идти, — в городской отдел народного образования. Там направят его в ту самую школу, где его давно ждут.

Гороно следит за тем, чтобы все ребята учились, чтобы всем хватало мест за партами, чтобы в школе вовремя делали ремонт, было тепло, светло и удобно.

Мы-то с тобой знаем, что твой город самый красивый. Улицы в нем зеленые, скверы тихие, а парки веселые. Специальные люди работают над красотой города. Архитекторы изобретают красивые дома, целые улицы и кварталы.

Горсовет старается, чтобы город становился день ото дня все красивее. Там, где были кривые, старые улочки, пролег проспект, где стоял покосившийся домик, вырос красавец кинотеатр, а там, где совсем ничего не было, раскинулся большой кудрявый парк.

Даже такие мелочи: где поставить удобнее скамейки, где расположить газетные киоски, где забить новому фонтану, — решает городской Совет, потому что и мелочи эти — удобство, красота, уют.

Теперь ты знаешь, чем заняты люди, работающие в доме под красным флагом. Конечно, мы рассказали тебе не про все, а только про несколько забот горсовета, а их тысяча, а может, и больше...

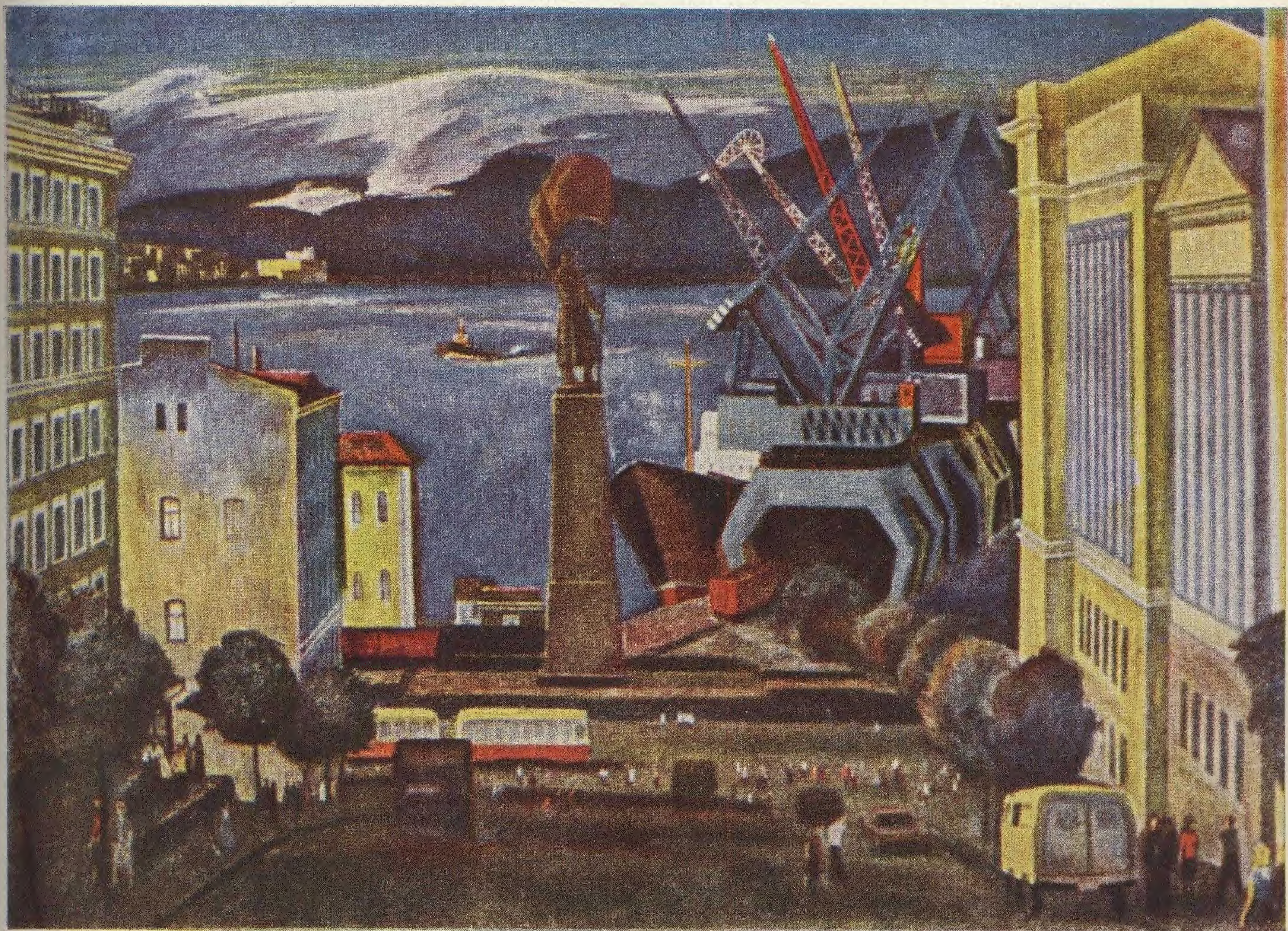
И в соседнем городе есть такой дом под красным флагом, а в областном центре — областной Совет. Он решает дела целой области.

Есть и республиканский Совет. А в Москве работает самый главный — Верховный Совет СССР.

«Вся власть Советам!» — говорили большевики пятьдесят лет назад, когда у нас в стране совершалась революция. Власть Советам — это значит власть народу. И народ, которым командовали цари, помещики, капиталисты, стал хозяином своей жизни и сам решает, как делать эту жизнь все лучше.

НАША БОЛЬШАЯ ЗЕМЛЯ

ПОРТОВЫЙ ГОРОД ВЛАДИВОСТОК

С. Лошаков

НАША БОЛЬШАЯ ЗЕМЛЯ

ПО ДОРОГАМ ПАМИРА

З. Хабибуллаев

ПОЛДЕНЬ

В. Канделаки

СБОР ПЕРСИКОВ В КОЛХОЗЕ

М. Сарьян

ЧУКОТКА

А. Тимофеев

НЕФТЯНЫЕ ПРОСТОРЫ

Н. Касумов

СОЛИНЫММЕ

Л. Микко

У дощатой стенки

Иосиф ДИК

Рисунки Ф. ЛЕМКУЛЯ

В этот день Генка крепко поссорился с бабушкой. В общем, с утра в квартире все было чинно и благородно. Генка мастерил из бамбуковой палочки водяной пистолет, а бабушка сидела за пишущей машинкой и печатала какие-то свои воспоминания о революции.

Напечатав одним пальцем строчку, она, беззвучно шевеля губами, повторяла ее про себя, а потом, подняв глаза к потолку, вслух проговаривала новые фразы:

— Зимой 1919 года я находилась на подпольной работе в Сибири. Однако на мой след напала колчаковская контрразведка, и меня бросили в тюрьму.

Для кого писала бабушка свои воспоминания, Генка точно не знал,— то ли для газеты, то ли для какого-то школьного музея. Впрочем, не это для него сейчас было главным. Все свое внимание он обратил на пистолет. Его надо было сделать по последнему слову техники, и чтобы прыскал он метров на десять! Во, тогда будет дело!

И вдруг бабушка попросила Генку сходить в булочную. Ему бы сказать, что, дескать, хорошо, я сейчас сбегаю, а он взял да и бухнул:

— Сама сходишь! Не маленькая!

Тут бабушка вышла из-за стола и, гневно сомкнув брови, двинулась на Генку. Зачем пошла — неизвестно, еще даст по загривку. И Генка на всякий случай обежал вокруг стола, а потом, видя, что бабушка не отстает от него, взял да и удрал во двор.

Здесь у него в глубине двора было одно распрекрасное местечко — сарай. Стоит забежать туда — никто не найдет. И главное, из сарая сквозь щелки между досками можно прекрасно наблюдать за действиями «неприятеля».

Бабушка побежала по двору в противоположном направлении, крича:

— Гена! Генка!

Но Генка и не думал носа показывать — не на того напала. Он знал: сейчас бабушка сбегает к Севке, а потом к Катьке, а затем, опросив всех приятелей, у кого бы он мог спрятаться, вернется назад.

Так оно и вышло. Идет уже назад. Ничего не узнала. Вот она подошла к полковнику Тишкову и домоуправу, стоящим посередине двора. И они отрицательно трясут головами, дескать, Генка тут не проходил.

Так... Бабушка пошла в дом. Путь свободен! Но зачем к сараям идут домоуправ и полковник? Полковник ключиком открывает гараж и говорит:

— Ну, Петро Иванович, заходи сзади. Будем выкатывать.

— А не жалко выбрасывать?

— А я ее и не выбрасываю. В школу ребятам отдаю. Директор обещал, что сегодня заберет. Пусть детишки автодело изучают.

Генка прислушался к разговору и затих. Вот так полковник! Свою машину ребятам отдает! Значит, покатаемся!

— Раз, два, взяли! — раздалось в гараже.

Старенький «мерседес» жалобно скрипнул и нехотя стал выкатываться из гаража. Шины у него были спущены, тент разорван, боковые стекла перекошены, крыло походило на гармошку.

Полковник закрыл гараж и, отойдя метра на два от машины, в последний раз оглядел ее, улыбнулся грустно, будто вспомнил что-то приятное, и пошел в дом.

А домоуправ по-хозяйски поднял с земли кусок проволоки, а потом, подумав, закрутил для чего-то ею Генкин сарай и ушел.

Вот черт его дери! Генка заметался по сараю. Что делать? Как же выбраться? Он попробовал ударить поленом по стенке из тонких досок, но она не проломилась. Только с потолка на голову посыпалась какая-то труха.

Вдруг сквозь щели Генка заметил, как во двор на велосипеде въехала Катя Тишкова. Она была нарядной, в васильковом платье, в красной косынке с белым горошком и в голубеньких туфлях. И Генка радостно закричал:

— Катька, давай сюда!

Она повернула голову к сараю и тут же подъехала.

— Кто там? — спросила она, соскочив с велосипеда и прильнув к щели своими черными глазами, похожими на два уголька.

— Это я! — прошептал Генка. — А ты что так разоделась?

— Мы с мамой в кафе-мороженое идем. А правда, платье симпатичное?

— Симпатичное, симпатичное. Только открывай побыстрей! — Генка от нетерпения затряс дверью.

— А ты как сюда попал?

— От бабки прятался.

Катя попыталась размотать проволоку, но та никак не поддавалась.

Попыхтев минуты две, Катя исколола пальцы и ничего не сделала.

— Эх ты, горе-человек!—сказал Генка.— Ну сама не можешь — беги за Севкой.

— Ген, я занята. Сейчас мама из дома выйдет, а к Севке далеко.

— Значит, что ж, по-твоему, мне помирать здесь?

— Ген, ну послушай, я же ведь не просила, чтобы ты сюда забирался...

— Катька! Я кому сказал: позови Севку! — Генка повысил голос.

— Ну, если ты таким тоном стал разговаривать, — вдруг медленно произнесла Катя, — тогда я принципиально не позову.

— Не позовешь? Тогда пошла вон отсюда! — вырвалось у Генки, и он с силой ударил ногой в дверь.

Катя отскочила в сторону и спокойно сказала:

— А вот за эти штуки я сейчас пойду и позову твою бабушку!

Она села на велосипед и укатила.

Ну ты подумай, какая вредина!

Но на Генкино счастье в это время во дворе появилась подмога — Севка! Он быстро сообразил, в чем дело, распутал проволоку, и оба дружка, спасаясь от Катькиного коварства, в один миг перемахнули через соседний забор.

А за забором их ждала еще бóльшая неприятность. Тут их схватил за шиворот главный враг всех ребят дома № 27 Васька Филиппов по прозвищу «Сокол».

Впрочем, ничего в этом Соколе соколиного не было. Просто он был первым задирой и атаманом у ребят, живших за забором и воевавших с Генкой, Севкой, Катькой и другими. Это был сутулый мальчишка со шрамом на переносице. Он поджигал почтовые ящики в подъездах и не раз вызывал по «03» «Скорую помощь».

Может быть, и жили бы Генка и Севка со своими соседями тихо и мирно, но этот Сокол буквально не давал им покоя. Под вечер, когда ребята выходили во двор играть в футбол или лапту, Сокол всегда залезал на заборы и кричал:

— Эй вы, рахитики! Давай стыкнемся!

Потом он любил поколачивать ребят на улице, в основном в магазинах (оттуда быстро не убежишь!), то в булочной, то в молочной, то в гастрономе.

И теперь — вот те на!— прямо к Соколу сами в когти попали.

— Стой, гады,— зловеще сказал Васька,— вы что, по чужим дворам шляетесь, а?

— Мы н-ничего, — растерянно прошептал Севка и отступил на шаг.

— Ничего, говоришь, мелюзга! —

И Сокол придавил указательным пальцем Севкин нос. — Я все видел. А чего этот тишковский драндулет из гаража выгнали?

— Не знаю, — пожал плечами Генка. Зачем же неприятелю открывать тайну? Еще растащит машину по частям.

— Не хотите отвечать? — нахмурился Васька. — Тогда по-другому поговорим. — И он, засунув два пальца в рот, пронзительно засвистел. Сразу же около него появилось еще человек шесть сподручных.

— А-а... попались, субчики,— подошел к Генке Колька Воробьев, узкоплечий парнишка с облупленным носом.

— Подожди, — остановил его Сокол. — Значит, не скажете, зачем машину выкатили?

— Не скажем, — ответил Генка.

— Одну холодную! — приказал Сокол.

Колька оттянул кожу на Генкиной руке и «срубил» ее ребром другой ладони. Операция была чувствительной.

— Так... продолжаем. А ты, рахитик, — обратился Сокол к Севке, — может, ты нам, деточка, что-нибудь объяснишь?

— Ребята, я, честное слово, только что выпил какао и пошел погулять, — начал жалобно Севка. — Мы с мамой сейчас к зубному врачу идем...

— Ты нам зубы не заговаривай. Одну горячую! — вдруг перебил его Сокол, и Колька с вывертом ущипнул Севку за плечо.

У Севки навернулись слезы от обиды. Он действительно ничего не знал о судьбе автомобиля.

— Ну что ж, дорогие гости,— язвительно сказал Сокол. — Если вы не хотите развязать языки, то придется принять более решительные меры, — и добавил: — К расстрелу!

Генку и Севку подхватили под руки и поволокли к Васькиному сараю, где у него в бочке лежали протухшие огурцы.

Ребят поставили к дощатой стенке. Они были окружены. Бежать было некуда.

И вот тут-то Генка вдруг вспомнил о своей бабушке. Как же она вела себя в тюрьме?

Заложив руки за спину, он гордо выпятил грудь и, усмехаясь в лицо Соколу, выставил вперед правую ногу. А Севка — тот ничего не знал о бабушкиных воспоминаниях и поэтому опустил голову. Губы у него дрожали. Но потом, взглянув на Генку, он тоже выпятил грудь и презрительно сказал:

— Стреляйте!

— А чего это вы сегодня такие бесстрашные? — вдруг удивился Сокол. — Может быть, еще и песню какую-нибудь запоете?

— И запоем! — сказал Генка. — Мы тебя ненавидим. Ты подлец!

— И шпана! — добавил Севка.

— Ах, так?!

Сокол взял в руку огурец и запустил им в ребят. Но он промахнулся. Огурец ударился о стенку между Севкой и Генкой и, разбившись, обдал их вонючим рассолом и мелкими желтыми семечками.

— Эх ты, мазила! — сказал Генка. — У тебя руки дрожат.

— Это я пристрелку делал, — как бы оправдываясь, ответил Сокол. — А теперь держись!

Он взял второй огурец, прицелился... Но тут из-за сарая показался на костылях отец Сокола. Он был инвалидом Отечественной войны. У него не было правой ноги.

— Василий! — строго сказал он. — Это что такое, а?! А ну-ка иди ко мне!

Сокол как-то весь сразу обмяк, незаметно бросил огурец на землю и, не глядя на отца, пошел.

— Ты что же это делаешь, а? Живодер! В своих стреляешь?!— сквозь зубы процедил отец и стукнул Сокола костылем под зад. — А ну, марш домой, лоботряс! — и, осмотрев своего сына с головы до ног, почти с ненавистью добавил:— Э-эх ты! Какой же из тебя человек выйдет? Позор!..

Генка и Севка тут же перемахнули через забор на «свою» территорию и радостно закричали:

— Дайте ему еще, дядя Степан! Дайте!

А потом Генка побежал домой доделывать свой водяной пистолет. Но... по дороге он все-таки выскочил на улицу посмотреть, а не закрыта ли на обед булочная.

Нет, она была открыта.

Навстречу нам мчится голубая «Волга». Вот она поравнялась с гигантом «БелАЗом», замедлила ход, развернулась и покатила рядом. Мы в кабине, как на капитанском мостике. С такой высоты трудно разглядеть наших попутчиков. А они стараются не отставать, выглядывают из окошка, машут руками, что-то кричат.

Мы свернули на обочину. Остановились. Двое из голубой «Волги» распахнули дверцы и со всех ног побежали к нам. У одного, того, что в клетчатой кепке, на голове белоснежный петух кукарекает. Другой держит под мышкой черную, как клякса, собачонку.

Как же мы сразу их не узнали? Это известные на весь мир клоуны Олег Попов и Карандаш. Им очень хочется посмотреть нашу машину. А нам, конечно, хочется поговорить с самыми веселыми людьми на свете.

Но это оказалось не так-то просто. Карандаша и Олега Попова окружили неизвестно откуда взявшиеся ребята. Все машины, бегущие по шоссе, остановились. Сбежались люди. Потом, увидев столпотворение, на мотоцикле приехал милиционер. Пришлось веселым артистам здесь же, на шоссе, показать несколько номеров из новой программы. Им долго аплодировали.

Так везде их встречают.

Оказалось, они так же, как и мы, любят путешествовать, объехали всю нашу страну и почти весь мир. Недавно возвратились из Франции, а сейчас торопятся в Москву, в цирк на праздничное представление. И тут же они раздали всем билеты на это представление, передали привет читателям «Пионера» и подарили свою фотографию.

Сели в «Волгу» и покатили.

Клякса, высунувшись из окошка, звонко лаяла на наш огромный, похожий на слона «БелАЗ».

Мы тоже торопимся. Недалеко от шоссе, на поляне, нас ждет вертолет. Летим в Киргизию. Времени мало, а нам нужно еще погрузить в вертолет пачки книг, транзисторные приемники, телевизоры, газовые плитки, несколько миниатюрных гидроэлектростанций, которые могут работать на небольших горных речках.

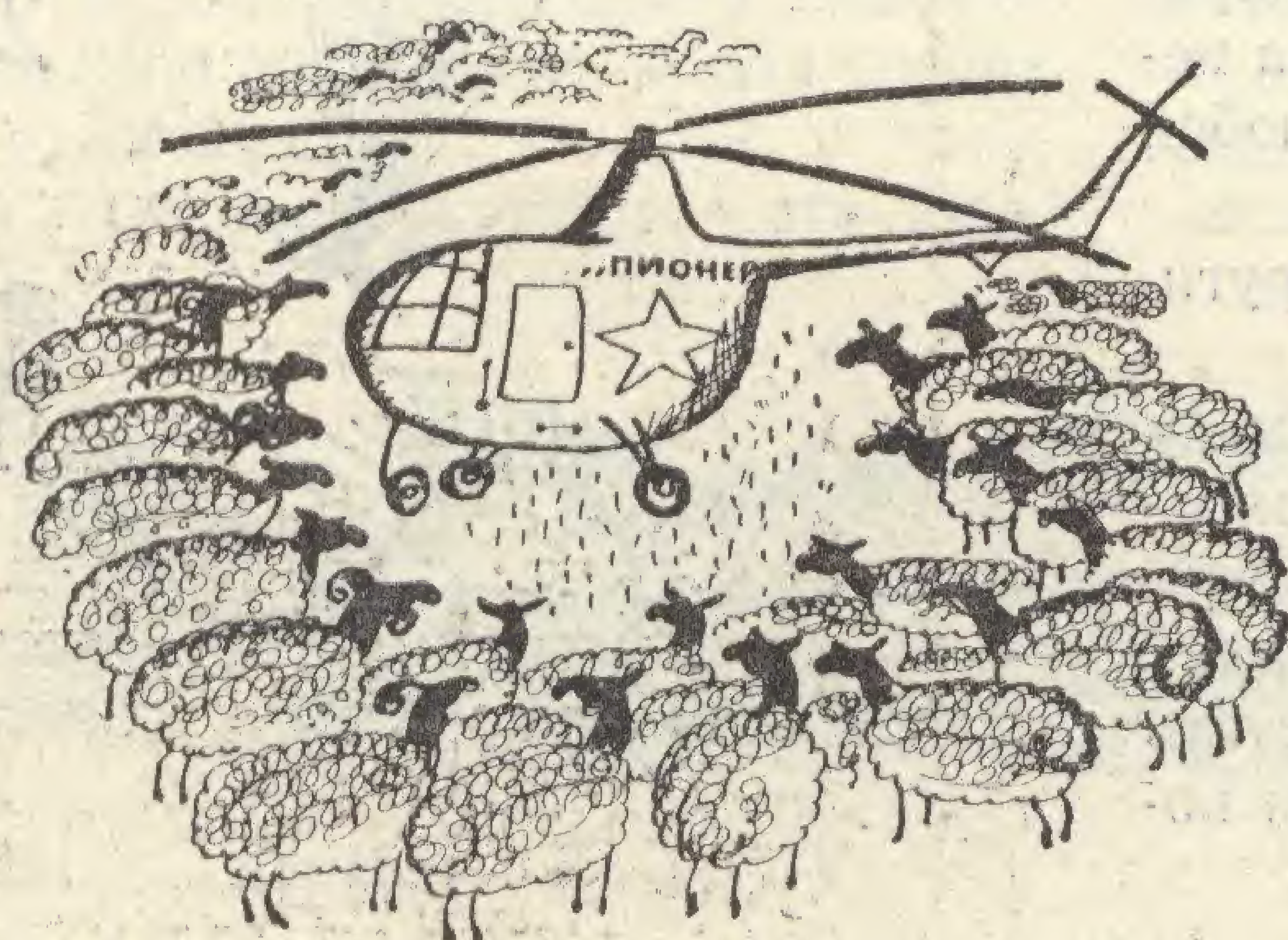
Время в путешествии летит совсем незаметно. Вот вертолет уже садится на зеленую площадку рядом с чабанской юртой. Закружилась голова от дурманящего аромата трав. Мы на джайлоо — горном пастбище. Совсем, кажется, рядом горы, а до них за день не дойдешь. Кажется, вовсе они не высокие, а снежные шапки нахлобучили чуть ли не до пят. Пастбище находится на высоте чуть меньше трех тысяч метров.

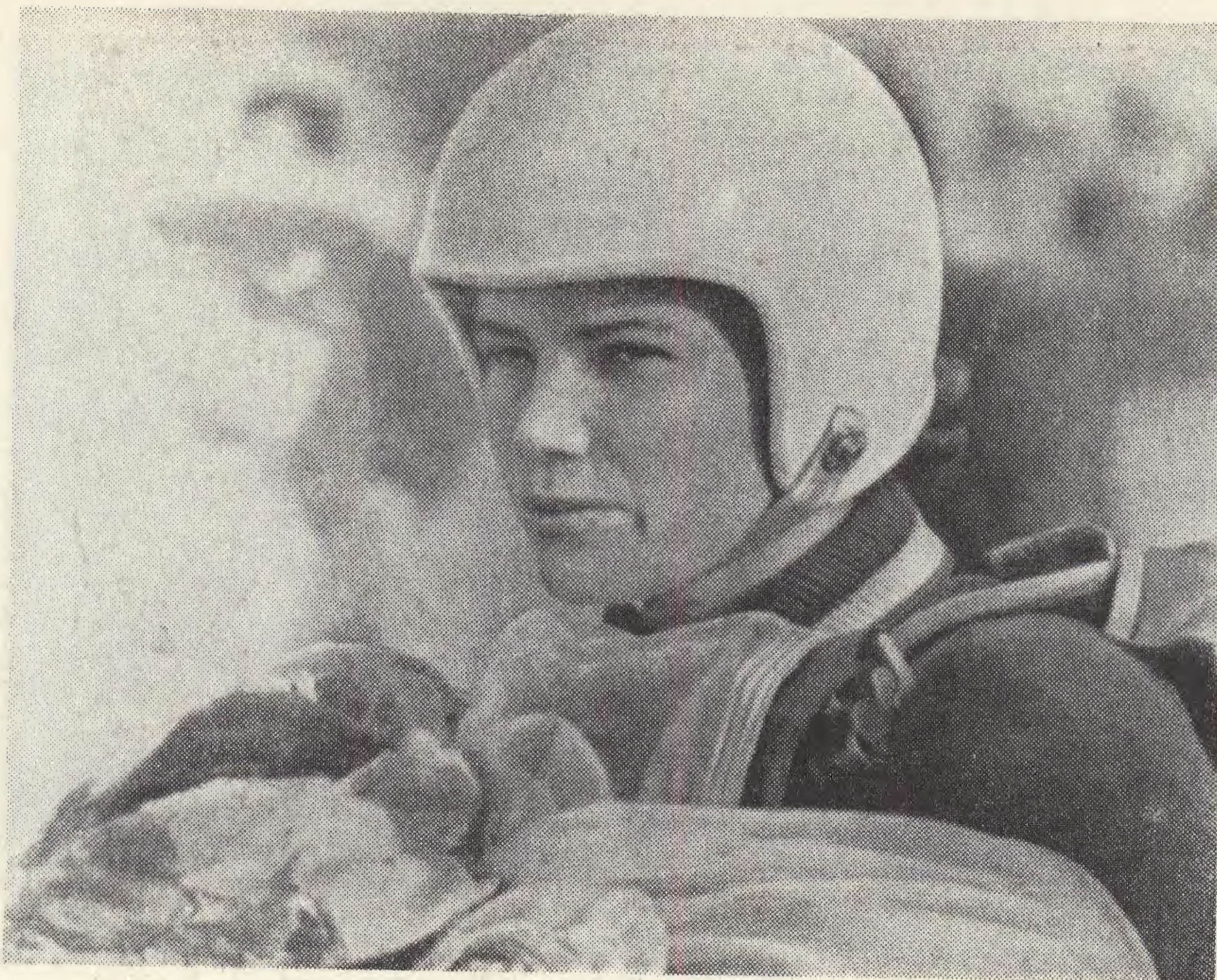
Горы, студеные речушки, бесконечный зеленый ковер, и на нем — овцы. Много овец. Киргизия занимает третье место в стране по количеству этих курчавых красавиц, а по плотности овечьего населения трудно найти в мире другой такой уголок земли. Десять миллионов овец пасется на киргизских пастбищах. Тысячи чабанов командуют этой громадной овечьей армией.

Чабаны пригласили нас в юрту. Только здесь, на джайлоо, их и можно найти. А раньше юрта была постоянным жилищем киргиза, темным, неуютным. Теперь, пролетая над селениями, мы видели хорошие, светлые дома.

Вечером мы смотрели телевизор, потом сидели у костра, слушали киргизские песни.

Легко дышится на высокогорных пастбищах. Но нужно лететь дальше.

А вот еще кто-то летит вдали! Птицы так высоко не залетают. В полевой бинокль нам удается рассмотреть парящую в воздухе маленькую человеческую фигурку.

Да это Татьяна Воинова — одна из сильнейших в стране парашютисток, обладательница двадцати мировых рекордов! Недавно она совершила двухтысячный прыжок и посвятила его пятидесятилетию Октября.

Мы не могли пропустить такой удобный момент. Хорошо, что и у нас с собой парашюты. Ну-ка! Раз... И мы в воздухе. Вручаем Татьяне цветы, поздравляем ее. И тут же на лету спрашиваем:

— Когда вы совершили свой первый прыжок?

— В марте 1958 года.

— Было страшно?

— Пожалуй, да. Но только до того момента, когда над головой раскрылся купол парашюта. С тех пор я на всю жизнь полюбила небо. Думаю, что то же самое скажет вам любой спортсмен-парашютист.

— Занимаетесь ли вы какими-либо другими видами спорта?

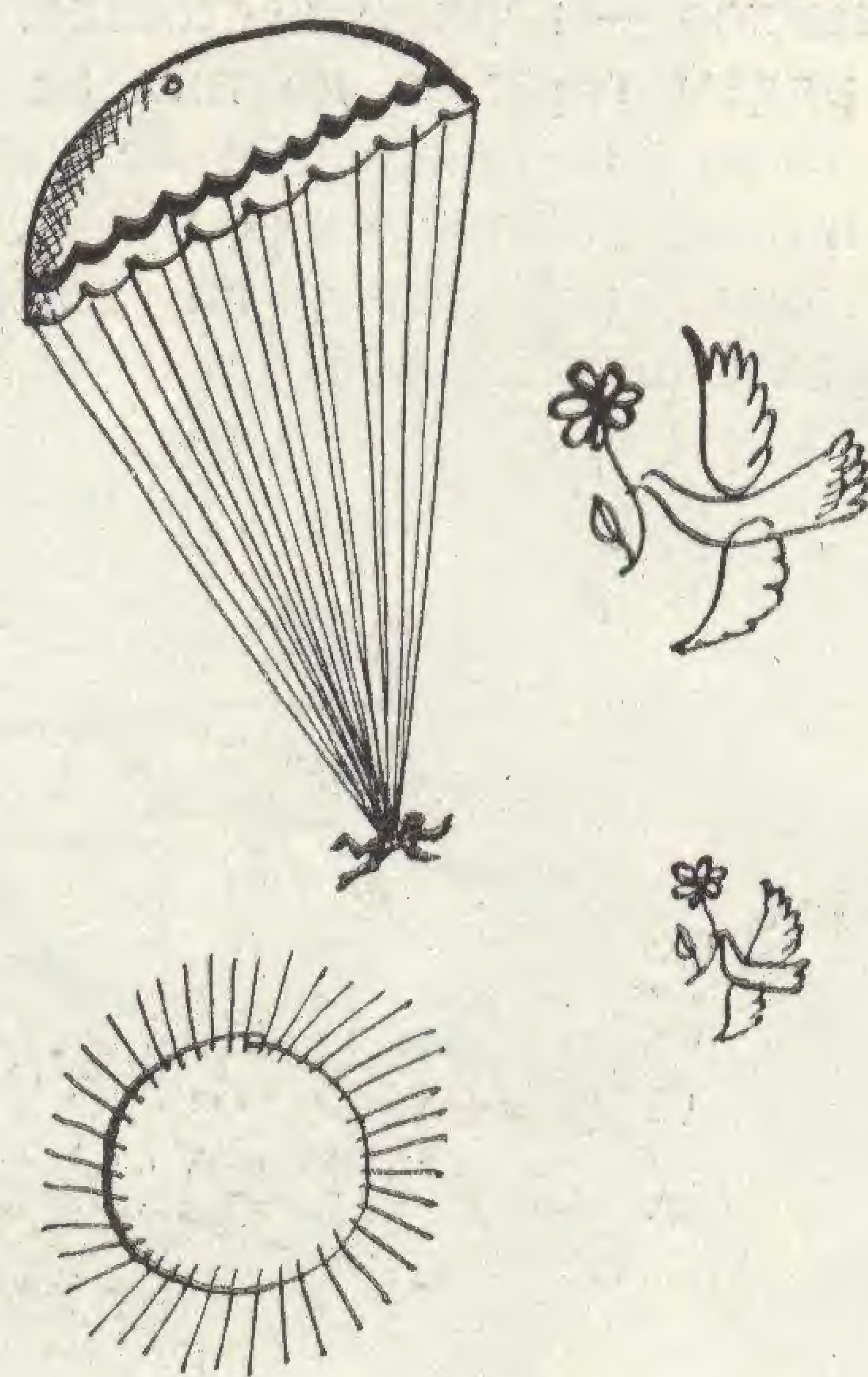
— Обязательно! Зимой — лыжи, летом — плавание. Именно это позволяет мне сохранять хорошую спортивную форму.

Успеваем задать Татьяне последний вопрос:

— Многие наши читатели хотят стать спортсменами-парашютистами. Что вы им посоветуете?

— Вырабатывать в себе смелость, хладнокровие, настойчивость. Отличными спортсменами-парашютистами становятся не сразу, не вдруг. Будут и трудности и неудачи. Но того, кто упорно стремится к своей мечте, они не должны страшить.

Мы едва успели поблагодарить Татьяну Воинову — пора приземляться. Когда мы все вместе благополучно приземлились, мы сфотографировали Татьяну на память.

И вот мы уже снова летим. И опять внизу пустыни, горы, леса, поля.

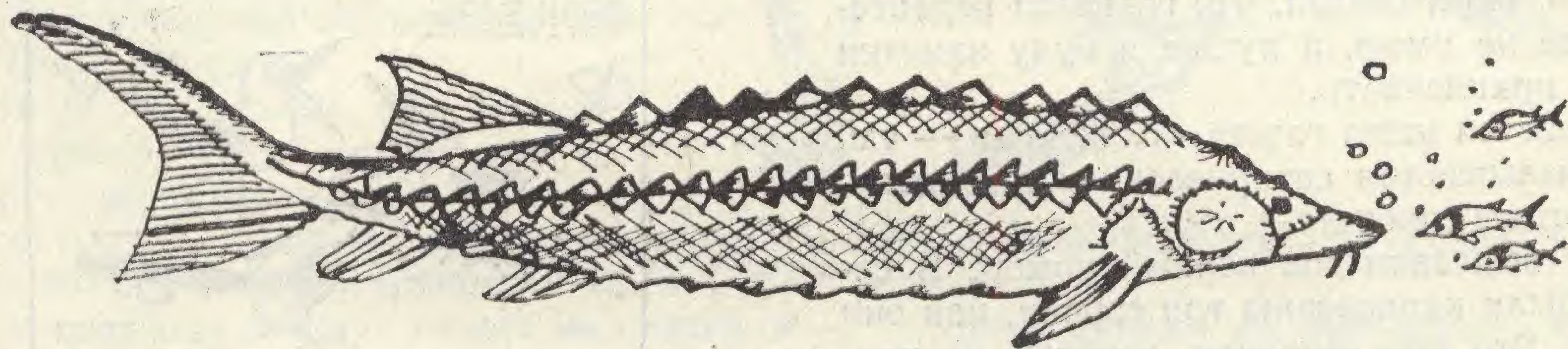
Вон там Волга. Вот плотина Волжской ГЭС.

Ну, про нее вы, конечно, хорошо знаете. А вот эти как бы голубые блюдечки, что это такое? Их примерно шестьдесят, и они соединены какими-то нитями.

Спускаемся. Ага, теперь ясно — это пруды, а между ними каналы. Только зачем все это? Давайте приземлимся и узнаем.

Оказывается, это Волгоградский осетровый рыбоводный завод. Здесь выращивают белужат и севрюжат. Как только они подрастают до нужного размера, их выпускают в Волгу. А знаете, сколько таких рыбок выпустили отсюда в прошлом году? Десять миллионов.

Растите, малыши!

Путешествие продолжается на стр. 48.

Три девчонки, один я

Л. МАТВЕЕВА

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА

Стенгазету выпускать трудно. В нашем пятом «В» вам это каждый скажет. Особенно сатирическую: нужно иметь чувство юмора и еще чувство сатиры.

Но Лидия Петровна, наша классная руководительница, сказала мне:

— Ты, Суханов, будешь в редколлегии. А то девочкам одним не справиться.

У нас в редколлегии три девчонки. Маленькая Милка заголовок пишет красивыми буквами, Вера и Таня рисуют карикатуры.

Вера спросила:

— Ты стихи сочинять умеешь?

— Нет, — сказал я.

— А рисовать? — пропищала маленькая Милка.

— Нет, — сказал я.

— А смешные рассказы придумывать?

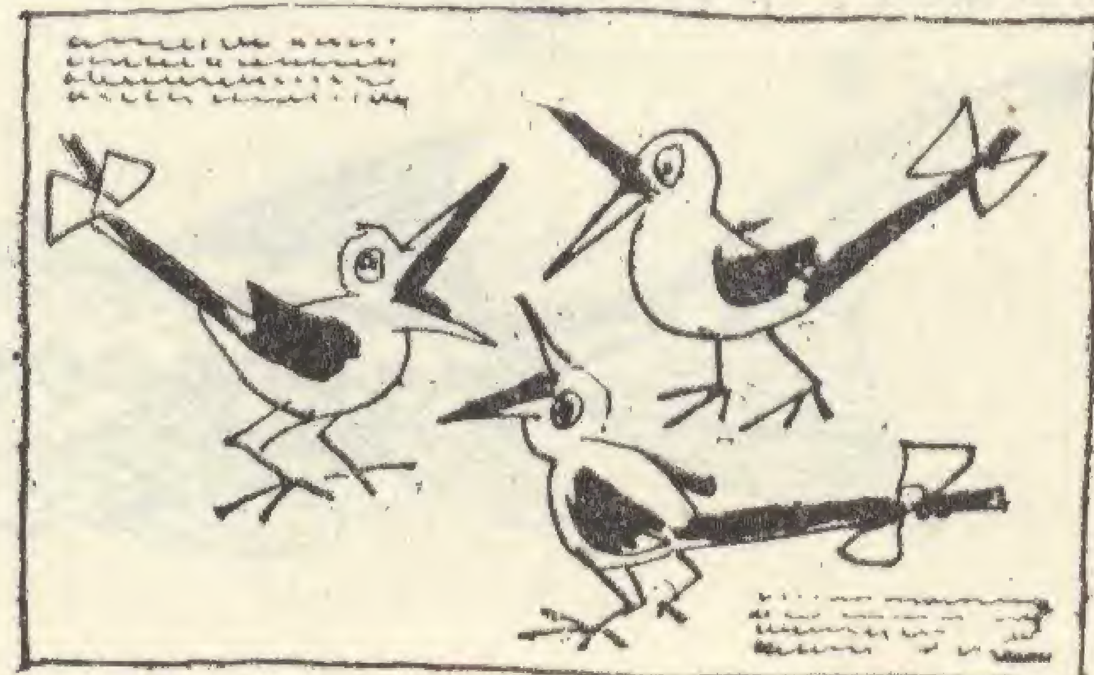
— Нет, — сказал я.

— Тогда ты будешь главным редактором, — решила Таня, а Милка почему-то засмеялась. Но я сказал, что главным редактором тоже не умею, а лучше я буду заметки к газете приклеивать.

Называется наша газета «Колючка» — так всегда называются сатирические стенгазеты, у кого хотите спросите.

И вот вывесили мы первый номер. В середине были нарисованы три сороки, как они болтают. Это про девчонок, которые на уроках разговаривают. А еще мы поместили карикатуру, на которой нарисовали здорового парня с кулачищами по три кило каждый. На картинке он замахивался на малыша, а рядом был рисунок про то, как этот самый верзила трусливо пятится от крепкого смелого мальчишки. И подпись: «Молодец против овец, а против молодца — сам овца». Такую карикатуру вы, наверное, видели, ее всегда в «Колючках» рисуют.

Висит наша газета, пестрая, веселая — очень красивая. И заметки все ровно приклеены. Собрались около газеты ребята посмотреть. Кто смеется, кто так стоит. И я стою. Смотрю на газету и думаю: вот вырасту, обязательно стану журналистом. До чего хорошая работа: ты газету выпустишь, а все читают...

И вдруг подходит к газете Дубасов. Он второгодник и больше всех ростом в нашем классе. Стал он глядеть на газету и шевелить губами. Дубасов, когда что-нибудь читает, всегда губами шевелит, так ему воспринимать легче, он мне сам говорил. Дубасов у стенгазеты всю перемену губами шевелил, я даже подумал: вот какую мы выпустили прекрасную газету, если даже Дубасов, который всех уверяет, что книги читают одни подлизы и подхалимы, и тот целую перемену читает нашу газету. Я в тот момент еще не знал, что не надо мне было этому так уж радоваться.

Когда перемена кончилась и зазвенел звонок, Дубасов будто очнулся; он перестал шептать, повернулся ко мне и сказал с угрозой:

— Это я, по-твоему, овца? Да?

Я удивился и ответил:

— Ну почему же обязательно ты? Это так, вообще.

Ребята засмеялись. Я подумал, что в классе у нас у многих слишком хорошо развито чувство юмора и сатиры, и даже непонятно, почему в редколлегии должен работать именно я. Но я только так подумал, а вслух ничего не сказал и пошел к своей парте.

— Значит, ты так, — не отставал Дубасов и дышал мне в затылок, — ладно! После уроков посмотришь, кто овца, кто не овца.

У меня совсем испортилось настроение, все уроки я сидел тихо, даже в окно не смотрел. А когда шел домой, хотел прошмыгнуть проходным двором, но Дубасов караулил. Он сидел на ящике, а перед ним пирамидой возвышались снежки, темные и на вид тяжелые. Это он каждый снежок специально окунул в лужу, чтобы был крепче, и снежки действительно стали крепче — это я точно узнал. Как я ни увертывался, все снежки Дубасова летели в меня, а мои — мимо, не знаю почему.

— Чего ты на меня-то накинулся? — кричал я. — Я, что ли, один газету выпускал?

— Девчонок не бью с третьего класса, — с достоинством объяснил Дубасов и залепил мне на прощание крепкий подзатыльник.

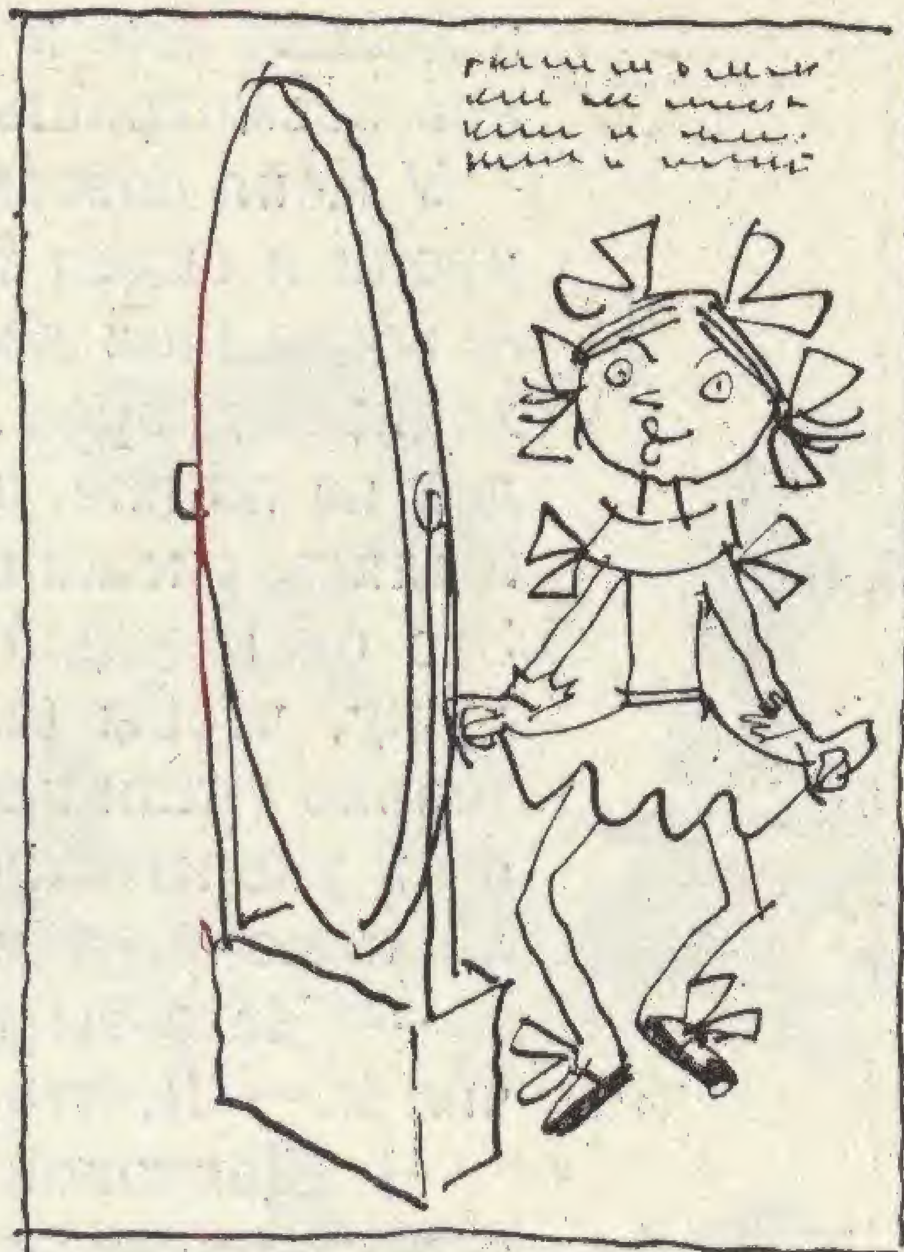
На другой день Лидия Петровна сказала:

— Хорошая стенгазета, молодцы. Когда же выйдет следующий номер? Помните: газета должна выходить регулярно, в этом ее сила.

Через неделю мы выпустили следующий номер. Вера нарисовала карикатуру на не-

нравилась, они хихикали около нее, подталкивали друг дружку локтями и шептались. Потом пришел Дубасов и уставился на газету. Вид у него был обалделый. «Ага! Что? — подумал я. — Придерись попробуй». И тут Дубасов кидается ко мне, как взбесившийся тигр, и хватает меня за воротник.

— Издеваешься? — рычит Дубасов. — На нервах играешь? Думаешь, если Дубасов не отличник учебы и дисциплины, то над Дубасовым что хочешь, то и вытворяй?

Я прямо глаза вытаращил.

— Ты что? — кричу. — С ума сошел? Здесь же одни девчонки нарисованы.

ряху: мальчишка весь в кляксах, без пуговиц и лохматый. Мне карикатура очень понравилась, мальчишка был совсем не похож на Дубасова, ну просто ничего общего. Хорошая карикатура. Я еще покрасил этому мальчишке волосы в рыжий цвет, чтобы совсем ничем не напоминал.

Когда мы повесили газету, первым к ней подошел Дубасов и стал опять сосредоточенно шевелить губами. «Шевели, шевели, — подумал я, — не больно-то испугался». И тут Дубасов подходит прямо ко мне, как будто мы с ним друзья или родственники, и шипит:

— Опять?

И лицо у него такое, что сразу понятно, какие у него серьезные намерения.

— Да это ж не ты! — закричал я. — И не похож ни капли. Он же, смотри, рыжий!

— Вылитый я, — отрезал Дубасов и расправил свои плечищи, — не отвиливай. А что рыжим нарисовали, за это я тебе еще добавлю, только выйди.

Я вышел. А куда денешься? Домой-то идти надо...

И каждый раз, как только мы вывешивали новый номер, мнительный Дубасов находил в нем какой-нибудь намек на себя. У него, наверное, были все на свете недостатки — прямо вундеркинд. Он меня совсем доконал. У меня было дурацкое положение: не сделаем «Колючку» в срок — Лидия Петровна ругается, сделаем — Дубасов дерется. Я совсем расхотел становиться журналистом: трое суток шагать, трое суток не спать — больно мне надо.

На Восьмое марта мы решили нарисовать карикатуры на одних только девочек. Рисунки были не сатирические, а просто веселые: праздник же все-таки. Девчонкам газета по-

— А то я не понимаю, — визжит Дубасов, — думаешь, я дурак? — тычет в Танин рисунок, где изображена кудрявая девочка в ярком голубом платье с ленточками и всякими бантиками. Девочка вертится перед зеркалом, и подписано: «Свет мой, зеркальце, скажи, да всю правду доложи — я ль на свете всех милее, всех румяней и белее?»

А мнительный Дубасов трясет меня, сопит и прямо булькает от злости.

— Если я люблю иногда в зеркало поглядеться, то на меня надо, значит, картинки рисовать? Да еще в девчоночьем платье? Я тебе врежу, — говорит, — а за то, что меня девчонкой изобразили, еще добавки получишь. Сатирик! — И показал свои кулачищи весом в три кило, а может, и в три с половиной.

На этот раз Дубасов выскочил на меня из бачка для мусора — это он устроил засаду. (Он внезапно появился передо мной, как разъяренный слон.) На шапке у него висели картофельные очистки, а на рукавах — селедочные хвосты и апельсиновые корки. Я подумал, что в таком виде он очень даже прекрасно получился бы на карикатуре. Но особенно долго мне его разглядывать было некогда, я бросился на-

утек, а он с топотом понесся за мной. Я мчался прямо с чемпионской скоростью, и ветер выл в моих ушах. Я перелез через четыре забора, а пятый забор попался чересчур высокий. Интересно, зачем люди строят высокие заборы? От жуликов все равно не поможет: через любой забор можно перелезть в спокойной обстановке. А те, которые живут за этим забором, — им же хуже: они не видят, кто к ним хочет перелезть — хороший человек или плохой.

Тут он меня и догнал, злющий и красный. Он гонялся за мной долго и, наверное, устал. У таких здоровенных выносливости никакой нет, одна сила. Но уж сила-то у Дубасова была, особенно когда он разнервничается. В те разы он еще не так злился, а в этот прямо рассвирепел. Дубасов крепко держал меня за воротник и приговаривал:

— Ох, сейчас я тебе врежу! Ох, сейчас я тебе вмажу! Ох, сейчас я тебе влеплю!

А я брыкался изо всех сил, но разве от Дубасова отбрыкаешься? Я знал, что дело мое плохо, и подумал, что в понедельник попрошу Лидию Петровну назначить меня вожатым октябрят. Не больно мне нужна эта «Колючка», пусть ее девчонки выпускают. Так я размышлял, а сам все брыкался и даже пытался дернуть Дубасова за ухо, но не дотянулся.

И в это время откуда-то из-за кустов вдруг выскочили девчонки — Вера, Таня и маленькая Милка. Вся наша редколлегия. Они вопили дикими голосами «Наших бьют!» и воинственно размахивали руками. Девчонки бросились прямо на Дубасова, маленькая Милка подпрыгнула и залепила ему подзатыльник. Дубасов от неожиданности выпустил меня, сказал «А!», да так и остался с открытым ртом.

— Сейчас ты получишь! — крикнула Вера, и мы все вместе отлупили Дубасова. Нам тоже немного попало, но у нас были превосходящие силы, и Дубасов, этот непобедимый силач пятого «В», убежал. Он перемахнул через высоченный забор, как птичка. А девчонки кричали ему вслед: «Только выйди!» — и показывали кулаки.

Потом Вера поправила свой новый платочек, который надела по случаю Восьмого марта, и сказала, отдуваясь:

— Хорошо мы ему вмазали!

А Таня добавила:

— Врезали как полагается.

Милка отряхнула свои маленькие красные варежки и тоже сказала басом:

— Влепили, будет теперь знать.

Редколлегия немного погуляла по улицам, мы даже обсудили план очередного номера: в самой середине, на видном месте, мы нарисуем карикатуру на Дубасова, как он едет верхом на «двойке».

Во всех «Колючках» рисуют такую, спросите кого хотите.

ЭКСПЕДИЦИОННЫЙ ОТРЯД № 62 (ДОМ ПИОНЕРОВ, ГОРОД МИНЕРАЛЬНЫЕ ВОДЫ) РАССКАЗЫВАЕТ ИСТОРИЮ СТАРОЙ ФОТОГРАФИИ.

История старой фотографии

Она начинается в дни первой русской революции, в декабре 1905 года, когда на станции Минеральные Воды создалась боевая рабочая дружина. Дружине нужно было знамя. За это взялись жены рабочих. Люди они были бедные, поэтому знамя сшили из дешевой красной материи, зато кисти раздобыли длинные, нарядные. Местный, из депо, художник золотой краской написал на полотнище несколько слов. Но вот беда— сейчас, через шестьдесят два года, никто не мог вспомнить и сказать ребятам, что именно он написал. А на фотографии, сами видите, как трудно разобрать! Только председатель клуба Мария Васильевна Васильева сумела прочесть лозунг: «Боевой штурм пролетариата против капитала».

Смотрите! Вот оно, боевое знамя дружины!

СУДЬБА ЗНАМЕНИ

Вы знаете, что революция в 1905 году потерпела поражение. Что же было с красным знаменем дружины? Оно не досталось врагу. В последнюю минуту его принес в стачечный комитет какой-то мальчишка, лет, должно быть, тринадцати, и как ни удивительно, следопыты сумели разыскать и этого отчаянного мальчишку! Владимир Степанович Дворцевой — так его зовут, и сейчас он, конечно, не мальчик, а пенсионер — рассказал ребятам, как в тот давний, тревожный день, выбираясь из оцепленного жандармами района, он заметил древко знамени, спрятанное дружинником внутри одной из труб, сваленных около станции. Место показалось Володе ненадежным. Он вытащил знамя и пустился бежать. В комитете спрятали и знамя и мальчика.

Когда следопыты узнали историю знамени, они загорелись: во что бы то ни стало восстановить его! С помощью старших это и было сделано. Теперь точная копия боевого знамени стоит в городском музее.

КЛУБ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СЛАВЫ ГОРОДА МИНЕРАЛЬНЫЕ ВОДЫ ПЕЧАТАЕТ СТРАНИЦЫ ИЗ ЛЕТОПИСИ 1905 ГОДА.

РАССКАЗЫ УЧАСТНИКА РЕВОЛЮЦИИ СТЕПАНА ВАСИЛЬЕВИЧА КУХТИНА ЗАПИСАЛИ РАЗВЕДЧИКИ БОЕВОЙ СЛАВЫ ИЗ ГОРОДСКОГО ДОМА ПИОНЕРОВ

Как объявили забастовку

— По гудку всем бросать работу, выходить во двор на митинг,— договорились рабочие.

Только кто даст гудок? Время тревожное, а депо — полно жандармов, возле гудка — особый пост.

— Я дам гудок,— вызвался кочегар Подкладов.

Товарищи отговаривают:

— У тебя семья — шесть человек, в тюрьму попадешь — кто их кормить станет?

Подкладов в ответ знай посмеивается: ничего мне, мол, не будет и не узнает никто!

А он, оказывается, вот что придумал. Поставил за приводом гудка на паровозе корыто с глиной (она для обмазки сводов употреблялась). Точно в назначенный час натер руки мазутом и пошел к корыту. Жандарм, что тут околачивался, отошел, не запач-

каться бы! Подкладов зачерпнул глины, а по дороге незаметно нажал на привод гудка и так его оставил, в открытом положении. Жандарм рядом стоял, и тот ничего не заметил. Гудок заревел, народ повалил из цехов. А начальство так и не узнало, откуда был подан сигнал. Думали, с крыши депо.

Как я был живой прокламацией

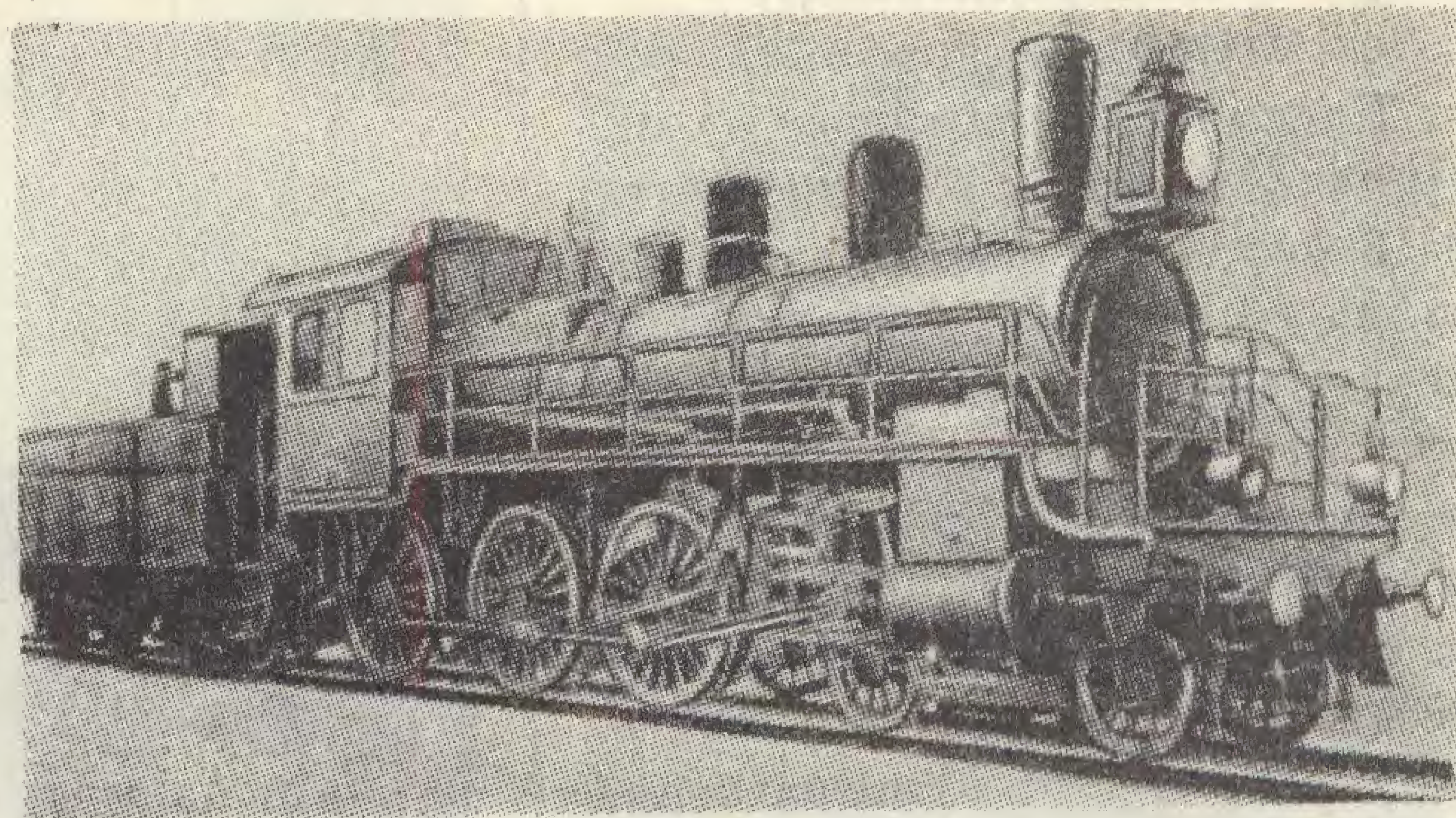
В разгар забастовки поручили мне однажды доставить в Минеральные Воды бомбы и «литературу», то есть прокламации, из Пятигорска.

Спрятал я листовки под рубашку, привязал покрепче. Хотел прочесть одну, да не дали: потом, говорят, почитаешь, на месте, сейчас некогда. Были они совсем свежие, не просохли еще и сильно липли к телу. В карманы сунули мне штук семь «апельсинов» (так у нас назывались бомбы) и наказали под ноги глядеть, поаккуратнее: с таким грузом и на воздух взлететь недолго. А ночь южная, темная — какое тут под ноги, руки своей не видать. В темноте на вооруженный патруль напоролся. Задержали: кто, мол, такой и куда? Меня что спасло? Я с ними стал проситься! Ведите, люди добрые, в полицию ночевать, а то до дому далеко, поезда не ходят... Они, ясное дело, отмахиваются: некогда с тобой возиться, у нас тут свои дела, мы сторожим, как бы кто в Минеральные Воды оружие и листовки не пронес! Прогнали меня.

Потом конный разъезд жандармский мимо проскакал, спасибо в крапиве отлежался, не заметили. Хотел им вслед «апельсин» швырнуть, да не смел без приказа: бомбы были у нас на счету.

К рассвету дошел я до окраины города. У первого стога ждал меня, как было условлено, слесарь из инструментальной, товарищ Андресон. Передал ему бомбы, отвязал прокламации и опять не успел прочитать.

Отвел он меня на квартиру, заснул я как убитый. Проснулся далеко за полдень. Встал, иду умываться, замечаю: парень соседский странно так на меня глядит. Опустил глаза — вижу: у меня на животе, буковка за буковкой, полный текст прокламации отпечатался! Почти все разобрал, в зеркале, конечно. Хорошая была листовка, зажигательная! Только беда была потом отмывать ее с кожи! Измучился...

На этом паровозе боевая дружина отправилась в Ростов на помощь восставшим.

Как уходил Безлущенко

Нужно было тайком увести в Пятигорск Безлущенко, киевского студента, одного из наших руководителей: за ним охотились жандармы.

В условленный час подхожу я, как договорились, к железнодорожному переезду, навстречу мне Безлущенко. В синей рабочей блузе, в шляпе с большими полями, с тяпкой и узелком харчей — сразу видно, идет человек бахчу полоть. Весело так идет, свободно, ветер черные волосы треплет — загляделся я на него. Мне и то не верится, что за этим человеком по всему поселку рыщут жандармы.

Вдруг слышу: топот за спиной. Оглянулся. Конный разъезд казаков во весь опор мчит по моим следам. Замер я на месте, и одно слово в голове стучит: «Предательство!» А Безлущенко увидел казаков, тяпку с плеча снял, на шлагбаум оперся, ждет, узелком с харчами помахивает. Поравнялись с нами казаки... и дальше пронеслись.

Перевел я дух, подошел к Безлущенко, а тот говорит:

— Я в последнюю минуту догадался, что не нами они интересуются: слишком быстро мчались, видно, что далеко разогнались. А поначалу собирался их встретить. Вот, угощенье приготовил.

И развернул узелок с харчами.

А там — бомбы!

КРАСНЫЕ СЛЕДОПЫТЫ ИЗ 106-Й ШКОЛЫ ГОРОДА ОДЕССЫ РАЗЫСКИВАЮТ УЧАСТНИКОВ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ, КОТОРЫЕ ЖИВУТ В ИХ ГОРОДЕ.

ЭТОТ РАССКАЗ ОБ ОДНОМ ИЗ НИХ — ЕВГЕНИИ ГРИГОРЬЕВИЧЕ ЛЮБЛИНСКОМ.

«Погибаю, но не сдаюсь!»

В 1916 году молодого парня из Кодымы забрали в армию, послали служить на крейсер «Александр III». Шла империалистическая война.

А когда через год началась Великая Октябрьская революция, команда корабля перешла на сторону революционного ко-

Евгений Люблинский в годы гражданской войны.

митета, и крейсер получил гордое имя «Республиканец».

Летом 1918 года, после захвата Украины германскими империалистами, в Новороссийск из Севастополя была переведена большая часть кораблей Черноморского флота. Когда интервенты, продвигаясь по побережью, стали приближаться к Новороссийску, В. И. Ленин приказал черноморцам потопить суда: увести их было некуда. Евгений Григорьевич хорошо помнит, как выводили они, моряки Черноморского флота, свои корабли из Цемесской бухты в открытое море. Корабли потопили. Они погружались в воду с поднятыми на мачте сигналами «Погибаю, но не сдаюсь».

Слушали ребята Евгения Григорьевича и вспоминали «Оптимистическую трагедию» Всеволода Вишневского. Не легли ли в основу этой трагедии подлинные события, те самые, о которых рассказывает Евгений Григорьевич?

Вот смотрите, у Люблинского сохранилась фотография, на которой он снят рядом с Всеволодом Вишневским.

Вот они, пулеметчики канонерской лодки, Евгений Люблинский и Всеволод Вишневский.

После гибели Черноморской эскадры они оба служили в Нижнем Новгороде (теперь город Горький) на Волжской военной флотилии. И Люблинский и Вишневский были пулеметчиками на канонерской лодке «Ваня № 5», которую скоро переименовали в «Ваню-коммуниста».

За боевые действия экипаж «Вани-коммуниста» был награжден орденом Красного Знамени.

«НЕ ЗАБУДЬТЕ! ТЕРПЕЛИВО СОБИРАЙТЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА О ТЕХ, КТО ПАЛ ЗА СЕБЯ И ЗА ВАС... ПОМНИТЕ! НЕ БЫЛО БЕЗЫМЯННЫХ ГЕРОЕВ!» ЭТИ СЛОВА ЮЛИУСА ФУЧИКА СТАЛИ ДЕВИЗОМ КРАСНЫХ СЛЕДОПЫТОВ 5-Й СТАВРОПОЛЬСКОЙ ШКОЛЫ.

Улица, на которой стоит школа, носит имя Ивана Булкина. Ничего, кроме имени, не знали об этом человеке в городе. За дело взялись ребята. Они нашли однополчан Ивана Булкина, познакомились — сначала в письмах — с его родными, с его учительницей, узнали, что до войны Иван Булкин работал в Куйбышеве, что он писал стихи, что погиб, защищая их родной город Ставрополь.

Вот, как это было

Перед тем как покинуть оккупированный Ставрополь, фашисты хотели многих жителей угнать в Германию, а город взорвать. Об этом узнали наши разведчики. Тогда командующий 347-й стрелковой дивизией — она в этот день подошла к Ставрополю — отдал приказ: «На ночной отдых не располагаться, приготовиться к штурму города!»

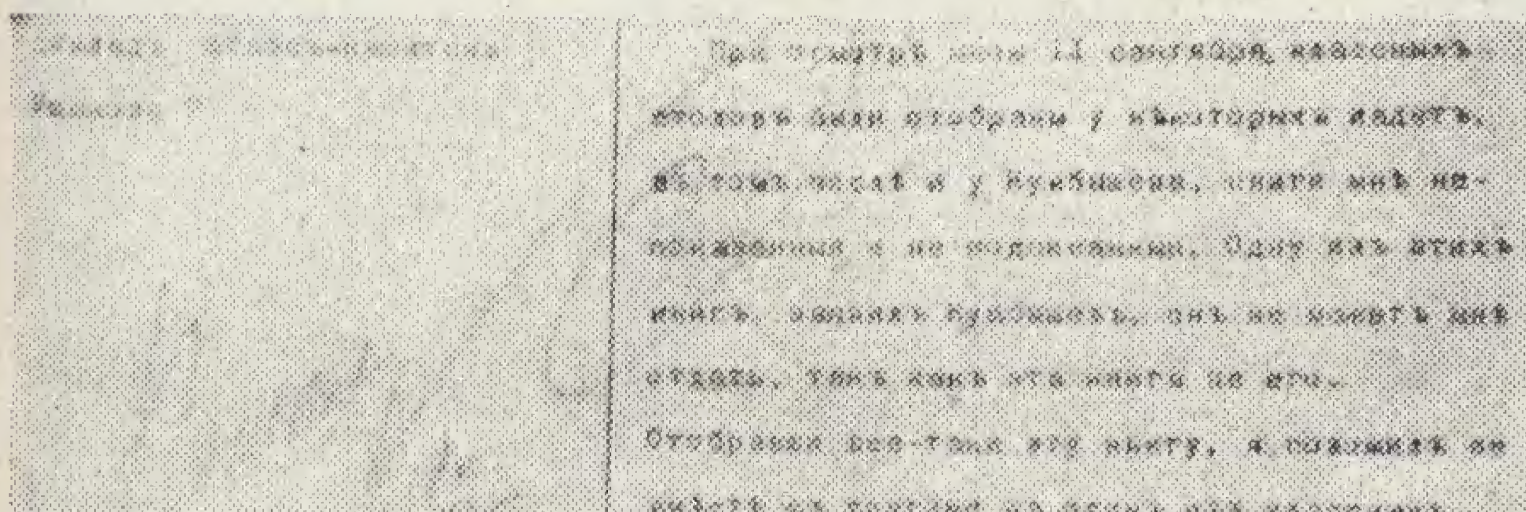
В темноте двадцать пять бойцов под командованием старшего лейтенанта Булкина пробрались в город, на главную улицу. Тут они начали стрельбу, подняли страшный шум — словно сотни солдат ворвались в город. Немцы так и подумали и бросились из города. Им уж было не до того, чтобы взрывать дома!

Булкин хотел пробиться к зданию гестапо, освободить заключенных, но не дошел. На проспекте Маркса, у дома № 100, он был смертельно ранен. А его бойцы продолжали свое дело. Они так напугали фашистов, что те почти не сопротивлялись, когда в город вступили части 347-й дивизии. Ставрополь был взят в одну ночь.

Следопыты из 5-й школы часто помогают сотрудникам краеведческого музея. Один из стендов, который стоит в городском музее, почти целиком сделан их руками.

В 458-Й МОСКОВСКОЙ ШКОЛЕ ОТКРЫТ МУЗЕЙ В. В. КУЙБЫШЕВА. В МУЗЕЕ МНОГО ИНТЕРЕСНЫХ ФОТОГРАФИЙ, РЕЛИКВИЙ, РЕДКИХ КНИГ.

Сестра Валериана Владимировича Куйбышева Галина Владимировна передала музею любопытный документ — протокол педсовета кадетского корпуса. Рассмотрите его внимательно и прочтите рассказ Галины Владимировны.

ЗАПРЕЩЕННАЯ КНИГА

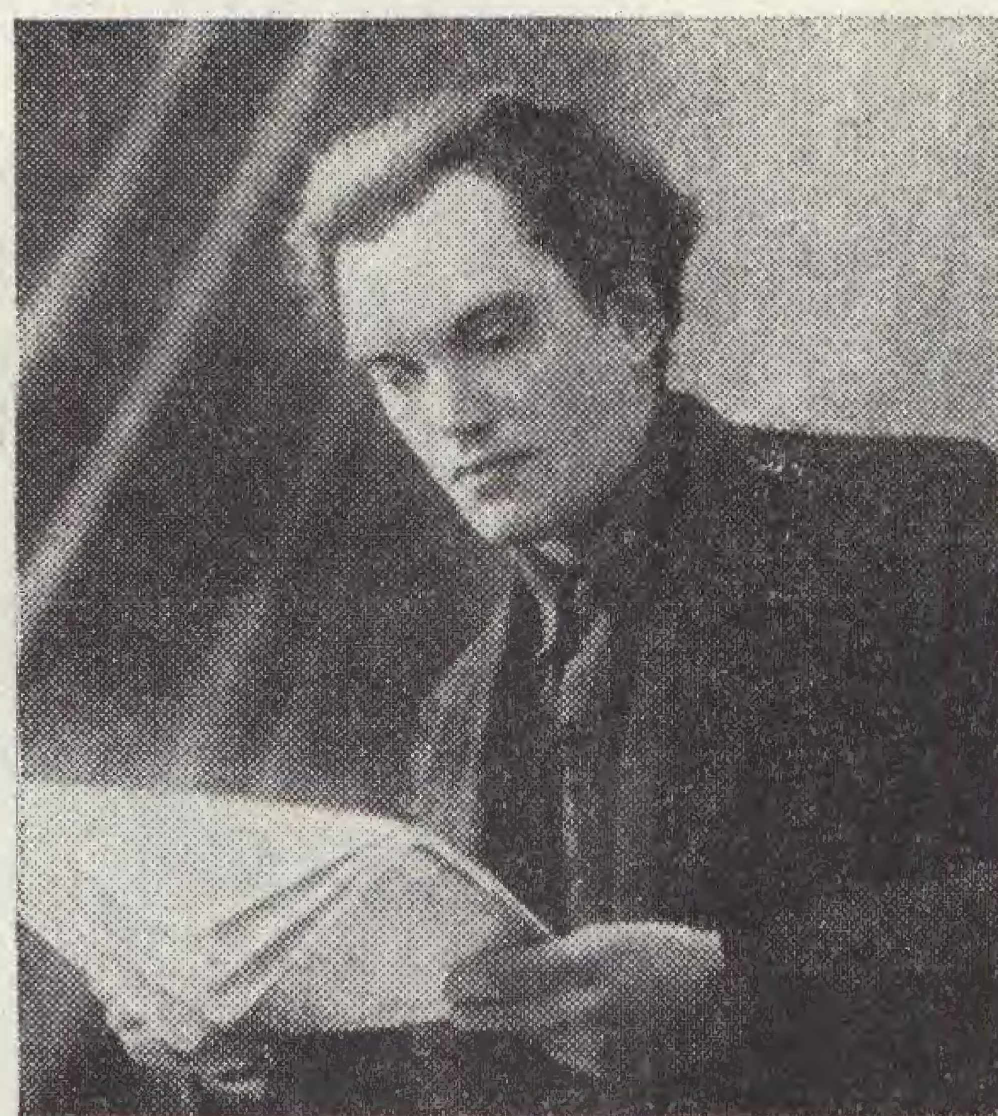
В кадетском корпусе была суровая дисциплина, строгая муштра. Там готовили слуг царя и его престола. Кадетам разрешалось читать только те книги, которые просмотрел и подписал преподаватель.

А Валериан начал уже читать нелегальную литературу. Откуда она появилась у кадета, сына офицера царской армии?

Ясно, что в доме у нас никогда не звучали слова «революция» или «свержение царизма». В кадетском корпусе тем более речи не могло быть о революции. Но в старших классах гимназии в Омске училась наша сестра Надежда. Группа старшеклассников-гимназистов организовала коммуну, чтобы вместе жить, вместе питаться, вместе учить уроки, читать. У одной из коммунарок два брата были революционерами. Она больше других была наслышана о революции, знала о нелегальной литературе. Может быть, благодаря ей коммуна гимназистов переросла в революционный кружок. Кроме того, в Омске в то время было много политических ссыльных. Вероятно, через них в кружок попала редкая тогда книга В. И. Ленина «Что делать?».

Валериан Владимирович в воскресные дни бывал у сестры в кружке. В пятнадцать лет кружок стал поручать ему проводить беседы с учащимися, потом с рабочими, с железнодорожниками. А в шестнадцать лет он уже был членом РСДРП.

Ни мама, ни папа не понимали Валериана, но они и не мешали ему. Наверное, потому, что любили сына и верили: плохого пути он не выберет.

Валериан Владимирович Куйбышев.

Пароход «Куйбышев»

Валериан Владимирович после революции был Председателем ВСНХ — Высшего Совета Народного Хозяйства. Варвара Николаевна Сидорова, его секретарь, рассказывает, как много всегда было работы у Валериана Владимировича Куйбышева.

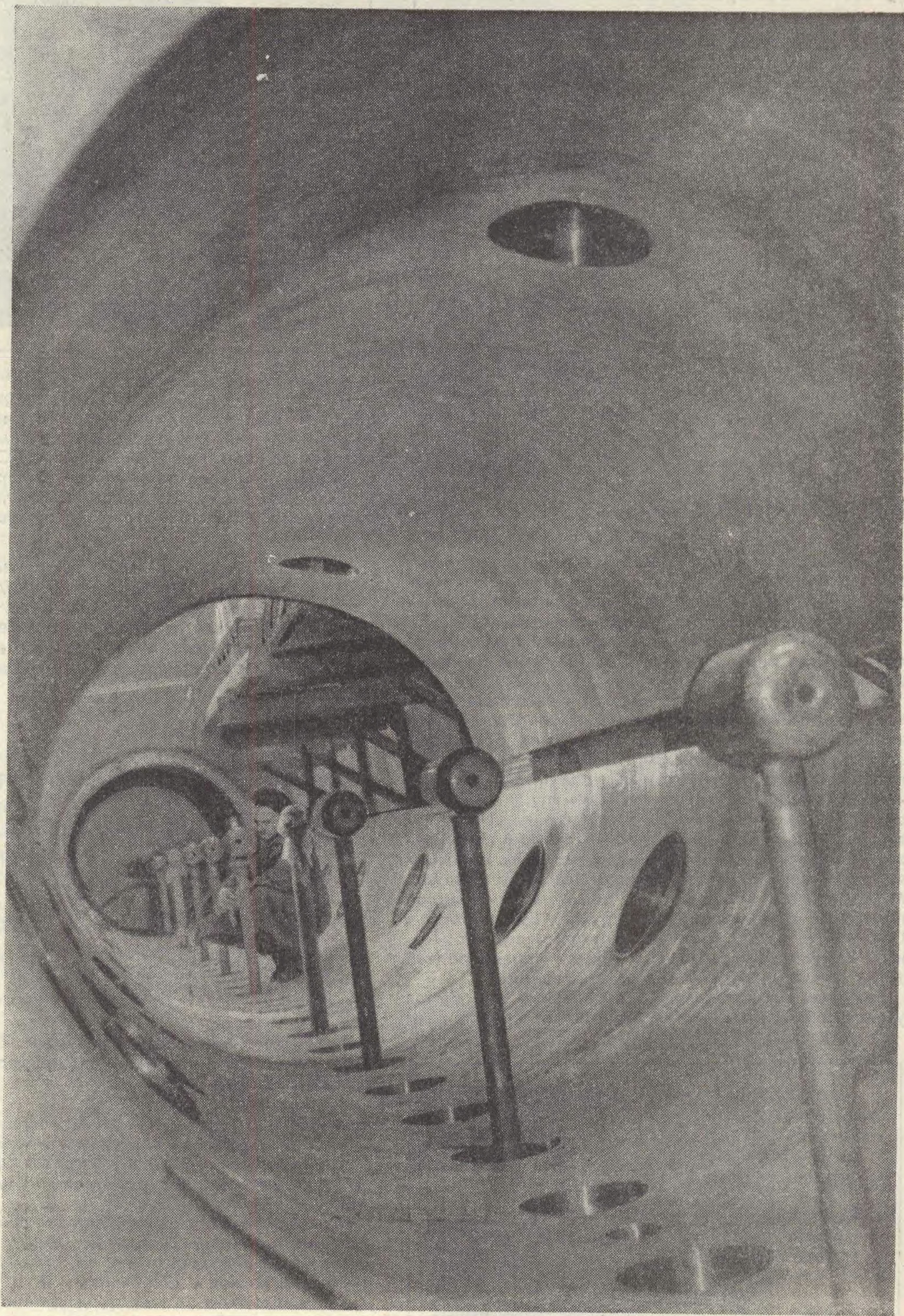
В. В. КУЙБЫШЕВ.

Всего в неделе — 168ч.
Полный отдых — 19ч.
Сон в ост. дни — 35
54 — 54ч.
Рабочие часы — 114ч.
РКИ —

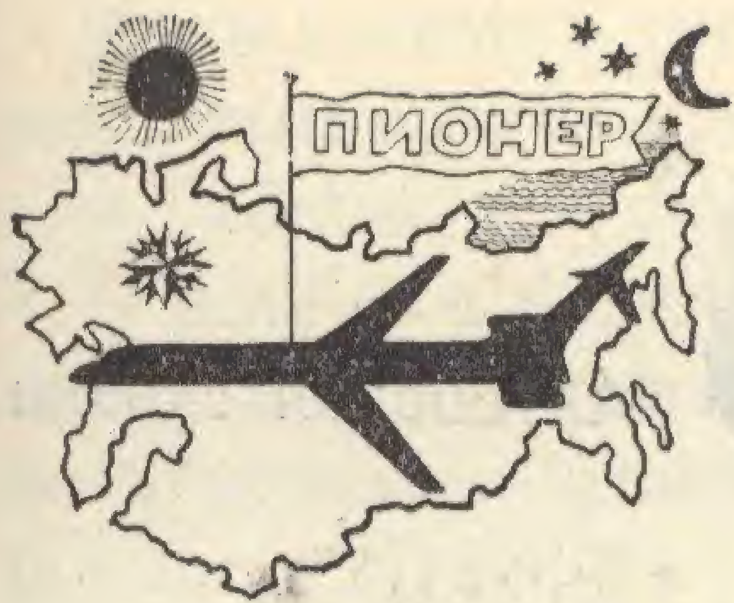
Перед вами интересный документ. Смотрите, как строго по часам и минутам распределял свое время Председатель ВСНХ.

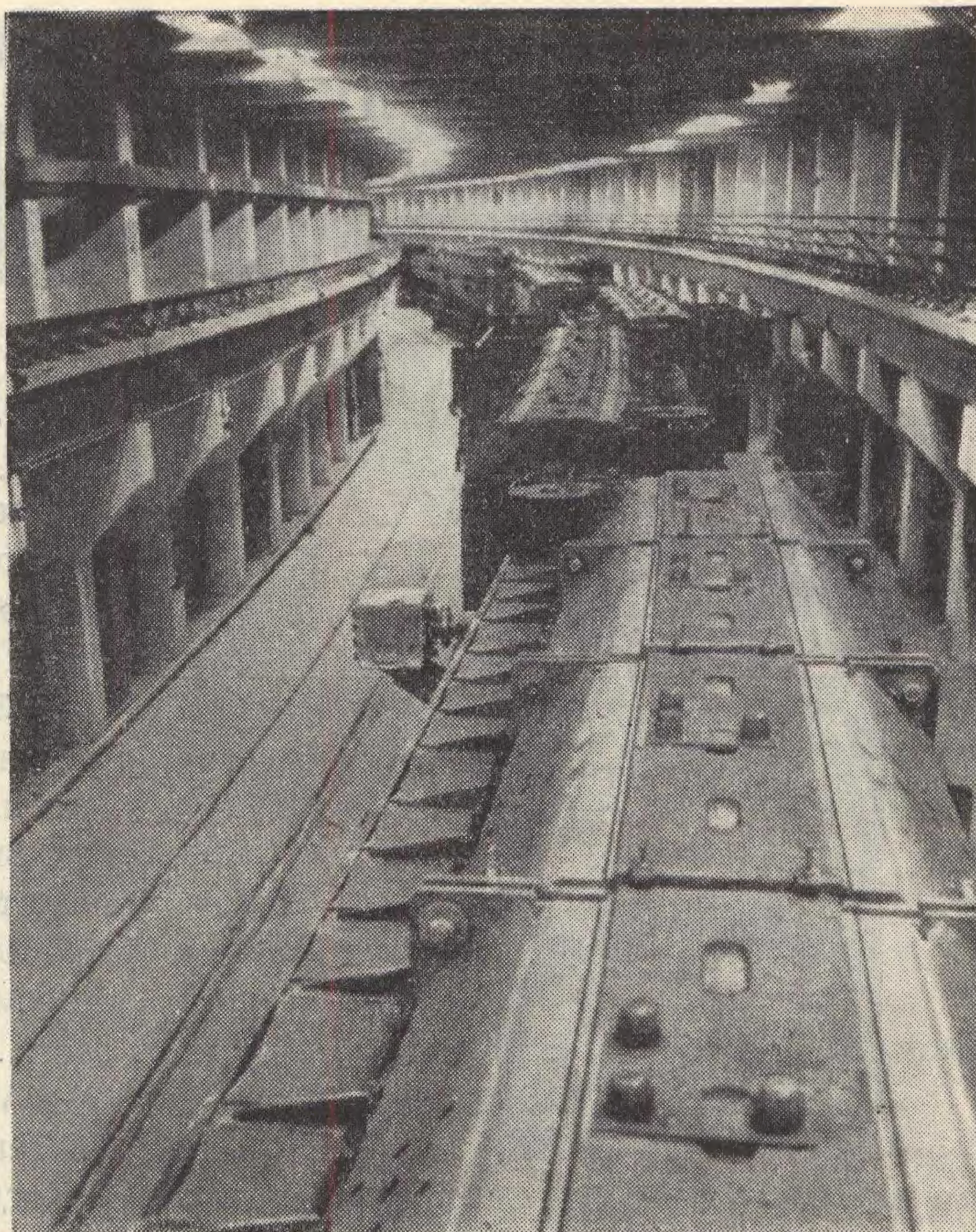
Красные следопыты 458-й московской школы дружат с экипажем парохода «Куйбышев». Вот какое они получили письмо.

«Совету пионерской дружины школы № 458.
Уважаемые наши юные друзья!
Сердечно благодарим вас за письмо. Фотографии и книги о жизни и деятельности В. В. Куйбышева у нас есть. Спасибо за заботу, высылать нам пока ничего не надо. Если вас что-то интересует, пишите. Мы охотно ответим.
С уважением к вам весь экипаж».

Вот он, гигант под Серпуховом. Мы видим его изнутри.

А это другой участок полуторакилометрового кольца ускорителя.

И вот мы на пути к Москве, к финишу нашего путешествия. Под нами подмосковные леса, ленты дорог. Казалось бы, ничего необыкновенного тут нет. Но вот внизу ясно различаем как бы гигантскую баранку, брошенную среди перелесков, и садимся.

Нас встречают и ведут... в подземелье, внутрь земляного кургана длиною в полтора километра — это и есть гигантская баранка, которую мы видели с воздуха.

В сопровождении людей в белых халатах проходим по подземным залам и коридорам. Со всех сторон нас обступают сотни приборов и установок. Мы в царстве физиков. К чему эти невиданные электромагниты, насосы, радиоаппаратура? Оказывается, здесь, в подземном кольце-туннеле, создан космический вакуум. И все эти хитроумные приборы здесь для того, чтобы создать и поддерживать вакуум. Среди них есть такие, которые способны «учуять» и изловить даже одну-единственную молекулу.

Самые главные события происходят, конечно, в вакууме. Сюда запускают пучок элементарных частиц — ядер атомов водорода. Представьте себе — пустота, и со страшной скоростью летят в ней по кольцу ядерные частицы. Ничто не мешает их стремительному движению. Магниты, расположенные по всему кольцу, передают частичкам огромную энергию и как бы подхлестывают их. В этом фантастическом полете частички меняют свою природу!

Мы узнали в этот день и поняли поразительные вещи. Еще лет тридцать назад науке были известны всего две элементарные частицы. Это электрон и протон. А в наши дни таких частиц открыто уже около двухсот! И каждая новая частица ошеломляет ученых своими свойствами, своими «чудачествами». Ускорители помогают ученым фотографировать частицы, измерять их скорость, массу, время жизни. А время жизни у некоторых частиц — миллионные доли секунды. И разве не чудо — машина, которая дает в руки человеку такие небывалые возможности!

Наше путешествие не имеет конца. Ведь мы путешествуем в юбилейный год. В запасе у него множество чудес, потому что он завершает полстолетия жизни и труда нашего народа. Мы могли бы на атомной подводной лодке пройти через полюс подо льдами Арктики или несколько раз, не всплывая и не заходя ни в какую гавань, обойти земной шар. Мы могли бы отправиться в гости к экскаваторщику, который одним движением ковша вынимает столько земли, сколько за смену вынимали сто землекопов. Мы могли бы познакомиться с электровычислительными машинами, проделывающими миллион арифметических действий в секунду, увидеть, как нефть превращается в каучук. Могли бы... но нам пора идти на посадку. А путешествие вы можете продолжить и сами: где бы вы ни жили, вокруг везде интересное, удивительное, небывалое...

ДЬЕЛЬБЕГЕН-ЛЮДОЕД И БОГАТЫРЬ САРТАКПАЙ

Анна ГАРФ

Алтайская сказка

Жил когда-то на земле Дьельбеген-людоед, по Алтаю кочевал, вместо дичи людей добывал. У него семь голов, четырнадцать глоток. От его глаз ни малому, ни старому не скрыться, из его рук ни силачу, ни герою не вырваться.

Не знали люди, что делать, как Дьельбегена одолеть. Может, бог поможет? И поклонились они Ульгеню-богу.

Ульгень-бог на седьмом небе, на белой, как облако, кошме восседал. На голове белая мерлушковая шапка, сам в шубе из белой овчины. Услыхал он плач людей и повелел солнцу:

— Иди, людоеда сожги.

Солнце снижается, к земле приближается. От солнечного жара высохли деревья, погорели травы. Реки иссякли, моря обмелели. Звери гибли на бегу, птицы вспыхивали на лету.

— Великий Ульгень, пощади нас, горим!

Заплакали люди, заголосили!

И семинебесный Ульгень приказал солнцу подняться на прежнее место и ходить по небу прежней дорогой. А к земле он луну послал:

— Заморозь людоеда!

Луна опускается, к земле приближается. Застыли моря и реки, обледенели вершины гор. Звери коченели на бегу, птицы стыли на лету.

Заплакали люди, заголосили:

— Могучий Ульгень, смилуйся, замерзаем...

— Луна, на прежнее место иди, — молвил Ульгень.

Когда удаляется луна, земля ото льда обнажается, из-под земли пробивается трава.

Взыграл тут, рассвирепел семиголовый Дьельбеген, опять на людей пошел.

Заплакали люди, заголосили, но теперь уж на плач и на слезы не обращал внимания всемогущий Ульгень.

И поклонились тогда люди богу Курбустану, который на третьем небе сидит.

— Помоги нам, погибаем!

— Если сам Ульгень не пожелал вашими печалями печаловаться, то мне и подавно не пристало, — отвечал тринебесный Курбустан.

Загоревали люди, забедовали:

— Боги нас отринули... Как жить будем?

Тут как раз возвратился на родной Алтай из монгольских степей, где целый год охотился, старик Сартакпай-богатырь. Примчался он верхом на седогривом коне.

— Люди, — сказал старик, — боги нам помочь не сумели. А что, если мы сами немного постараемся?

Хлестнул коня и на скаку схватил людоеда за ворот. Но Дьельбеген уцепился всеми четырнадцатью руками за ствол пихты. Никак не оторвешь. Рассердился Сартакпай, выдернул из земли пихту и зашвырнул ее вместе с людоедом на луну.

А луна от земли все дальше, дальше

уходила, на свое место спешила. Но Дьельбеген уперся в луну стволом пихты и не пустил! Крепко держит — то с этого края прижмет, то с другого, все хочет ее приблизить, чтобы не так страшно было прыгать.

Сколько ям наковырял он на луне своей пихтой, сколько трещин нацарапал, а соскочить все не отваживается.

Так по сей день там и сидит. А люди живут себе, не тужат.

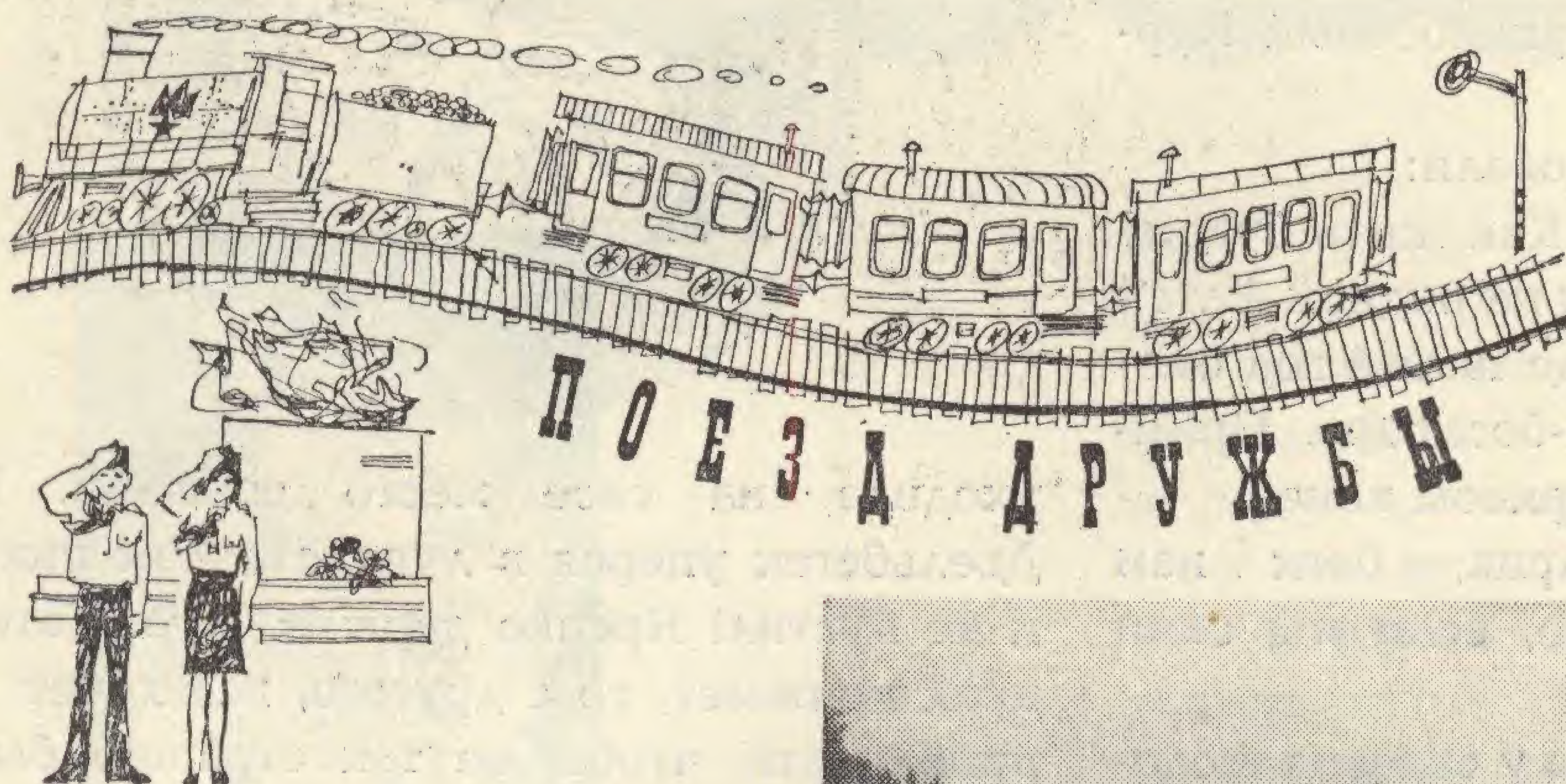

Рисунки
Ю. ВЛАДИМИРОВА
и Ф. ТЕРЛЕЦКОГО

Сегодня в номере

МАРШРУТЫ ДРУЖБЫ В ЮБИЛЕЙНОМ ГОДУ ● У ЮНЫХ ТЕЛЬМАНОВЦЕВ ● ВЕЧЕР У ХАРЦЕРСКОГО КОСТРА ● ШТУРМ ЗИМНЕГО НА... ДУНАЕ.

ПОЕЗД ДРУЖБЫ

Это был поезд необычный. Не то, чтобы вагоны какие-нибудь особенные или по-новому устроен мотор. Необыкновенными были пассажиры: десять вагонов заполнили ребята — триста пионеров и комсомольцев.

Они ехали в Германскую Демократическую Республику к своим друзьям — юным тельмановцам, и потому поезд, который их вез, назывался «поездом дружбы».

Всем давно и хорошо известно, что лучше всего подружиться можно в общем деле. И вот, не теряя времени даром, советские ребята и ребята-тельмановцы принимаются за дело. Все вместе они путешествуют по стране, знакомятся с городами и музеями, с искусством и историей немецкого государства. Бок о бок живут в международном лагере, ходят в походы, поют песни, работают в кружках «Умелые руки».

Вот знаменитый Трептов парк. Здесь могилы наших солдат, отдавших жизнь за то, чтобы не повторился фашизм. Здесь памятник советскому воину-освободителю. Ребята идут в этот парк торжественным шествием: со знаменами, с зажженными факелами, с цветами. Вечная слава героям!

Двадцать пять лет назад здесь, на немецкой земле, кончилась жестокая и страшная война, война с фашизмом. Ни те из ребят, кто приехал в ГДР с «поездом дружбы», ни те, кто радушно встречал их, не видели войны. Но они не могут не знать о ней:

В руках у Марины Масловой урна. В урне — священная земля. Она взята в одном из бывших гитлеровских концентрационных лагерей, где томились узники из многих стран. Эту землю наши пионеры привезли в Москву, на могилу Неизвестного солдата.

у кого-то не вернулся домой дед, у кого-то ушел на фронт отец и получил тяжелое ранение. Сколько мук перетерпели их близкие, сколько слез пролито старшими! Ребята дружат. Они хотят, чтобы война никогда не повторилась. Они за мир.

ДО СКОРОЙ ВСТРЕЧИ! „ЧУВАЙ!"

СО СЛОВ ЖЕНИ ЯМБУРГА

Уже четыре года красные следопыты нашей 119-й московской школы идут боевым путем 3-й гвардейской танковой армии. Каждое лето новый поход. Больше семисот километров прошли мы по нашей стране. В прошлом году были мы в Чехословакии, в этом старая военная карта привела нас в Польшу. И здесь однажды пригласили нас к себе в лагерь харцеры — польские пионеры.

Мы поехали к ним ночью, в автобусе, по горам. Вдруг где-то высоко загорелся неоновый крест, такой же, какой потом увидели мы на груди у всех

Поутру харцеры выстроились на линейку.

харцеров. Это их символ — древний польский военный крест с надписью «Чувай!» — «Будь бдителен!».

В темноте, выхваченный ярким светом фар, спускался к нам отряд. Нас удивило и понравилось, как серьезно и сосредоточенно они шли: по трое в ряд, молча, подтянутые, в зеленой форме и в синих беретах. Через плечо шнурок, кожаный ремень, на поясе маленький нож в чехле — здорово!

Откуда-то прямо из ночи вынырнули наши сопровождающие, и нам было сказано: «С дороги не сходить, можно упасть с обрыва. Пошли!»

Летом тихий городок Серебряная Гура полон ребячьих голосов.

Мы пошли и шли долго, а потом, и снова неожиданно, преградил нам путь шлагбаум. Стоп! Часовые никого не пропустят. Ночью ходить по территории спящего лагеря нельзя никому, кроме дозора.

Карнавал — веселый праздник харцеров.

«Чувай!» — сказал один из проводников, и в ответ раздалось тоже: «Чувай!» Тотчас поднялся шлагбаум, расступилась стража, и мы в лагере.

Лагерь харцеров разбит на отряды, которые называются обозами. Каждый обоз огорожен, за оградой штук двадцать палаток. У обоза свой командир, свой устав, свои часовые, свои круглосуточные посты. Один обоз — туристы, другой — пожарники, третий — регулировщики...

Лагерь разбит на развалинах древней прусской крепости. Обедали мы и ужинали под старинным сводчатым потолком. Кстати, еду себе харцеры готовят сами — вообще взрослые их не обслуживают.

1 июля, накануне Дня освобождения Польши, всю ночь лагерь в кострах. Мы на костре обоза регулировщиков, высоко в горах, где под стеной старинного форта сооружено что-то вроде сцены и уже полным ходом идет викторина на тему «Дорожные знаки». Потом песни. Пели и мы на харцерском костре и потом еще пели, уже в обозе. Один мальчишка из нашей палатки, Петрик, играл на гитаре, горела свеча, и все мы пели.

Утром после умывания — завтрак, да не в столовой, а прямо в обозе: большущий кусок хлеба с маслом и кружка горячего кофе. Сидим возле своей палатки на чурбаках за столом, сплетенным из ореховых прутьев, а над палаткой весело горит на солнце обозный идол — раскрашенная палочка, дальше — лес, еще дальше — горы и небо.

Поели и поотрядно, то есть пообозно, на линейку — она посвящена 23-летию Польской Народной Республики.

Строй ребят. Развеваются цветные флажки регулировщиков, сияют медные шлемы пожарников, коротко и четко звучат рапорты, а потом взлетает на высокую мачту бело-красный флаг республики и стреляют ракетницы — салют харцеров.

Мы привезли с собой и подарили лагерю вымпел на память и книги о нашей Москве, рассказали о своем пути, что привел нас в Польшу, о славном пути Третьей гвардейской танковой, которая с боями несла Польше свободу.

Потом (а мы уже заметили, что у харцеров все неожиданно) вдруг, едва успели мы чуть отойти от лагеря, раздались странные крики и высыпала на дорогу смешная компания: индейцы, ковбои и прочие... Карнавал?

Да, карнавал — веселый и стремительный праздник харцеров.

Какая-то пожилая женщина сказала что-то с улыбкой по-польски.

— Что она сказала? — спросили мы, и нам тут же перевели ее слова: «Весело у нас на Серебряной Гуре».

Верно, это и нам показалось весело. Но прощай, Серебряная Гура, нам пора домой. «Чувай, харцеры!»

ОПЕРАЦИЯ «АВРОРА»

— Ура! Ура! Зимний взят! — радостно кричат «красногвардейцы» — участники военной игры «Штурм Зимнего».

Как вы думаете, где была эта игра? В Ленинграде?

Не угадали. В Дьере — венгерском городе на Дунае. Сюда съехалось со всей страны более десяти тысяч юных исследователей истории Великой Октябрьской революции, принимавших участие в движении «По пути героев красного знамени».

После игры у пионерского костра ребята беседовали с ветеранами революционного движения, рассказывали им о том, как готовятся они к празднику Великого Октября.

А вечером жители Дьера любовались факельным пионерским шествием, фейерверком и салютом.

Так был дан старт операции «Аврора».

Генеральный совет операции дал команду: ни одной дружины, отряда, звена без полезного дела на благо всех.

Всем как можно больше узнать об Октябре, о Стране Советов. Провести встречи с теми, кто побывал в СССР.

Организовать походы к памятникам героев Великой Отечественной войны.

Приготовить подарки своим взрослым друзьям — коммунистам, комсомольцам.

И венгерские пионеры дружно взялись за дело.

Кроме того, ребята раздобыли сто тысяч адресов дружин советских пионеров и послали им сто тысяч праздничных приветствий (обязательно на русском языке!). А сколько подарков послали они.

Самые активные участники операции «Аврора» были награждены почетными значками, получили право участвовать в соревновании «Кто больше знает Советский Союз».

Победителей ждала поездка в Москву, на праздник 50-летия Советского государства.

Но в этом дорогом и радостном для всех нас и наших друзей празднике участвовали не только победители конкурса, но и все венгерские пионеры: ровно в восемнадцать часов по будапештскому времени во всех дружинах, по всей венгерской земле зажглись пионерские костры в честь Великого Октября.

А. ЯКОВЛЕВА

Почему и отчего

В ДНИ, КОГДА ВСЕ ГОТОВИЛИСЬ К НАШЕМУ БОЛЬШОМУ ПРАЗДНИКУ, КОРРЕСПОНДЕНТЫ «ПИОНЕРА», КАК И ВСЕГДА, ВСТРЕЧАЛИСЬ С МОСКОВСКИМИ РЕБЯТАМИ. А РЕБЯТА, КАК ВСЕГДА, ЗАДАВАЛИ ВОПРОСЫ. КОРРЕСПОНДЕНТЫ ЗАПИСАЛИ САМЫЕ ИНТЕРЕСНЫЕ ВОПРОСЫ И ПОДУМАЛИ: А ВЕДЬ, НАВЕРНО, И ДРУГИМ РЕБЯТАМ БУДЕТ ИНТЕРЕСНО ПРОЧИТАТЬ ОТВЕТЫ НА НИХ. И МЫ РЕШИЛИ ИХ НАПЕЧАТАТЬ. ОТВЕЧАЕТ ЖУРНАЛИСТ А. РАЗГОН.

Смольный—штаб восстания

Мы читали о Смольном, что он был штабом революции, а почему его большевики выбрали для своего штаба? И что там было раньше?

Сережа Андреев, Миша Волков,

201-я школа, 6-й класс «А»

Огромное трехэтажное здание Смольного института было расположено на рабочей окраине и поэтому не случайно именно там 12 сентября 1917 года начал свою работу Военно-революционный комитет, ставший штабом восстания. Но еще раньше, с лета 1917 года, в Смольном расположился один из отделов ЦК большевиков, который держал постоянную связь с армией и другими городами России. Сюда приезжали солдаты, крестьяне и рабочие из разных уголков страны, здесь они получали газеты, листовки, указания Центрального Комитета. Смольный уже тогда стал оживленным центром подготовки восстания.

А в дни восстания, когда Смольный стал его рабочим, боевым центром, преобразился и внешний вид здания. Во дворе были вырыты блиндажи, сложены баррикады из бревен, у самого входа стояли пулеметы и боевые орудия.

Теперь об истории Смольного. Петербург возник и рос как большой порт. На берегах Невы строились верфи, склады. Так же возник и Смольный двор. Днища кораблей по тем временам пропитывали смолой.

В 1723 году для дочери Петра Елизаветы на этом месте был построен летний дворец, сгоревший через двадцать лет. К этому времени Елизавета Петровна была уже императрицей. По ее приказу архитектор Растрелли выстроил на месте дворца женский монастырь. Потом в этом здании было открыто первое учебное заведение для женщин — Смольный институт. Учиться там могли только девушки из знатных семей.

Здание, которое мы все сейчас знаем как Смольный, штаб восстания, было построено еще позже — в 1805—1808 годах рядом с монастырем. Туда и был переведен Смольный институт.

Как трон эвакуировали

А что случилось с царским троном? Он ведь стоял, наверное, в Зимнем дворце? Где он сейчас?

Лена Смирнова, Марина Белянчикова,

204-я школа, 6-й класс «Б»

Чтобы ответить на вопросы Лены и Марины, мы позвонили в Ленинград, в Государственный Эрмитаж. Вот что нам рассказала Татьяна Михайловна Соколова, старший научный сотрудник отдела истории русской культуры.

Трон последнего царя Николая II тот же, что и у всех русских императоров начиная с Анны Иоанновны. По ее заказу он был сделан в 1731 году лондонским мастером Николасом Клаузеном. Трон серебряный, вызолоченный, на деревянной основе. Он всегда стоял в Большом Тронном зале Зимнего дворца. Стоит он во дворце и сейчас, только теперь в Малом Тронном зале. А во время революции его в Петрограде не было. По распоряжению Временного правительства в Москву были эвакуированы многие ценности, в том числе и трон. В дни Октября все это в запакованном виде находилось в Москве и возвратилось в Эрмитаж уже в качестве музейных экспонатов в 20-х годах. Сейчас трон в Эрмитаже.

Побежденная гидра

Почему появилось такое выражение: «гидра контрреволюции»? Я у всех спрашиваю, и никто не знает.

Оля Родкина,
201-я школа, 6-й класс «А»

В годы революции и гражданской войны, в героическое время, когда все силы народа были напряжены до предела в борьбе с врагами революции, вспоминались древние герои — те, которые шли на подвиг во имя людей. Таким героем был и Геракл из древнегреческих мифов. А одним из его подвигов было сражение с Лернейской гидрой. Это страшное многоголовое чудовище обитало в отвратительном болоте, и гибель ждала каждого, кто попадал в эту трясину. Геракл вступил с гидрой в яростную схватку и после долгой борьбы одолел ее.

Вспомни теперь годы гражданской войны. Как страшная многоголовая гидра, грозила нашей судьбе интервенция. Армии капиталистических стран наступали на нас со всех сторон. Но и этой гидре отрубили все ее головы — рабочие и крестьяне отстояли революцию, сбросили интервентов с территории нашей страны.

Византийский орел

Бабушка мне рассказывала, и еще я на картинках видел, что до революции на кремлевских башнях были царские орлы. И это был герб царя. Почему он был такой?

Коля Кутин,
219-я школа, 5-й класс «Б»

Хищно раскрыл клюв двуглавый орел, раскинул зловещие крылья, крепко держит когтистыми лапами знаки царской власти... Триста лет эта зловещая птица олицетворяла самодержавие Романовых.

А появилась она на Руси с Востока во времена правления Ивана III, когда его женой стала Софья Палеолог, наследница некогда могучей и огромной Византийской империи. Иван III, породнившись с империей, принял и ее герб — двуглавого орла. Поначалу герб был простым, потом к нему стали пририсовывать новые знаки: сначала скипетр и державу, потом императорскую корону. Герб становился все сложнее и сложнее.

Символом угнетения, бесправия и жестокости был долгие годы этот герб для народов России — вплоть до знаменательного 1917 года.

«Восстанья условный знак»

Я прочитала у Маяковского такую фразу: «Над Петропавловкой взвился фонарь, восстанья условный знак». Какое участие Петропавловская крепость принимала в штурме Зимнего?

Наташа Титова,
370-я школа, 7-й класс

Давайте вспомним, как начиная с 24 октября восстание рабочих, солдат и матросов охватывало город, сжимаясь кольцом вокруг Зимнего дворца.

К вечеру 24 октября в руках восставших был телеграф, девять из десяти мостов через Неву, Финляндский вокзал, рабочие районы города. Полностью перешел на сторону восставших и весь гарнизон Петропавловской крепости — огромного мрачного сооружения в центре города, на берегу Невы, как раз напротив Зимнего дворца. А это было очень важно для хода восстания. Крепость была приведена в боевую готовность.

Наступают решающие часы.

Утром 25 октября захвачена Центральная телефонная станция, Государственный банк. Кольцо вокруг Зимнего сжимается. Керенский бежит из города.

6 часов вечера — Зимний окружен.

7.45 — Военно-революционный комитет направляет Временному правительству ультиматум о капитуляции в течение десяти минут.

8 часов — повторный ультиматум.

9 часов — Военно-революционный комитет приказывает комиссару Петропавловской крепости начать артиллерийский обстрел Зимнего. На крепости вспыхивает красный фонарь — сигнал, которого ждали комендоры «Авроры».

9.45 — залп «Авроры».

11 часов — решительный штурм Зимнего.

2 часа 10 минут ночи — Зимний взят, Временное правительство арестовано.

Как видите, Петропавловка, бывшая самой страшной тюрьмой в царской России, в дни восстания была в руках народа, была боевым арсеналом восстания.

Цветные карандаши

Марина СОКОЛОВА

Рисунки Э. БУЛАТОВА

Я сидела у зеркала, смотрела на свое отражение и очень себе нравилась. Особенно мне нравились мои волосы. Недавно меня остригли наголо, но волосы уже отросли сантиметра на полтора, у висков выгорели до белизны и почему-то стояли торчком. «Вот бы запомнить мне себя такой на всю жизнь»,— думала я.

Мне было десять лет, я кончила третий класс и вот уже целую зиму и лето жила в Саратове, куда была эвакуирована вместе с мамой и маминой работой.

Мне очень хотелось запомнить себя на всю жизнь совсем не оттого, что я считала себя первой красавицей в третьем классе «А», просто я очень себе нравилась и с горечью думала о том, что волосы скоро отрастут, время пройдет, и никогда они больше не будут двухцветные — у висков белые, а дальше серые.

Попросить маму сводить меня в фотографию мне в голову не приходило. Шла война, и я привыкла очень многого не просить у мамы. Даже когда очень хотелось есть, я не просила. Я знала, что значит уже негде взять ни хлеба, ни картошки. О других, более вкусных вещах я даже не думала. И только однажды, лежа вечером в постели, я мечтала о том, что прилетят самолеты и будут кидать сверху на Саратов буханки черного хлеба, а потом вдруг моя разнузданная фантазия представила, что за черными буханками полетят белые...

Взглянув последний раз в зеркало и стараясь запомнить свое круглое лицо с торчащими вверх на висках волосами, я пошла на улицу.

Я шла не гулять, я шла к маме на работу.

Мамина работа находилась в конце нашей Покровской улицы, в желтом доме с колоннами, в Саратовском краеведческом музее. Во дворе музея в продовольственной палатке сегодня должны были давать по карточкам необыкновенно вкусный белый хлеб — кух. Вот мне и велено было занять очередь.

На улице было солнечно и очень жарко. Солнца было так много, что слепило глаза, и казалось, что солнце не только на небе, а везде — в воздухе, в стеклах домов, в пыли, в листьях тополей и в лоснящихся булыжниках мостовой. «Пожалуй, рубашку я сниму и надену платье прямо на голое тело»,— подумала я и вернулась в дом.

Я сняла рубашку, а кстати и разулась... «Пойду босиком»,— решила я.

У моего платья была одна особенность — оно было почти прозрачное. Сшили его из маминого платья, так как из своих я вдруг выросла. Материал у платья был дорогой, тонкий, шелковый и назывался креп-жоржет. Я взглянула в зеркало и понравилась себе еще больше — под темно-голубым платьем было бледно-голубое туловище и тоненькие палочки ног.

По улице я бежала бегом, горячая мостовая обжигала мои ноги, и я старалась больше не бежать, а прыгать от дерева к дереву, где была хоть тоненькая, но тень.

Когда я влетела во двор музея, то увидела, что там нет никакой очереди. Двор был пуст.

— Ира! Ира! — раздался мамин голос. Я оглянулась и увидела у ворот маму.

— Ты зачем сняла рубашку? Я тебя в окно увидела. Ты такая смешная. Иди домой, гуляй во дворе и обязательно обуйся. Кух на базаре будут давать.

— А как же очередь? — спросила я.

— Там наши технички стоят. Беги домой, играй во дворе, а я вечером с кухом приду.

— Мама...— сказала я и вдруг вспомнила о цветных карандашах. Эти карандаши я видела в магазине на улице Кирова. Они были в голубых маленьких коробочках и стоили рубль коробка. Правда, около карандашей под стеклянной витриной лежала еще маленькая глиняная куколка в глиняной ванночке. Руки у куклы были плотно прижаты к бокам, ноги вытянуты по стойке «смирно», и вся она была розового цвета. Я очень долго смотрела на куклу. Но это была уже такая роскошь, что я даже и маме о ней ничего не сказала.

Я попросила цветные карандаши. Карандаши тоже были замечательные. У меня с самого начала войны не было таких карандашей. Да и в магазине они появились совсем недавно.

— Конечно, купи,— сказала мама и дала мне два рубля.

Я выбежала на улицу и пошла к центру города. Я шлепала по пыли босыми ногами, и тончайшая горячая пыль взрывалась фонтанами под моими ступнями. Мне было так весело, что сердце замирало от радости: еще бы, через полчаса у меня будут две коробки цветных карандашей.

Я вышла к Липкам — так назывался у нас городской сад — и пошла по тенистой аллее. Я нарочно пошла по саду, а не по переулку. Путь по переулку был короче, но там жил Самый страшный мальчишка. Самый страшный ходил всегда в бескозырке без ленточек и с лыжной палкой. Если он встречал меня в своем переулке, то загораживал мне дорогу палкой и требовал, чтобы обходила его переулок по другой улице.

А однажды он увидел меня на Волге. Пока я купалась, он меня не трогал, но стоило мне выйти на тропинку, ведущую к дому, он сразу загородил мне дорогу своей лыжной палкой: «Иди по другой дороге». Я быстро нашла другую дорожку к дому, но мальчишка раньше меня оказался там. Я увидела его и, прячась за перевернутыми лодками, пробралась к деревянной лестнице, что шла вверх по крутому берегу. Подойдя к лестнице, я с торжеством увидела, что мальчишки там нет. Бегом я взлетела по лестнице вверх и вдруг увидела, что на самой последней ступеньке сидит мальчишка, опершись на свою лыжную палку без кольца.

— Пусти,— сказала я.

— Иди по другой дороге, тут тебе нельзя ходить.

— Пусти,— повторила я.

— Нет.— Он встал и загородил дорогу палкой.

Но тут откуда-то появился взъерошенный парень лет пятнадцати. Сплевывая семечную шелуху, он сказал:

— Пусти ее. Я ее знаю. У нее мать в ЦГАКА работает.

ЦГАКА неожиданно произвело впечатление на мальчишку в безленточной бескозырке.

— Ну, если в ЦГАКА, пусть идет,— произнес он.

Дома мама спросила меня:

— Где была так долго?

— На Волге. Только оттуда выйти никак не могла. Меня один мальчишка окружил. Мама, а наш архив, где ты работаешь, называется ЦГАКА?

— Государственный архив древних актов, сокращенно ЦГАДА, но у нас есть и ЦГАКА, Центральный государственный архив Красной Армии.

— Значит, ты ЦГАДА, а не ЦГАКА? — спросила я и подумала: «Пусть только Самый страшный теперь меня не пустит, я ему сразу скажу, что моя мама в ЦГАДА работает». Мне казалось, что слово ЦГАДА обладает еще более волшебной силой, чем ЦГАКА.

Я бежала по Липкам, наступала на узорные колышущиеся тени листьев, на зыбкие солнечные пятнышки между ними и думала, что было бы здорово, если бы меня сейчас засняли в кино. Мне очень нравилось, что я вся просвечиваю сквозь платье, как балерина на сцене.

Я вовсе не мечтала стать актрисой. Просто мне хотелось, чтобы засняли, как я иду по Липкам за цветными карандашами. А потом показывали бы всему городу в кино, как я, Ирина Козырева, иду по Липкам.

Придя в магазин, я посмотрела на куклу в ванночке и купила карандаши. Потом, выйдя из магазина, я остановилась на единственной ступеньке, что была при входе. Коробки были нежно-голубые, на каждой был нарисован желтый цыпленок, а в клюве цыпленка — красный, красиво отточенный карандаш.

Я осторожно раскрыла одну коробочку. Шесть разноцветных, словно лакированных, карандашей плотно лежали в коробке, касаясь друг друга круглыми тугими боками.

Черный, коричневый, красный, синий, зеленый, желтый.

Я смотрела на карандаши, и все мое существо заполнял праздник.

— Это твои карандаши? — спросил меня кто-то.

Я подняла голову. Рядом со мной стоял мальчик. Обыкновенный мальчик. Он был чуть повыше меня, давно не стриженный, белозубый и загорелый.

— Мои,— сказала я гордо.

— Можно посмотреть?

— Смотри.— Я великодушно взглянула на него и протянула ему одну коробку. Он точно, как и я, выдвинул из коробки карандаши и был поражен.

— Красивые,— сказал он мечтательно и с сожалением отдал мне коробку.— Теперь домой понесешь?

— Ага. А ты в каком классе?

— В четвертом учился, в пятый перешел.

— А я в третьем училась, в четвертый перешла. Уж и не знаю, как я только учиться буду в четвертом классе,— сказала я и вспомнила карту.

Эта огромная карта висела на стене в четвертом классе «Б» у нас в школе. Она занимала целую стену и была почему-то вся белая. По белому извивались черные линии рек. А все кругом было в кружках, треугольниках и пирамидках.

Очень часто на переменках я выходила из своего третьего класса, шла через зал и заглядывала в четвертый класс.

Я ходила смотреть карту. Я смотрела на этот таинственный огромный ребус и думала: «Нет, этого я никогда не смогу понять. Наверное, очень трудно изучать карту». Мне и в голову не приходило, что эта немая карта полезных ископаемых принадлежит ученикам седьмого класса, которые учились во вторую смену.

И вот мальчик из четвертого класса стоит рядом и разговаривает со мной как с равной.

— Слушай, а ты карту учил? — спросила я.

— Чего? — Он не сразу понял.

— Вы карту проходили?

— А-а-а,— протянул он понимающе и безразлично.— Карту. Сто раз. Я даже сам флажки по линии фронта передвигаю. А карандаши сколько стоят?

— Рубль коробка.

— Ты где живешь? — спросил он вдруг и шагнул со ступеньки на тротуар.

— На Покровской.— Я тоже шагнула со ступеньки на тротуар.

— Пойдем вместе, я там недалеко живу.

— Пойдем,— согласилась я.— Только пойдем по Липкам, а по переулку не пойдем.— Я показала в сторону переулка, где жил Самый страшный.

— Почему? Там же ближе.

— Там живет один мальчишка.

— Подумаешь...

— Он ходит с лыжной палкой без кольца и всегда не пускает.

— Это Балтийский флот, что ли?

— Чего? — не поняла я.

— Ну, на голове у него написано «Балтийский флот».

— На голове! — засмеялась я.— Не на голове, а на шапке.

— Не на шапке, а на бескозырке.

— Ну да. Она у него без ленточек. Только я никогда не могла прочитать, что у него написано. Не успевала,— призналась я.

Мальчик вдруг остановился около продовольственного магазина.

— Давай зайдем, посмотрим, чего там?

— Зачем? — сказала я и посмотрела на свои карандаши.— Нет, я уж лучше домой побегу скорее.

— Слушай, давай зайдем, а? — И мальчик посмотрел на меня так, словно вся жизнь его зависела от моего решения.— Все равно нам по пути, а мы только на минуту зайдем.

— На минуту? — повторила я неуверенно и шагнула в двери магазина.— Беги, только скорее, я тебя тут подожду.

— Зачем ты? — сказал мальчик.— Давай лучше я постою, а ты сбегаешь к прилавку посмотреть, что там есть. Я карандаши подержу. Давай мне карандаши. Бегом посмотришь и мне расскажешь.

Я взглянула на него с удивлением.

— Я могу и с карандашами сбегать.

— Да я только подержу.

«Конечно,— подумала я,— даже подержать карандаши — счастье. Только вдруг, как я отойду, он и убежит с моими цветными карандашами?»

— Пойдем, вместе посмотрим,— сказала я и подумала: «Это ж очень стыдно — не верить человеку. Вон он стоит и видит, что я ему не верю. Небось, думает: «Держит свои карандаши, а живому человеку не верит». Даже в руки не даю. А мне Майка Фролова куклу с закрывающимися глазами подержать давала».

— Зачем двоим идти? — сказал мальчик.— Я же тебя ждать буду.

— Держи,— сказала я и протянула ему обе коробки с цветными карандашами.

Не оглядываясь, я пошла к прилавку, а когда оглянулась, то увидела, что этот мальчишка убегает вместе с цветными карандашами.

Сердце мое оборвалось, я кинулась к выходу. Какие-то люди входили в магазин, и я не сразу пробилась сквозь них, а когда выбежала на улицу, мальчишки нигде не было.

Жгло раскаленное солнце, сияло жаркое высокое небо, густой золотистый летний воздух охватывал землю. Мимо шли люди, мчались машины, тарахтели телеги.

Я неслась по улице Кирова к Липкам, я заглядывала в лица всем мальчишкам, перегоняла прохожих, осматривала каждый уголочек улицы.

Наконец, я выбежала на площадь и остановилась. Мое сердце стучало, горло сжимали слезы, и очень хотелось заплакать. Я посмотрела вокруг и пошла домой через переулок — по самому короткому пути на Покровскую улицу.

Я шла по переулку и ничего не замечала вокруг, словно вместе с карандашами унес он и солнце, и небо, и всю жизнь, что только что была вокруг меня. Я совсем забыла, что иду по переулку, где живет Самый страшный.

И только когда он вместе со своей лыжной палкой загородил мне дорогу, я вспомнила о нем. Но почему-то я его больше не боялась. Я посмотрела на него, и по щекам моим вдруг потекли слезы.

Я совсем не хотела плакать при Самом страшном, я вытирала, размазывала слезы кулаком, а они текли и текли.

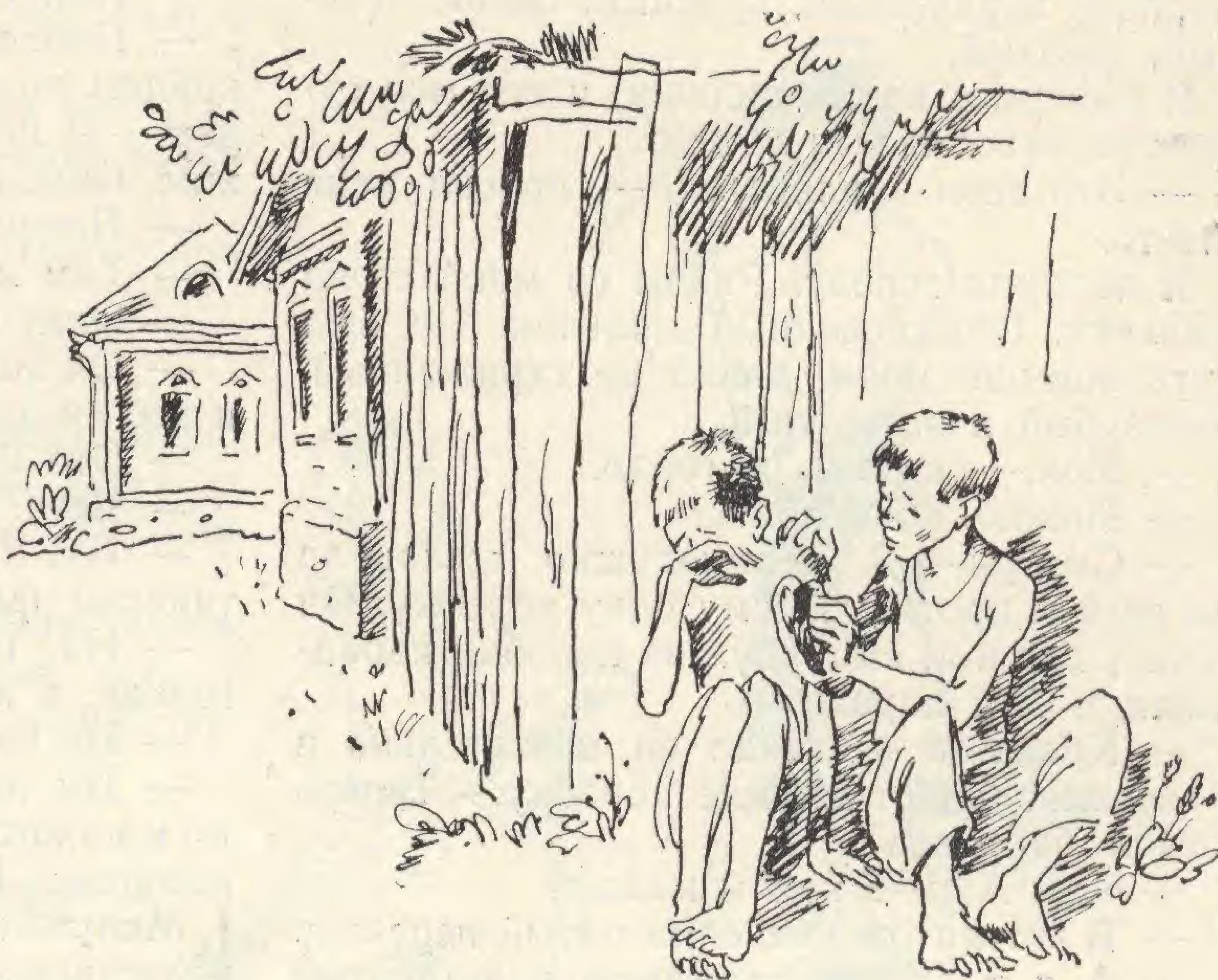
— Что это ты? — растерялся Самый страшный.— Чего ревешь-то? Иди. Я же тебя не трогаю.— Вдруг он улыбнулся и сказал: — Эх ты, а еще ЦГАКА.

Я всхлипнула.

— Не ЦГАКА, а ЦГАДА.

— Я же тебя не трогаю, чего же ревешь, дура! — сказал он почти нежно.— Иди, я теперь тебя всегда пропускать буду.— И он сел на траву у забора, положив лыжную палку у своих ног.

Я посмотрела на его безленточную бескозырку и прочитала сквозь радужно мерцающий туман слез: «Балтийский флот».

Неожиданно для себя я вдруг села рядом с Самым страшным на траву. Всхлипывая, я рассказала ему все о цветных карандашах.

— Больше не верь так,— сказал Самый страшный.

— Как же не верить, когда я подумала: «А вдруг он не убежит? А вдруг он будет ждать меня?»

Я опять вспомнила о шести, плотно лежащих в коробке лакированных карандашах, и по щекам моим снова потекли слезы.

— Не реви! — Самый страшный взглянул на мои волосы.— Зачем тебе карандаши? Все и так разноцветное. Смотри: трава зеленая, а небо голубое. Кирпич красный, а дым черный. Ну и рева...— Он вдруг снял с головы свою безленточную бескозырку и провел ею по моей мокрой щеке.

...Я шла домой. У меня не было больше цветных карандашей, но опять светило солнце, сияло небо, дрожал золотистый воздух.

И я думала о том, что, если когда-нибудь мне снова придется выбирать между верой в человека и какими-нибудь цветными карандашами, я опять поверю человеку. Зачем мне карандаши, когда мир и так разноцветный.

Я шлепала босыми ногами по пыли, и опять она взрывалась фонтанчиками под моими ступнями.

ПИСЬМА И ТЕЛЕГРАММЫ ЛЕТЯТ СО ВСЕХ СТОРОН.

ЗА ПОСЛЕДНИЕ НЕДЕЛИ ИХ ОСОБЕННО МНОГО — ПИСЕМ И ТЕЛЕГРАММ ПО АДРЕСУ: «ВСЕМ!». РАССЫЛАЕМ ИХ ВО ВСЕ КРАЯ. ВСЕМ! ВСЕМ! ВСЕМ!

ПИСЬМА ПО АДРЕСУ: «ВСЕМ»!

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Всем друзьям-пионерам из всех пятнадцати наших советских республик! Поздравляем с успешным завершением Октябрьской вахты! Дружно и вместе возьмемся за новые дела на пользу Родине! Совет дружины 603-й школы, г. Москва.

Вот какая радость!

У меня вот какая радость, очень-очень большая: моего нового брата назвали Октябрь. Это я предложила. И все у нас дома согласились. «Октябрь,— сказала бабушка,— это имя сильных и смелых. Пусть мой внук будет Октябрь». И, знаете, он уже узнает свое имя — такой маленький, а узнает и улыбается тому, кто его позвал.

Фарида Юсупова,
г. Казань.

Мужские разговоры

В тот день отец пришел домой поздно, страшно усталый, а глаза у него были веселые. Он подсел ко мне на кровать и сказал:

— Можешь меня поздравить: пятиклассник Алтыпов все-таки будет жить.

И он рассказал мне об операции на сердце, которая продолжалась целых шесть часов.

Я знаю, отец — хороший хирург, но мальчик, которого он оперировал, был совсем безнадежным!

После трудной операции отец всегда подолгу разговаривает со мной, и я люблю такие вечера. Мы говорим о самых разных вещах. Это называется дома: «Мужчины беседуют».

На этот раз я спросил отца:

— Ты с самого детства хотел стать хирургом?

Он не сразу ответил. Он начал издалека:

— Твой дед был таким человеком, к которому люди часто шли за советом в самых трудных делах. Должно быть, он умел понимать их и давал дельные советы, если к нему приходили издалека. Иногда очень издалека.

Но он был неграмотным человеком, твой дед. Он не знал, что такое книга. И считал, что дети должны знать лишь то, что знает их отец.

И царская Россия не хотела, чтобы таджики учились грамоте. За сотни километров вокруг не было ни одной школы, где бы таджики могли учиться читать и писать. И мы, дети твоего деда, еще и после революции учились только лихости в седле и сноровке в обращении с отарой.

Откуда же я мог знать, что это за человек такой — хирург?

Но я знал, что хочу, очень хочу делать больных здоровыми и очень хочу учиться.

Этого же хотела новая, Советская власть. Она-то и сказала мне: «Учись, и ты станешь доктором».

Только в двадцать лет я узнал о том, что это за слово «хирург», и только в тридцать стал хирургом сам.

А вот твой старший брат в свои двадцать пять лет уже делает операции, о которых я тогда не смел и думать.

Я знаю, отец гордится Ахметом. Он всего два года назад окончил институт, а его уже послали в Африку. Он работает там в советском госпитале.

Отцу известно, что и я собираюсь стать хирургом. Я думаю, это наша наследственная жилка. Он часто говорит, что завидует мне. Теперь я его понимаю.

Осман Алиев,
г. Душанбе.

Приезжайте к нам

Я живу в Узбекистане. Он со всех сторон окружен республиками-сестрами: Туркменской, Казахской, Киргизской, Таджикской. Поэтому наш солнечный край можно в шутку назвать «самой средней республикой» в «самой Средней Азии».

Наш Узбекистан — это горы. Горы белоснежного хлопка. Хлопок у нас называют «белым золотом». И это поистине верное сравнение. Ведь у нас в республике нет ничего ценнее и дороже хлопка. Осенью, когда наступает горячая пора уборки хлопка, мы, ребята, тоже в поле. Там жарко и весело. То ли от солнца жарко, то ли от дружной работы, а весело от песен, которые мы поем.

Солнце любит наш Узбекистан, никогда не обходит его стороной. Каждое лето оно шлет ему свои жаркие приветы. В такие дни трудно отвечать ему такой же горячей любовью. Но ведь под летним солнышком зреет, становится сильным хлопчатник. Зато как приятно в такой жаркий денек сидеть где-нибудь в тени ветвистого карагача и под пение перепелок пить душистый узбекский чай!

Ребята всех республик Советского Союза! Приезжайте хоть на время к нам в Узбекистан. Вы увидите, как прекрасен наш край! И как Голодная степь неузнаваемо изменилась и превратилась в цветущий край — Гулистан!

Приезжайте!

Света Лушина,
колхоз «Ленинград», Гулистанского района.

Сколько хлопот, и все приятные

Мы живем в городе нефтяников — Баку, в новом поселке, уже четвертый год и за это время сделали пропасть работы. Сами соорудили из сарая клуб, сцену, декорации, скамейки, костюмы и еще много других вещей. И теперь, чтобы попасть к нам на КВН или на спектакль, ребята стоят в очереди и даже плачут, когда не хватает места, потому что у нас всего сто двадцать мест, да еще папы, мамы, бабушки стараются пролезть «зайцами».

Сейчас у нас голова кругом идет, столько забот к празднику 50-летия Октября. Художники наши должны нарисовать тридцать плакатов, некоторые в два метра величиной! Скульпторы лепят к выставке фигурки из глины. Драмкружок готовит большую постановку, а у остальных хлопот еще больше.

У нас есть штаб Красной гвоздики. Ребята ходят по всему нашему району и записывают рассказы тех, кто воевал за власть Советов в 1917 году.

Это очень интересно, хотя и трудно: ведь у нас 62 дома, а солнце в Баку

жарит, как сковородка. И всех надо обойти и заранее пригласить на наш вечер ветеранов, никого нельзя пропустить!

Ветераны Октября нас принимают очень хорошо, а иногда очень старые волнуются, просят прийти еще раз, говорят: «Ох, ребятки! Разволновался я, что меня вспомнили, придите обязательно еще раз, только скажите, когда!» И мы обязательно приходим еще раз. Очень много интересного узнаем мы в разговорах со старыми большевиками, просто рот разинешь иногда. Мы все записываем и готовим для ветеранов подарки, преподносим им гвоздики и глиняные фигурки.

Много хлопот у нас с малышами шести — восьми лет. Мы обучаем их строю, у нас будет шествие в костюмах разных республик. Надо еще факелы приготовить законные, чтобы долго горели, и неопасные. Еще сплести большой венок и посетить могилу нашего Вани Максименко; это самый молодой воин в аллее почетного захоронения погибших в Отечественную войну. Мы ходим к нему, хотя и не знаем ничего о нем и о его родителях. Мы выбрали его могилу, потому что он самый молодой, он погиб в 1943 году, и ему было всего семнадцать лет, а он уже был ефрейтор.

Конечно, у нас есть и неприятности. Сейчас от клуба откололась группа мальчиков, их прозвали «летучие мыши», они вечерами где-то прячутся, только для себя играют на гитарах, завелись у них свои секреты, говорят, что учит их взрослый, совсем взрослый. Но мы думаем: одолеем их.

У наших следопытов самое главное — уметь хранить тайну и добиваться своего.

Мы часто читаем интересное в газетах и журналах и пишем, что нам нравится, а если не нравится, тоже пишем и получаем ответы. Про нас тоже в газетах не раз писали, мы их сохраняем тем, кто после будет работать, будут о нас читать.

Напишите нам, ведете ли вы какую-нибудь работу и еще какие у вас есть звери, животные или растительность. У нас в поселке, кроме кошек и собак, ничего нет. Мы и лошадей, по-честному, боимся и мало видим.

Клуб «Активист»,

г. Баку, 3-й микрорайон, дом 20, кв. 5.

СТОЛ ЗАКАЗОВ

Никак не скажешь, что наш «Стол заказов» работает с прохладцей. Каждый день почта, телеграф, телефон приносят все новые просьбы ребят.

Пионеры из 58-й московской школы-интерната решили создать сборник игр всех народов, населяющих нашу страну. Они заранее благодарны всем ребятам, которые помогут им. Адрес составителей сборника: Москва, В-313, Ленинский проспект, д. 87-б.

Марине Щербиной (г. Омск-31, ТЭЦ-3, дом 1, кв. 1) очень нравится песня «Черемшина». «Я бы очень хотела, чтобы украинские ребята прислали текст этой песни»,— пишет Марина. Современные украинские песни очень интересуют девочек-восьмиклассниц из поселка Нефтяников, что в Нефтегорском районе, Куйбышевской области. Они тоже были бы рады получить тексты и нотные записи украинских песен (пос. Нефтяников, дом 5, кв. 3, Гале Зуевой). Ребята из Воронежа (ул. Грибоедова, 5, спецшкола-интернат, 7-б класс) просят прислать им слова и ноты песен азербайджанских пионеров.

Из 7-б класса Усть-Калиногорской школы № 218 поступила такая просьба: «В нашем городе в декабре будет смотр художественной самодеятельности, и мы хотели бы разучить несколько национальных танцев с нашими подшефными третьеклассниками, подготовить вместе с ними две-три хоровые песни и сами хотели бы разучить шуточные национальные танцы.

Пионеры из 93-й московской школы-интерната хотели бы связаться с дружинами, которые тоже носят имя героя-космонавта Владимира Михайловича Комарова. (Их адрес: Москва, Волхонка-ЗИЛ, 2-я линия, 9.)

Надеемся, что просьбы ребят друзья постараются выполнить поскорее.

СМЕХОТРОН И ПОЛИГЛОТ ПОПАДАЮТ В ПЕРЕПЛЕТ...

• ОНИ УВИДЕЛИ ТОЛСТОГО ЧЕЛОВЕКА, ОДЕТОГО КАК БУДТО В ДОМАШНИЙ ХАЛАТ. ЭТОТ ЧЕЛОВЕК ВЕЛ НА ЦЕПИ НЕСКОЛЬКИХ ИЗМОЖДЕННЫХ ЛЮДЕЙ. „МЫ ПОПАЛИ В ДРЕВНЕЕ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО"- ДОГАДАЛСЯ ПОЛИГЛОТ. А ТОЛСТЫЙ ЧЕЛОВЕК, ЗАМЕТИВ ИХ, ЗАКРИЧАЛ: „ЭЙ, СТРАЖА! ХВАТАЙТЕ ОБОИХ! ОНИ БУДУТ МОИМИ РАБАМИ!" СТРАЖНИКИ МИГОМ СХВАТИЛИ ПОЛИГЛОТА И СМЕХОТРОНА.

• И ВОТ ОНИ ПОПАЛИ НА БОЛЬШОЙ БАЗАР, ГДЕ ПРОДАВАЛИ НЕ ЯГОДЫ, НЕ ФРУКТЫ, А ЖИВЫХ ЛЮДЕЙ! НА СМЕХОТРОНА ЦЕНА БЫЛА ПОВЫШЕ, ПОТОМУ ЧТО ВДРУГ ОКАЗАЛОСЬ, ЧТО У НЕГО ЖЕЛЕЗНЫЕ МУСКУЛЫ. ПОКУПАТЕЛИ ДАЖЕ ЧУТЬ НЕ ПОДРАЛИСЬ МЕЖДУ СОБОЙ, ПОТОМУ ЧТО НИКАК НЕ МОГЛИ ДОГОВОРИТЬСЯ, КТО ПЕРВЫЙ В ОЧЕРЕДИ, КТО ПОСЛЕДНИЙ. СМЕХОТРОНА И ПОЛИГЛОТА КУПИЛ ПРЕСТАРЕЛЫЙ СЕНАТОР.

• ОН ОЧЕНЬ ЛЮБИЛ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В ЦИРКЕ: БОИ ГЛАДИАТОРОВ С ДИКИМИ ЗВЕРЯМИ. СЕНАТОР ТУТ ЖЕ ПРИКАЗАЛ ГОТОВИТЬ НОВИЧКОВ. ИХ НАЧАЛИ ТРЕНИРОВАТЬ НА СПЕЦИАЛЬНОЙ МАШИНЕ. ПРАВДА, МАШИНА ОБЛОМАЛА СВОИ НОЖИ О СМЕХОТРОНА. И ВОТ НАШИХ ДРУЗЕЙ ВЫТОЛКНУЛИ НА АРЕНУ ЦИРКА, ПРЯМО К РЫЧАЩИМ ГОЛОДНЫМ ЛЬВАМ, ТИГРАМ, ШАКАЛАМ И СВИРЕПЫМ НОСОРОГАМ.

Смотри продолжение на 76-й стр.

Альберт **ЛИХАНОВ**

Рисунки Е. ШУКАЕВА

Чистые камушки

ПОВЕСТЬ

Окончание.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ВЕТЕР НАД СИНИМИ КРЫШАМИ

I

Ноги несли его сами собой. Михаське казалось, что он раздвоился. Голова и то, что творилось сейчас в голове,— это одно. Голова совсем не управляла ногами. А ноги шли, шли, будто чужие, будто ими шевелит совсем другой кто-то. Рук, живота, спины, сердца Михаська не ощущал вовсе. Будто их не было. Будто исчезли. Голова и чьи-то чужие ноги.

Он не знал, куда несли его ноги. Он думал о каких-то мелочах, о какой-то ерунде, и все эти нелепые и странные мысли крутились будто стеклышки в калейдоскопе, переворачиваясь с боку на бок.

Он вспомнил неизвестно к чему Ивана Алексеевича с его черным портфелем, с треугольником, испачканным мелом, и то, как он сказал однажды: «Пусть гложет вас червь сомнения». Михаська тогда хихикнул даже, а про себя удивился: какой такой еще червь должен нас грызть, за что?

Потом он почему-то вспомнил картофельный участок, песню, которую они пели там:

«Здравствуй, милая картошка-тошка-тошка-тошка,
Низко бьем тебе челом-лом-лом,
Даже дальняя дорожка-рожка-рожка-рожка,
Нам с тобою нипочем-чем-чем».

Песня завертелась в голове, как мотылек. Сначала по порядку, потом задом наперед:

«Нам с тобою нипочем-чем-чем.
Даже дальняя дорожка-рожка-рожка-рожка...»

Михаська попробовал подумать про мать, про оплеухи, но об этом не думалось. Было противно, и все. Он даже не винил сейчас мать. Просто как-то вяло удивлялся, повторял про себя: «Ну и ну! Ну и ну!..»

У него даже как-то это в такт получалось. На каждый шаг слово: «Ну... и... ну!» Будто кто командует. И в голове пусто, как в мяче.

Михаська вдруг увидел впереди главную улицу, «Кардаковский», остатки перил в форме музыкальных лир, а внизу под ними бочку с мороженым и мороженщицу Фролову.

Он мгновенно вспомнил овчарок, узкий коридорчик между ними, и по спине помчались мурашки. Михаська хотел повернуть в сторону, не подходить к Фроловой, но тут же пристыдил себя. Фролова ведь не овчарка, не укусит, один раз он уже испугался ее, хватит, а деньги на мороженое у него свои, законные.

У Фроловой никого не было. Михаська подумал, что вначале он возьмет, пожалуй, две порции, походит, съест их, а потом купит еще. Он протянул продавщице деньги на два мороженых и стал смотреть в сторону, пока Фролова отштампует прохладные кругляши. Очень хотелось пить, было очень жарко, а Фролова вон подняла воротник. «Может, ей от мороженого холодно»,— подумал Михаська.

Фролиха протянула ему одну мороженку, мельком взглянула на Михаську и стала наскребать ложкой вторую порцию. Потом она словно вспомнила что-то и пристально посмотрела на Михаську.

Возле Фроловой никого не было.

— А-а,— сказала она ласково.— Это тот мальчик, которого покусали наши собаки?..

Михаська дрыгнул ногой — хотел было уйти, но Фролова держала вторую мороженку в руках и не отдавала ее.

— Хра-абрый мальчик,— сказала она, качая головой.— Я таких храбрых первый раз вижу. Да и родители у тебя ничего. Вон как твой папочка расшумелся, когда пришел. Пятьсот рублей за тебя затребовал.

— Как?— не понял Михаська.

— А вот так. «Гоните,— говорит,— пятьсот рублей за сына, а не то в суд дело передам».

Ногами опять зашевелил кто-то другой. Михаська попятился сначала назад, потом повернулся и побежал домой.

— Мальчик! Мальчик!— кричала ему Фролова.— Мороженое!

2

Но Михаське наплевать было на это мороженое. Правда, первую порцию он лизал на ходу, но он делал это машинально, не замечая сам. Все горело в нем, хотелось остудить это горение, но и мороженое не помогало. Тогда Михаська положил всю мороженку в рот и проглотил. Холодный комок упал в живот, и снова стало жарко.

Ноги несли его домой. В комнате никого не было. Мать куда-то ушла. Михаська подбежал к комоду и рванул за железную ручку. Комод был закрыт. Тогда он пошел в угол, вытащил ящик, где лежали отцовские инструменты, и взял топор.

Он всунул синее лезвие топора в щель между ящиками и крышкой комода и изо всей силы навалился на топорище. Что-то хрустнуло в комоде, и ящик нехотя выполз из своего гнезда.

Здесь лежали деньги. Мама говорила отцу, что деньги надо положить на сберкнижку, но отец смеялся только в ответ, качал головой и отвечал, что здесь надежнее. В окно, мол, воры не залезут — четвертый этаж все-таки, а в дверь он вделал английский замок, к которому ни один ключ не подходит.

Михаська рванул ящик и увидел деньги. Они лежали в почтовых конвертах. Он достал конверт и отсчитал пятьсот рублей. Топор так и остался лежать у взломанного комода.

Михаська выскочил в коридор, захлопнул дверь и пошел к Ивановне.

Бабушки дома не было, а Лизка с Катей сидели на табуретках и смотрели в окно.

— Пойдемте!— сказал им Михаська; они послушно поднялись и пошли за ним.

По дороге взяли Сашку Свиридова. Сашка и девчонки пробовали заговорить с Михаськой, но он странно улыбался и ничего не отвечал. Только у самой Фроловой он сказал:

— У меня сегодня день рождения. Угощаю мороженым.

Сашка протянул Михаське руку, и он механически пожал ее.

— Что молчал?— спросил Сашка.— Темнила!

Когда Фролиха снова увидела Михаську, она вроде даже обрадовалась.

— Ну вот,— сказала она.— Все-таки пришел!

И стала черпать мороженое.

Михаська неожиданно вспомнил, что, когда он прыгнул к овчаркам и они залились лаем, что-то хрюкало еще. Он подумал, что ослышался, но теперь понял: нет. Сашка давно когда-то говорил, что Фролиха пошла торговать мороженым не из-за мороженого, а потому, что на молокозаводе можно достать обрат. Фролиха держала поросят, так что обрат ей очень был нужен. И хрюкали тогда поросята.

Фролова начерпала мороженое, отпечатала своей жестяной рюмкой порцию и протянула Михаське.

— Больше не бегай,— сказала она,— останешься без мороженого.

— Не останусь,— ответил весело Михаська и протянул ей пятьсот рублей.— Дайте мороженого с поросятинкой. На все.

Фролиха выкатила глаза, замахала руками в белых нарукавниках.

— Что ты, что ты!— заговорила она быстро.— Отец узнает, что я тебе рассказала, скандал устроит.

— А какое вы имеете право!— сказал зло Михаська.— Я у вас мороженое покупаю. Продавайте.

Катька дернула Михаську за руку, он повернулся и увидел ее выпученные глаза.

— Михасик, Михасик, что ты делаешь?— говорила Катька.

Сашка стоял с раскрытым ртом. Лиза смотрела на него, как на полоумного.

— Да не бойтесь!— сказал Михаська.— Всего-то двадцать пять мороженок! Нет... тридцать пять.

Он протянул Фролихе еще охапку денег. Тех, из кошки.

— Это мне отец дал!— соврал он.— Ему вот она,— он кивнул на Фролиху,— за меня заплатила. За то, что собаки ихние меня грызли.

Усмехаясь, Фролова кивнула ребятам.

— Не бойтесь,— сказал ей Михаська,— вы-то тут при чем?

Фролиха приняла деньги и стала черпать мороженое. Они взяли сначала по две мороженки, рук уже не хватало. Тогда Сашка снял с головы фуражку, и Фролова наложила полную шапку мороженого.

Потом они отправились в скверик и сели на скамейку. После пятой мороженки Лиза высунула белый язык и сказала, что больше не хочет. Как ни уговаривал ее Михаська, Лизка отказывалась. Даже пересела на другую скамейку, чтоб не видеть этого мороженого.

Катька сдалась на восьмой порции, но девятую все-таки через силу съела. Теперь остались они вдвоем: Сашка и Михаська.

Мороженое начало таять, приходилось торопиться. Михаська глотал его большими кусками. Все-таки жаль бросать такую вкуснятину. Сашка не отставал от него.

Лиза на соседней скамейке начала потихоньку икать, а Катька смеялась над ней и закрывала ей рот ладонью.

— Все,— сказал Сашка хриплым голосом и прокашлялся.— Все,— повторил он, но голос у него снова был какой-то глухой.

Они пошли домой.

Им навстречу дул жаркий ветер, он тащил пыль, махал ветвями деревьев, гладил щеки...

Щеки у Михаськи теперь уже не горели, как прежде. Он шел и улыбался ветру, облакам, плывущим наверху, белым домам с синими крышами. Конечно, крыши были совсем не синие, а красные, зеленые, коричневые и просто никакие — серые, некрашеные. Но если смотреть на них против солнца, они кажутся синими. Как вода в реке.

Михаська смотрел на белые дома с синими крышами, которые бросали поперек дороги фиолетовые тени.

3

Топор лежал на своем месте. Топорище поблескивало отшлифованными боками. Комод был закрыт, и ничто не напоминало о происшедшем.

Мать стояла у печки, комкала в руках носовой платок. Отец хоть и сидел спокойно, но серые глаза его посветлели. Они всегда светлели у него, когда он злился.

— Ну и ну,— медленно проговорил он,— ну и ну! Стер двойки, разбил кошку, взломал комод, украл деньги.

Отец медленно поднялся.

Украл... Значит, украл. Вот оно что получается! Михаська представил, как отец пришел к Фролихе просить деньги за его искусанный зад, за десять уколов в живот. «Он, наверное, и продать меня сможет, если хорошенько заплатят»,— подумал Михаська.

— Съел я ваши пятьсот рублей! — сказал он зло.— Съел, а не украл.

— Я уж милицию хотел вызывать,— продолжал отец, не слушая Михаськи,— думал, воры. А оказывается, собственный сын. Мы для него, а он от нас. Вот ведь дела какие!

Что-то подозрительно ласково говорил отец. Только голос его иногда вздрагивал. Он спокойно подошел к Михаське и протянул руку. Как Савватей — вот-вот по лицу мазанет. Михаська зажмурился. Отец чуть-чуть отвел руку.

— Виктор!— громко сказала мать, и рука у отца дрогнула, он погладил Михаську по голове. Так уж это вышло у него некстати, ни к чему.

Михаська вздохнул.

Отец отошел к комоду, запустил руку в свои лохматые волосы, постоял, облокотясь, молча.

— Хватит, Михась!— сказал он вдруг, резко оборачиваясь.— Давай говорить по-серьезному. Ты уже взрослый. Я гляжу, лучше меня все понимаешь.

Он прошелся по комнате.

— Может, я тебе не нравлюсь? Может, зря с войны вернулся живой и невредимый?

Михаська скривился. Неужели отец хочет говорить с ним серьезно? Как взрослый со взрослым? Сейчас тогда он скажет ему, что нет, что совсем не то говорит отец и какой же мальчишка не радуется, если с фронта вернулся отец. Только вот почему невесело в доме? Почему отец взял деньги за то, что его искусали собаки? Пусть бы выпорол лучше, а не срамил-

Потом все они отправились на скверик.

ся перед этой свинятницей Фроловой. Почему мама ушла в магазин? Зачем отец ездил торговать куда-то, как барыга? Зачем все это, зачем?

Он хотел сказать все это, вылить все в одно слово. И вдруг неожиданно для самого себя сказал:

— Да.

Он и сам не понял, как это у него вышло. Вырвалось просто, и все. Вырвалось. Слово не воробей.

— Вон оно что,— задумчиво проговорил отец.

— Нет! Нет!— сказал Михаська и покраснел. Наверное, до пяток покраснел.

Эх, если бы он умел все объяснить, все сказать, как надо! Как если бы случилось вдруг волшебство. В один миг он вырос бы и стал большим, широкоплечим, взрослым. И они бы сели за стол все трое: отец, мать, он, Михаська,— и он тогда бы сказал им все, как надо. Хлопнул бы кулаком по столу, может, и сказал: «Что же вы не понимаете тут, что вам неясно?»

И отец бы понял его. Сказал бы: «Эх, что же я тебя раньше не понимал, когда ты маленьким был!..» И Михаська кивнул бы ему головой: да, зря не понимал, зря думал, что я меньше тебя соображаю.

Или пусть бы по-другому стало. Не Михаська бы вырос, а отец стал маленьким, как он. Как Сашка Свирид. Тоже бы понял все.

А так что сделаешь? Кому объяснишь? Как расскажешь?

Случись все это в школе, сразу бы все и всем стало известно. И, конечно, Юлия Николаевна пришла бы и сказала: «Да что вы, одумайтесь!» И все бы стало на место. Все бы все поняли. А тут не школа. Дом. Дом, это когда живут люди за четырьмя стенами. Это дверь, которая запирается на английский замок.

Стыдно впускать чужих в дом.

— Значит, зря я пришел с войны?— переспросил отец и вдруг стал одеваться.

— Куда ты?— тихонько спросила мать.

— Как куда? — засмеялся отец.— Ухожу, не видишь. Я же тут лишний.

— Постой,— сказала мать.— Хватит, Виктор. Не шути. И так тяжело.

Она взяла отца за руку, но он вырвал руку и хлопнул дверью.

Мать прошлась по комнате, и Михаська увидел, что она молча плачет. Он хотел что-нибудь сказать ей, но вспомнил две оплеухи, две пощечины, которые получил сегодня, и промолчал.

Она бродила по комнате, шуршала тапочками. Михаська видел, как горевала мать, и вдруг опять подумал, что ему надо уйти из дома. Уйти надолго, может быть, навсегда. Нет, навсегда, конечно, нельзя, а вот надолго... Пусть построят они тот дом, и все кончится тогда. И жизнь будет снова нормальная. Вот тогда он придет, и они начнут жить, как ни в чем не бывало. Просто он перепрыгнет эту яму. Перепрыгнет, и они пойдут дальше.

Это было глупостью, страшной глупостью, и Михаська понимал, что выдумывает какую-то несусветную чушь.

Мать ходила по комнате, куталась в платок и вытирала ладонями щеки. «Почему она не кричит на меня?— подумал Михаська.— Почему не бьет — ведь ударила же днем? Почему не идет за отцом?»

Мать вдруг остановилась.

— Ты мороженое ел?— спросила она.

Михаська кивнул.

— Все деньги проел?

Михаська кивнул снова.

— Сумасшедший,—сказала мама.—Ведь заболеешь.

И Михаська подумал, что вот это да, это идея! Заболеть! Надо заболеть. Тяжело, чтоб без памяти. Тифом. И на тифе все-таки перескочить эту пропасть.

Дверь хлопнула, и вошел бледный отец. За ним белел блин Седова.

— Зальцера арестовали,— сказал отец.— Ищут свидетелей.

И тяжело сел на стул.

Он посидел, покурил и ушел с Седовым.

А вечер тянулся, как смола...

4

Сосны вонзались в небо, словно остроносые пики.

Михаська лежал на спине и смотрел, как качаются эти зеленые пики над головой. Желтый песок хребтами падал к воде и поднимался вверх, к крутому, обрывистому берегу, где росли сосны.

В половодье песок заливало, вода подходила к самому подножию сосен, а потом медленно отступала, оставляя за собой песчаные ступени. Нынче все было раннее. И весна и половодье.

В блестящей воде виднелась песчаная коса. Михаська смотрел, как просвечивала она сквозь воду, и думал, что вся его жизнь походит на этот подводный песчаный мыс. Если спуститься к воде, его не видно, а вот забрался он сюда, повыше, и все мгновенно прояснилось. Вода показала ему косу.

Так же и у него. Там, дома, все было неясно. А отошел он от дома, и все просветлело.

Выйдя во двор, шагая словно окостенелый и думая все о своем, Михаська уткнулся лицом во что-то влажное. Он вздрогнул. На белых бельевых веревках сушилось их белье.

Михаська стоял минуту, соображая, потом схватил с веревки свои мокрые штаны и рубаху. Теперь он лежал здесь, дожидаясь темноты. Солнце палило, будто жаркая печка. Река походила на длинную серебряную рыбу, сверкающую чешуей. Когда ветер стихал, чешуя исчезала.

Странное, необъяснимое облегчение испытывал Михаська. Он понимал, что ведь вообще-то должен бы мучиться, может, даже плакать, во всяком случае, горевать. Он же ушел из дома. Ушел навсегда. Ушел не со злости, а умышленно, зная, что делает.

Это очень непросто — уйти из дома. Только сперва так кажется: встал и пошел. Нет. Стоит только родителям заявить в милицию — все начнут искать его. Милиция. Какие-нибудь прохожие. Будут искать и найдут, а надо сделать так, чтобы не искали. Чтобы уперлись в стенку — и все.

За жестокость жестокостью.

Да, он уходил не просто так. Это не походило на побег во втором классе. Там он бессмысленно забрался на тополь и торчал. Как страус. Страус голову под крыло спрячет и думает, его не видно.

Он уходил расчетливо, навсегда.

Он не мог не уйти.

5

Когда Михаська посмотрел на небо, солнце уже катилось по кромке леса, как огромный мяч по синему футбольному полю. Мяч был оранжевый и походил на огромный апельсин. Михаська видел апельсин только в книжке, там он был очень красивый, очень яркий.

Михаська сел, подождал, пока апельсин не разрезала надвое заводская труба на том берегу, и спохватился: когда это он заснул? В руке он держал целую

Одевшись, Михаська поднялся на крутой обрыв.

горсть камушков. Чистых, прозрачных, как те, что в ручье. Значит, перед тем, как заснуть, он собирал их...

Надо было поторапливаться.

Он выбрал на песке место повиднее, аккуратно сложил там брюки и рубашку, в которых ушел из дома, а из кустов достал запасную пару. Ту, которую снял с веревки во дворе, когда ему пришло это в голову.

Одевшись, Михаська поднялся на крутой обрыв. Сосна, тонкая и длинная, словно свечка, качала зеленой макушкой над головой. Будто осуждала его. Вылитая Юлия Николаевна.

Он оглянулся, посмотрел на пустой берег, на синие крыши домов за рекой, на желтую от заката воду, похожую на крепкий чай, и подумал, что теперь уже все, пути назад нет и не может быть.

Чем дальше он уходил от реки, от города, тем шлось легче, хотя где-то там, внутри, не проходила все-таки смутная тревога. Как только Михаська вспоминал дом, мать, отца, сердце сжималось, во рту становилось горько, будто черемуховую ветку грыз, и он старался сразу подумать про что-нибудь другое...

Дорога, по которой он шел, была неширокая — встречные машины едва могли разминуться на ней, между двумя сосновыми стенами,— но разъезженная. Пушистая, мягкая пыль фонтанчиками брызгала между пальцами босых ног. Ботинки пришлось оставить на берегу, под рубашкой и штанами, чтоб все было — не подкопаешься.

Михаська мог не торопиться, эти места он знал. Еще в прошлом году они ходили в поход всей дружиной и были здесь. Дорога вела на сортировочную станцию — каких-нибудь пятнадцать километров.

Там Михаська рассчитывал сесть на товарняк и уехать в Сталинград.

Там, в Сталинграде, на работу его, конечно, не возьмут, но вот в ремесленное... Эх, надо было захватить свидетельство о рождении. Да подправить там такими же чернилами кое-что...

Но это было впереди. О том, что еще только будет, как и о том, что было, думать не хотелось.

Михаська шел, глазел по сторонам, иногда заходил в лес. В зеленом, словно невзаправдашнем мху, в остролистой траве попадались сыроежки. Грибы попадались все какие-то мучнистые, и есть их было не очень-то вкусно. Тогда он срывал редкие ягодки черники, встречавшиеся порой, и заедал грибы ими. В одном месте он вышел на нетронутый куст дикой смородины. Ягоды висели черными кисточками, и Михаська уселся прямо на траву возле куста. Он не ушел, пока не объел все ягоды, думая при этом, что смородина, пожалуй, походит на виноград, потому что, как рассказывала им Юлия Николаевна, виноград тоже растет кисточками. Михаська еще ни разу в жизни не ел винограда. Он закрыл глаза, представляя, что ест виноград, и от этого только больше захотелось хлеба.

Он вспомнил, как они ели вчера мороженое в скверике, и подумал, что было бы здорово, если бы мороженое не таяло. Тогда он взял бы его в дорогу и сейчас лизал потихоньку и беды не знал.

Стало смеркаться, и Михаська больше не уходил с дороги в лес. Машины не обгоняли и не встречались ему. Он остался совсем один.

Вокруг качались сосны, будто хоровод плясунов взялся за руки и ходит вокруг Михаськи, в такт покачивая головами. А он один в центре этого круга, и все смотрят на него, не спускают глаз. Михаське показалось, что и правда кто-то смотрит на него из-за придорожных кустов, он даже увидел, что тот, кто смотрит, приподнял голову. Михаська остановился, совсем не дыша, потом нерешительно шагнул вперед. «Тот» оказался простой веткой, вздрогнувшей от ветра.

Михаська поежился и пошел дальше, но страх не проходил. Тогда он решил, что будет думать о чем-нибудь другом. Это всегда помогало.

Пока было светло, он, чтоб отвлечься от неприятных мыслей о доме, думал про лес. Теперь лес пугал его. Ему хотелось к людям, домой.

Дома его, наверно, уже ищут. Мать побежала к

Ивановне, к Сашке Свириду, спрашивать, не знают ли они, где Михась.

Михаська ругнул себя снова и запретил себе думать о доме. Он перебирал в голове, про кого бы подумать, чтоб забыть этот страшный лес,— про Лизу и Катьку, про школу, Савватея или про Сашку?— и вдруг вспомнил лагерь.

В этот лагерь он ездил каждый год и там в первый раз увидел и узнал Сашку Свирида, своего лучшего друга. Было это в каникулы после второго класса. Наши фашистов тогда здорово начали лупить, и в лагере все спорили, кончится ли к осени война.

Не спорил только один, Сашка Свиридов. Был он новенький, откуда-то, говорили, приехал.

Был тогда Сашка до того тощим, что лопатки так и торчали из спины, будто пропеллеры, а на ребрах, если водить по ним железной ложкой, можно было, наверное, что-нибудь сыграть. Расшитая тюбетейка болталась у него на голове, как большая тарелка, и налезала ему на уши, то на одно, то на другое.

Михаське было жалко этого мальчишку, про себя он звал его «шкелетиком», но вслух не называл, потому что прозвище это могло сразу к Сашке приклеиться, а у него их и так хватало.

Все дело было в том, что у Сашки оказалось страшное и удивительное для мальчишки несчастье. Тут же это стало известно девчонкам, и все стали над ним потешаться. Даже Михаська с этим пороком примириться не мог. И ведь действительно, стыдно было для второклассника...

Каждое утро под Сашкиной кроватью оказывалась лужа. Он вставал, пряча от всех глаза. Вожатая, ругаясь, взваливала на плечо мокрый матрац и вытаскивала его на самое видное место — на лагерный забор напротив линейки.

Сашка ходил бледный, испуганно оглядывался и вздрагивал, если его звали, будто украл что-то, и всегда был один. А когда к нему подходил кто-нибудь, он убегал. Ну это-то было понятно, подходили к нему всегда только затем, чтоб поговорить об одном — о Сашкиной беде.

Мальчишки гоняли мяч, а Сашка сидел на траве где-нибудь вдали и смотрел на них. Однажды, сжалившись над ним, Михаська подбежал к нему, нарочно хромая, и сказал:

— Поиграй за меня. Нога что-то...

Но Сашка, наверное, понял, что Михаська жалеет его, и отказался. Ушел рвать ромашки.

Так они и жили, не замечая Сашки, а если замечали, то только для того, чтобы похохотать.

Однажды вожатая сказала им, что завтра будет солнечное затмение и кто хочет его увидеть, пусть коптит на свечке стекла. Про стекла Сашка не слышал, он ходил, как всегда, где-то один. Когда он вернулся, Михаська сказал ему, что завтра с утра будет затмение.

Михаська вспомнил, как в тот вечер Сашка не ложился спать дольше всех. Он сидел на кровати, не раздеваясь, тревожно глядя на вечернее небо. Пришла вожатая, сказала ему, что он нарушает дисциплину и что вообще она уже с ним намучилась. Сашка, не раздеваясь, торопливо лег под одеяло. Вожатая сделала круглые глаза. Но и Сашка тогда всех удивил. Он вскочил с кровати и спросил удивленно:

— А что, можно раздеться?

Вожатая пожала плечами и ушла.

Утром, когда Михаська проснулся, Сашка Свиридов лежал с открытыми глазами. Он словно что-то ждал.

— Ты чего?— спросил Михаська и посмотрел под Сашкину кровать. На этот раз там было сухо.

— Да так...

Мальчишки стали просыпаться, босиком выбегать в коридор, потягиваться, зевать...

Сашка вдруг приподнялся на локте и спросил громко, на всю палату, ни к кому не обращаясь:

— А почему окна не занавешены?

Мальчишки засмеялись.

— Нет, правда?.. Ведь сегодня затемнение. Вы разве не знаете, надо занавешивать окна...

Михаська подумал, что мальчишки станут смеяться, но в комнате была тишина. Просто все поняли, про какое затемнение он говорит.

— Сашка,— сказал Михаська,— так ведь это не война... Не затемнение, а затмение... Солнечное... Луна закроет солнце, понимаешь... Ты разве не знал...

Сашка понял. Он опустил голову, ожидая насмешек. Но все молчали. Тогда Сашка поднял голову и посмотрел на ребят. Михаське показалось тогда, что он и не на них смотрит, а куда-то дальше, мимо них

Михаська поежился и пошел дальше,

и что-то видит такое, чего они никогда не увидят и не узнают, а вот он это видел и знает.

Потом Сашка сказал:

— Мы когда жили в Ленинграде и была блокада, мы там занавешивали окна... Половиками... Когда было затемнение...

Оказалось, и правда Сашка почти совсем не умел играть в футбол. Но на матче с соседним лагерем его сделали капитаном. И выиграли. Ничего, что Сашка тогда и по мячу-то ударил пять раз.

А осенью Сашка пришел в их класс.

Михаське казалось, что он думает о Сашке, но нет, на самом деле он снова думал про дом.

Вот над Сашкой все тогда смеялись вначале. Смеялись зло, потому что всем было удивительно, как это у такого большого парня и вдруг... А потом сразу смеяться перестали. Оказалось, никто ничего не понимал. Даже вожатая. Только таскала матрац на забор. В этом разве дело?

Был сначала стыд Сашкин, позор его, а что осталось? Никакого позора. И никакого стыда.

Все вдруг поняли, что то, над чем смеялись, над этим смеяться нельзя. Что Сашка тут ни при чем. Ни в чем он не виноват. Смеяться, выяснилось, не над чем, потому что за этим стыдным было очень важное, очень серьезное. Блокада. Война.

Удивительно хитроумная эта жизнь. Раньше Михаське казалось, что самое на свете сложное — это часы. В войну, когда мамы не было, он залез в комод, достал отцовские часы, похожие на репу, и открыл заднюю крышку. Сначала там все было тихо, тогда Михаська покрутил за головку, за маленькую такую луковичку, и все внутри вдруг двинулось, зашагало, заторопилось. Михаська все хотел уследить, что за что там зацепляется, внутри этих часов, отчего они идут, но так и не понял, решив, что часы — самая-самая-самая сложная штуковина на белом свете, в которой никогда не разберешься. Даже и не пробуй. Бесполезно.

Тогда он был маленький. Тогда все было совершенно другим.

А теперь... Как тут разберешься?

Ведь может, может же быть и дома так, как у Сашки!

Дорога вдруг раздвоилась. «Куда? — подумал он.— Направо или налево?»

Он вспомнил слова, которые в войну часто слышал по радио: «Наше дело правое!» И хотя эти слова были про победу, про то, что мы обязательно расколотим фашистов, а не про Михаську совсем, не про его мысли и заботы, он повторил про себя: «Наше дело правое!» Повторил так, что ему самому показалось: не по лесу идет он сейчас, не на станцию, а в бой, в настоящее сражение.

— Наше дело правое! — повторил он упрямо и пошел по правой дороге.

Впереди, за лесом, где-то уже совсем рядом, пронзительно гукали паровозы. Будто вскрикивали, испуганные кем-то. И чем громче вскрикивали они, тем медленнее шел Михаська...

Значит, как у Сашки...

Дома, как у Сашки.

Стало светать. На дороге появился туман. Михаська шел навстречу ему, и туман не стоял на месте, тоже спешил к Михаське.

Сначала он лизнул белым языком Михаськины ноги, потом поднялся выше — до пояса. Михаська будто входил в воду, только вода была странная, непрозрачная и не чувствовалась совсем. Прямо под ногами дорога еще виднелась, а что было впереди — бугорок или выбоина,— все скрывал туман.

Михаська медленно погружался в него, и чем дальше он шел, тем больше росло, расширялось, захватывало его то смутное, неясное чувство тревоги, которое сидело где-то там, в глубине его с самого начала и которое он упорно отгонял от себя.

Туман медленно всплывал над землей, как перекипевшее молоко над кастрюлей. Он поднимался, обнимал со всех сторон...

Значит, никто ни в чем не виноват? Никто ни за что не отвечает?

Живи, как живется, хватай сколько можешь, лишь бы тебе хорошо?..

Сзади что-то треснуло, и Михаська замер. Сердце колотилось, как бешеное. Но вокруг было тихо. Только шумели сосны, взволнованные чем-то.

Михаська пошел вперед.

Туман все полз, полз навстречу, будто хотел проглотить его, будто хотел скрыть его с головой, скрыть, спрятать так, чтобы не было заметно на земле Михаську.

но страх не проходил.

И снова мысль — острая и больная — пронзила его.

Так что же, если он подумал про Сашку и сравнил его с домом, если он захотел сравнить это, совсем непохожее друг на друга, что же, значит, он искал примирения?

ЗНАЧИТ, ОН, сам того не замечая, ЗАХОТЕЛ СТАТЬ ТАКИМ ЖЕ?

Ему нестерпимо захотелось, чтобы его ударил кто-нибудь. За это стоило здорово врезать.

Что же, он попробовал было предать сам себя?

Встать в один ряд. Зарабатывать деньги. Спекулировать. Жлобничать.

И быть спокойным. СПОКОЙНЫМ!!!

ПОТОМУ что ты ни в чем не виноват. Это жизнь виновата. Это виновато что-то другое. Но не ты.

И строить дом. СЕБЕ! И БЫТЬ СПОКОЙНЫМ!

Ему стало противно и стыдно.

Туман окутывал Михаську белыми мягкими лапами, скрывал от него уже и землю. Неожиданно для себя Михаська вдруг остановился и побежал обратно.

Край неба, к которому он бежал, стал прозрачным, как чистые камушки, которые цокали в кармане. Михаська сунул руку в карман и сжал камушки в кулаке.

Он выбегал из тумана, и ему казалось, что он убегал от какого-то страшного, ласкового и липкого зверя, который хотел проглотить его, проглотить, не оставив даже его следов на дороге.

Неожиданно Михаська увидел, что утро уже настало. Солнце проламывалось сквозь лес, сверкало красными лучами прямо в глаза.

Михаська вдруг понял — и от этого сразу стало легче,— что он не отступил, а, наоборот, победил. Он снова вспомнил: «Наше дело правое!» — и подумал, что да, правое, и правым оно может стать только вот сейчас, когда он возвращается и возвращается не просто так — не побежденным, а победителем. Уйти нельзя. Спрятаться — тоже. Никуда от этого не уйдешь.

Мама... Он впервые за всю ночь, длинную эту ночь подумал о ней.

Мама... Она всегда все понимала раньше. Неужели она совсем разучилась понимать? Ведь так не бывает? Не может быть?

Не может быть!

Он то бежал, то быстро шел. Солнце взбиралось на небо медленно, будто мальчишка, который первый раз лезет на дерево. Лес начинал редеть. За поворотом с дороги тянулась тропка, ведущая к реке.

Да, мама! Он возвращается к ней. Он придет и скажет ей все, как должен сказать, все, как думает и что думает.

Он скажет ей, что им не нужен этот дом. Что он никогда не будет жить в таком доме. Что пусть подождет она, когда он подрастет немного. Он пойдет работать. И будет честно всегда работать. Будет мастером на все руки. И не для себя, а для всех.

А жить они будут тут, где прожили всю войну и до войны еще сколько. Тесно, что ли? Вовсе нет, очень даже нормальная у них комната, есть похуже.

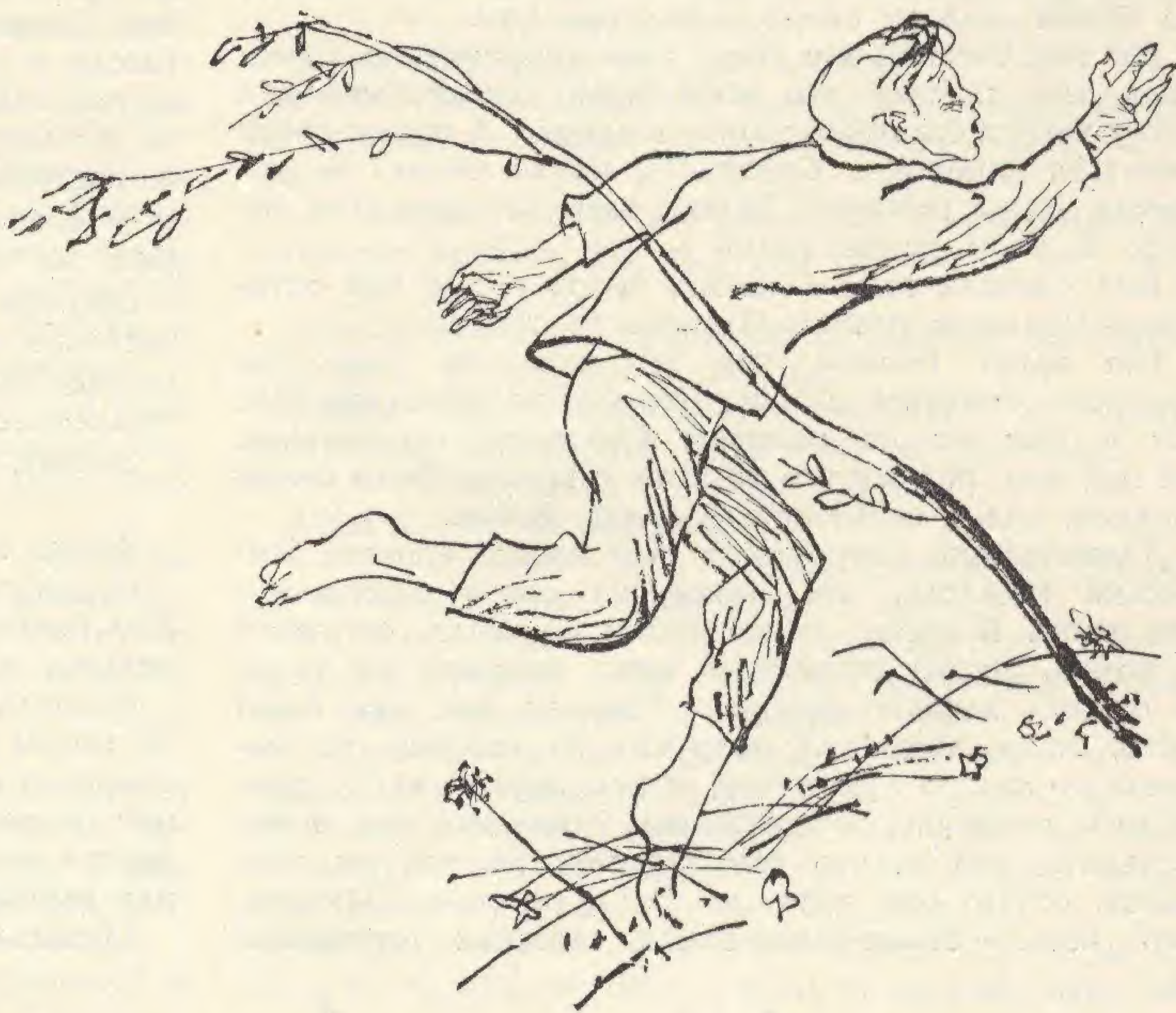
А потом построят новые дома. Построят же их. И над ними будет ходить ветер и гонять ребячьи змеи из старых газет.

Тропка сбежала сквозь сосны к реке...

И вдруг он подумал об отце. Он подумал о нем со странным чувством. Ему было жаль его сейчас. Просто жаль. Он жалел его за то, что отец — такой сильный, ведь руки у него, как свинец,— оказался неожиданно таким слабым, слабее даже мамы.

Возле какой-то лужицы Михаська остановился, плеснул себе в лицо зеленоватой воды и вздохнул.

Он чувствовал себя сейчас сильным и спокойным. Будто узнал что-то важное, секрет какой-то, военную тайну. «Пусть грызет вас червь сомнения»,— говорил

Неожиданно Михаська вдруг остановился и побежал обратно.

им Иван Алексеевич, но Михаська сам перегрыз это проклятое сомнение.

Не в чем ему теперь сомневаться, думал он.

В руке поскрипывали чистые камушки. Михаська вышел на крутой берег. Перед ним плыла река — огромная серебряная рыба.

6

Рубашки и штанов на песке не было.

Михаська оглядел с обрыва берег.

Берег был пуст, зато на мосту толпились какие-то люди. Они смотрели на лодку. В лодке, которая тихо плыла по течению, стояли мужчины и опускали в воду багры.

Михаська спрыгнул на песок и пошел к мосту, оставляя следы на песке.

Сначала на него не обращали внимания, потом люди на мосту увидели его, и две маленькие фигурки побежали навстречу Михаське.

Он сразу узнал их. Это были Сашка и маленькая Лиза. Они мчались навстречу Михаське, и лица у них были не радостные, а испуганные.

Они остановились перед ним, и он пошел рядом, слыша, как они тяжело дышат.

Люди на мосту смотрели на Михаську, и от них отделился еще один. Отец. Он был в гимнастерке без ремня, как арестованный,— Михаська видел когда-то: так же в гимнастерке без ремня вели арестованного солдата.

Отец шел медленно, с трудом вытаскивая ноги из песка, опустив плечи, будто шел с долгой и тяжкой работы.

И вдруг из-за его спины появилась маленькая, легкая фигурка и бросилась навстречу Михаське.

Мама бежала, протянув к Михаське руки, бежать ей было трудно по песку, очень трудно, она чуть не падала, но не падала и бежала, бежала, бежала к Михаське, ничего не видя перед собой.

Она схватила, смяла Михаську, сжала его так, что ему стало даже больно, крепко прижала к себе, и Михаська услышал, как стучит мамино сердце. Громко, гулко, будто хочет вырваться из груди...

— Прости! — прошептала мама.— Прости меня, Михасик, прости!

Она не плакала, нет, только на лице, темном от пыли, светлели бледные дорожки-слезы от выплаканных глаз.

Мама все тискала и тискала Михаську, а он стоял, опустив руки, стоял и наконец обнял маму, обнял, как не обнимал давно,— крепко, уткнувшись головой в мягкие мамины волосы.

Когда Михаська оторвался от мамы, он увидел отца, стоявшего невдалеке от них.

Михаська посмотрел на его лицо и увидел две глубокие линии возле рта. Он подумал, что отец у него не такой уж молодой, и сам удивился, к чему он об этом подумал.

Отец глядел на Михаську как-то по-взрослому — без злости, без удивления,— просто смотрел и думал о чем-то серьезном.

Михаська шагнул навстречу отцу и остановился. Они стояли друг против друга, сын и отец, родная кровь, и Михаська посмотрел на отца и чуточку улыбнулся. Не было в этой улыбке ни обиды, ни ненависти, ни отчаяния.

Только жалость, взрослая, печальная жалость к этому большому человеку в гимнастерке без ремня. Потом он шагнул вбок и обошел отца, как обходят столб или еще что-нибудь неодушевленное.

Михаська шел рядом с мамой к мосту, а позади раздавался шорох шагов и сопение Сашки и маленькой Лизы.

Михаська вдруг словно взлетел, как птица, и посмотрел на все с высоты. На ветер, дующий над синими крышами. На мост с людьми, которые толпились там. На угрюмого отца, которому предстоит так много. На Сашку и Лизу.

Нет, самому по себе нельзя, все-таки никак нельзя. Нельзя видеть только землю и лишь самого себя на ней. И никого больше. И ничего больше. Все есть и никуда не денется, не исчезнет, не переменится, если махнешь волшебной палочкой.

Все есть так, как есть. А волшебной палочки нет и не будет. Да и не нужна она.

Волшебная палочка — это для маленького Михаськи. Но того Михаськи теперь нет. Есть взрослый человек.

Есть человек, который может, как птица, взлететь и увидеть мост, людей на нем, отца, Сашку, Лизу, себя.

Увидеть все как есть и все понять...

7

Они шли по деревянному мосту, и Михаська слышал, как гулко стучат за спиной шаги Сашки и Лизы.

Он вдруг почувствовал, что правая рука онемела. Он разжал кулак и увидел чистые камушки. Те, что он собрал на реке еще вчера.

Камушки блестели на ладони, и сквозь них видно было ладонь.

Он опустил правую руку и подумал, что ведь чистые камушки теперь не нужны ему.

Михаська приоткрыл ладонь, и камушки, легонько постукивая, стали падать на мост.

Он шел и сеял камушки, будто зерна.

Он шел рядом с мамой по скрипучему старому мосту и не оборачивался назад.

А если бы обернулся, увидел, что маленькая Лиза и Сашка подбирают чистые камушки, которые он бросает.

И смотрят сквозь них на солнце.

И улыбаются.

Потому что, если посмотреть сквозь камушек на воду, он станет голубым, на траву — зеленым, а на облака — белым.

А если посмотреть на солнце, камушек станет кусочком солнца и даже обожжет руки.

Такой камушек.

ТИГРЕНОК

ШУКРУЛЛО

Лежит тигренок на траве примятой,
Он жмурится, теплу и жизни рад,
Халат его лоснится полосатый,
Игрив и добр его лукавый взгляд.

Кладет на лапы голову тигренок.
Лежит, блаженно щурясь на жаре.
Лежит тигренок, он еще ребенок,
Готовый к ласке и любой игре.

С улыбкой доброю проходят люди,
Но знаю я: пройдет немного дней,
Он станет тигром, сменит шерсть, он будет
Еще красивей и еще сильней.

Наверно, был бы очень я счастливым,
Узнав, что, став сильней во много раз,
Остался он таким же незлобивым,
Совсем не кровожадным, как сейчас.

Перевел с узбекского Наум Гребнев.

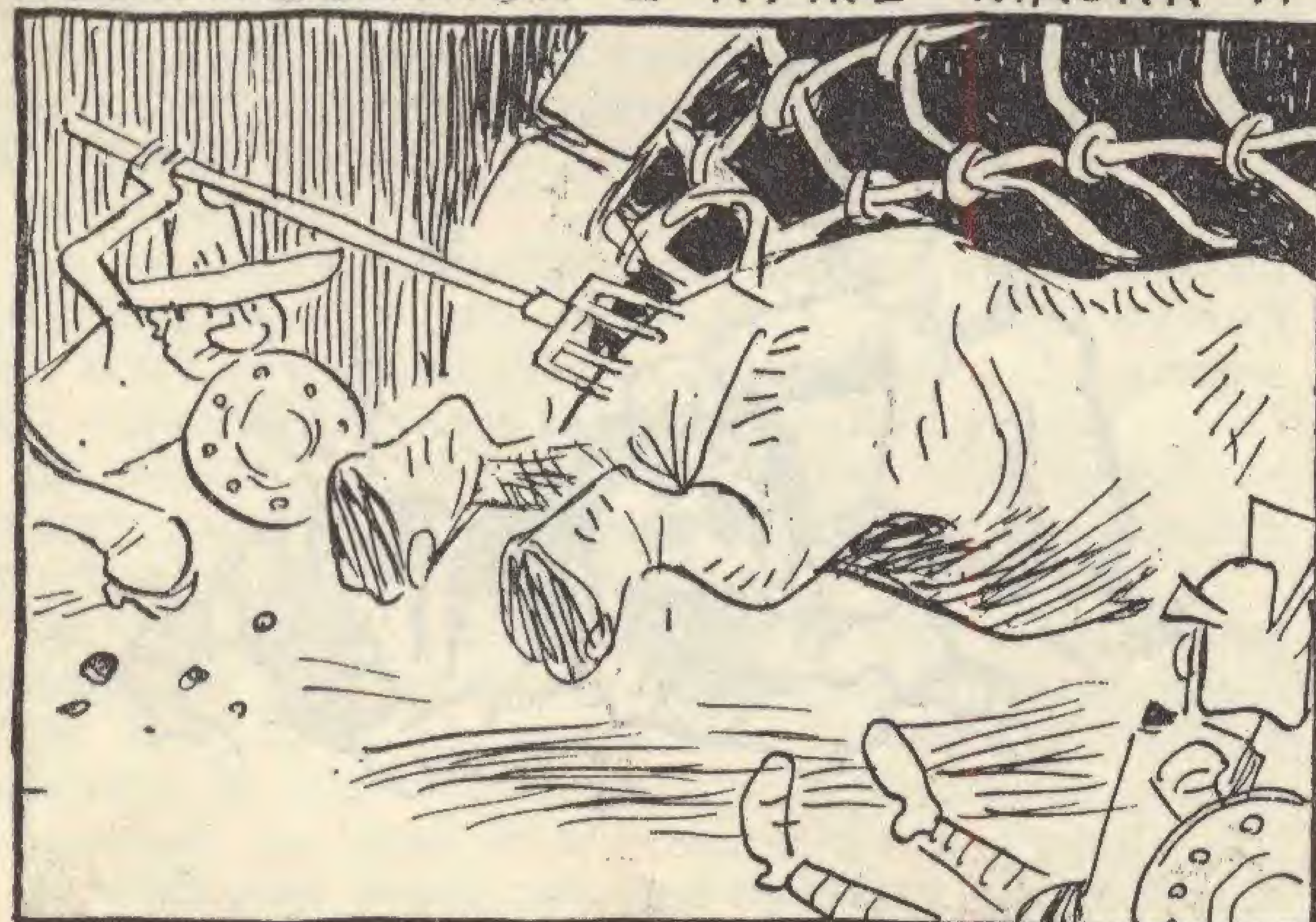

• Толпа болельщиков ликовала: „Посмотрим, как пообедают зверюшки!“ – вопили знатные патриции на трибунах. А на самой верхушке колонны замер с рупором спортивный комментатор, который вел репортаж для тех, кто не попал в цирк.

• „Прощай, Смехотрон!“ – прошептал бедный Полиглот, когда свирепый носорог стал приближаться к нему. Но Смехотрон смело выступил вперед и вылил на арену машинное масло, которое было всегда под рукой у железного человека. „Носорог-единорог, – вопили патриции, – забодай ты его, забодай!“ Носорог на бегу поскользнулся в луже масла и грохнулся.

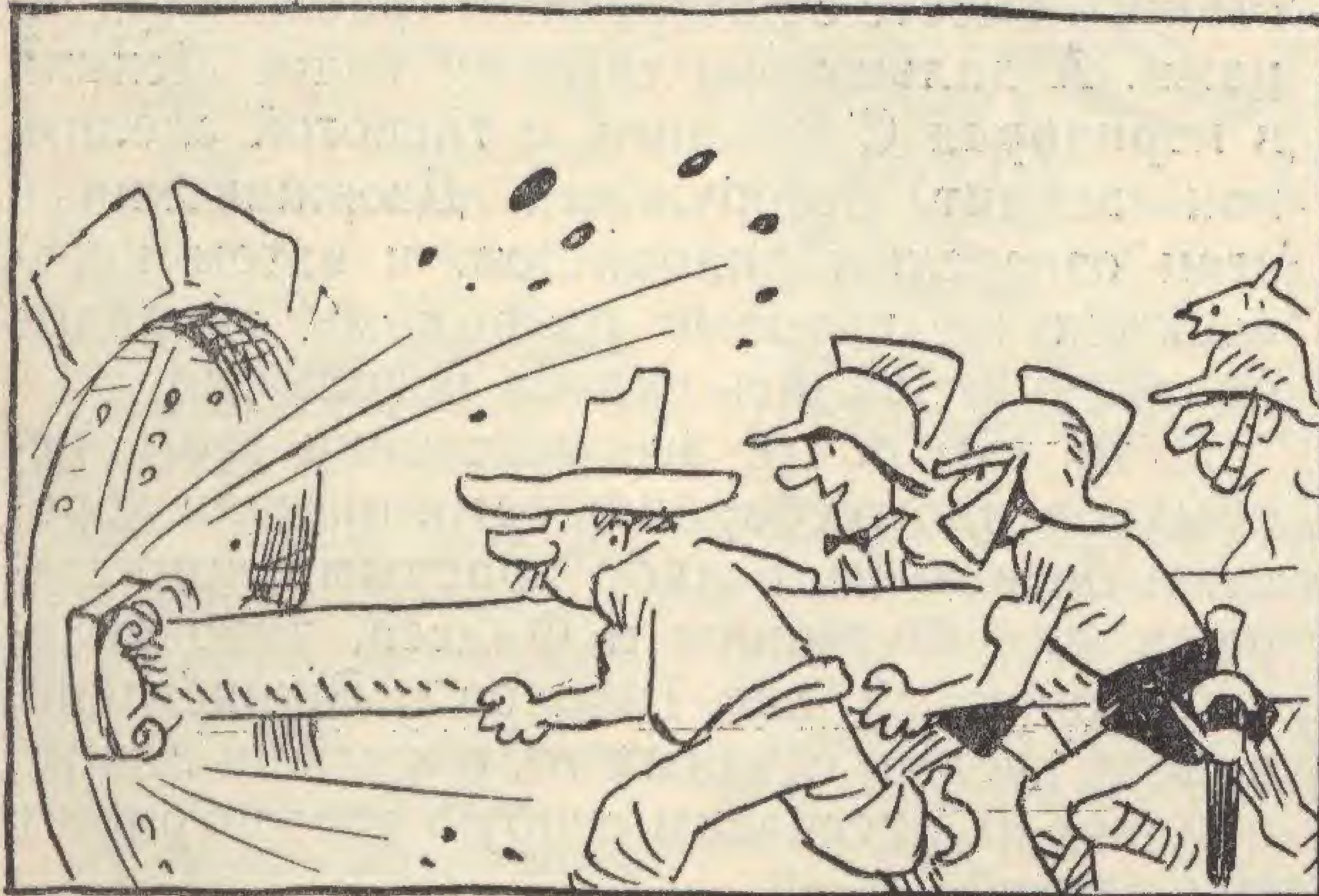

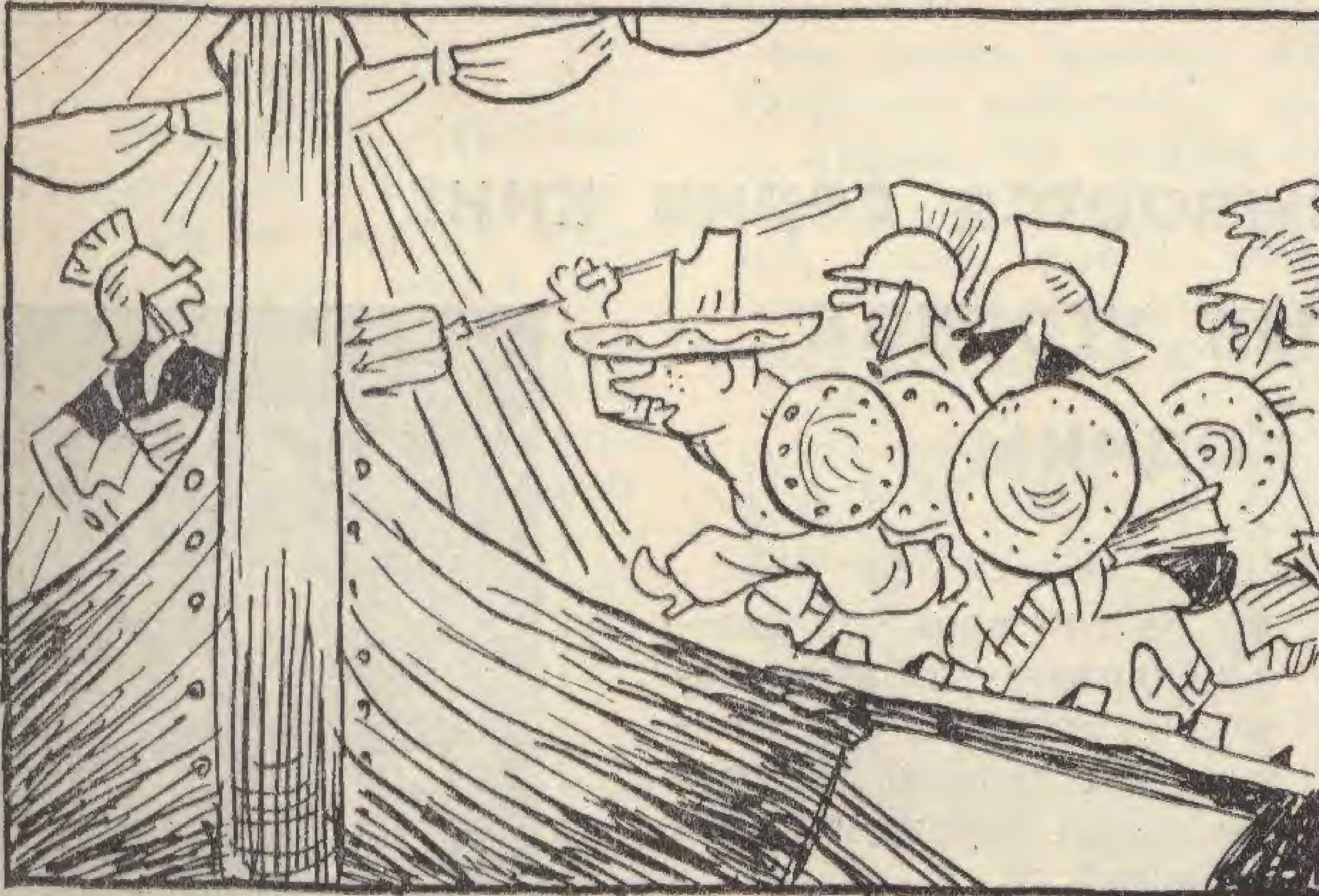
• Носорог совсем озверел. Он вскочил на ноги, разбежался и стремглав полетел вперед, сокрушая все на своем пути. Свирепые дикие звери вырвались на свободу. Началась такая паника, что и рассказать невозможно.

• Зрители бросились бежать куда глаза глядят. Комментатор чуть не умер от страха. Патриции с боем брали колесницы, чтобы скорей удрать подальше от голодных зверей.

• Полиглот воскликнул на чистейшем латинском языке: „Гладиаторы! Вы свободные люди. Восстаньте!" „Ура!" — ответили гладиаторы и повалили колонну, на которой сидел спортивный комментатор, чтобы разбить ею двери в темницу, где томились другие рабы. „Свобода! Свобода!" — пели бывшие рабы.

• Они подняли Смехотрона и Полиглота на руки. Затем они все пошли в гавань, для того, чтобы захватить императорские военные корабли, последний оплот рабовладельцев. А к ним по дороге присоединились все, кто был угнетен, все, кто хотел быть свободным...

Продолжение следует.

Прошлое оживает вновь

В этой толстой книжке нет ни одной страницы, которая читалась бы равнодушно, бегло, без горячего нетерпения от первой и до последней страницы. Вся она словно дышит и дымится. И хотя речь в ней идет об уже довольно далеком прошлом, о событиях, которые всем известны со школьных лет, о которых мы и много читали и много слышали, но здесь они оживают в нашем представлении с такой яркостью, так живо, напряженно и страстно, что кажется, будто кто-то взял тебя за руку и повел прямо в незабываемое прошлое.

Называется эта книжка «Великие дни». В ней собраны рассказы тридцати шести самых любимых наших писателей о том, как происходила пятьдесят лет назад в России Октябрьская революция, как бились с врагами свободы на фронтах гражданской войны, в городах и селах, в сибирской тайге и в бескрайних украинских степях наши отцы и деды, какой дорогой ценой, какой большой кровью и муками, беззаветным мужеством и самоотверженностью завоевали они для нас светлую жизнь.

Об этих днях мы узнаем теперь уже из учебников истории. Узнаем многое. Но никогда учебник, как бы содержателен и подробен он ни был, не заставит нас не только узнать, но и увидеть прошлое так отчетливо, как может это сделать талант художника. А в этой книжке прошлое показывают нам такие мастера слова, как Шолохов и Федин, Тихонов и Катаев, Чуковский и Гайдар, Паустовский и Герман. И мы видим кронштадтских моряков на мостике «Авроры», направившей орудие на Зимний дворец, и сами врываемся в эту последнюю цитадель старого вместе с питерскими красногвардейцами. А дальше мы слышим голос Ленина в коридорах Смольного, с тревогой следим, как входит безоружный Дзержинский в стан озверелых анархистов, и затем переносимся на взрытые разрывами снарядов поля, где решалась судьба революции.

И то, что почти все участники этого необыкновенного сборника сами прошли дорогами боев и были либо красными комиссарами, как Фурманов и Фадеев, либо рядовыми бойцами, как Тихонов и Вишневский, видели своими глазами то, о чем они пишут, придает их рассказам особую достоверность свидетелей.

Вот почему эту книжку нельзя читать без волнения.

А. ДОРОХОВ

так называется серия книг о разных уголках нашей Родины

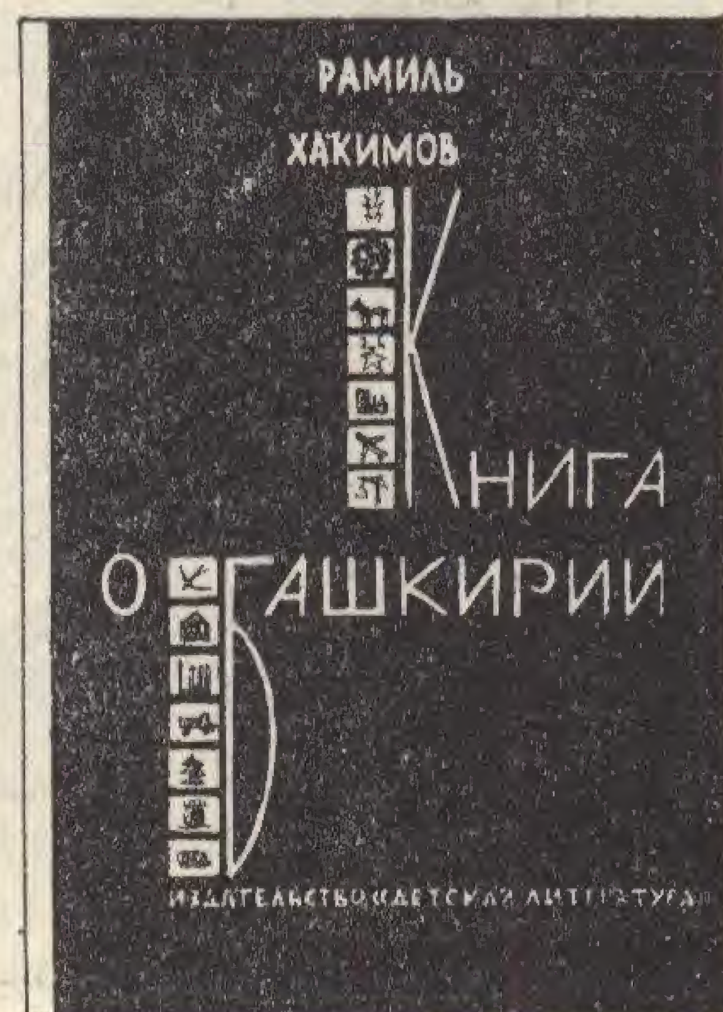
Выпускает эту серию издательство «Детская литература».

Наверно, многие из вас слышали о башкирском батыре Салавате Юлаеве. Когда-то вместе с Емельяном Пугачевым бился он за народную свободу, мечтал увидеть свою родину счастливой.

А для счастья в Башкирии есть все: бескрайние степи, темные, дремучие леса, несметные стада скота, реки, полные рыбы, неисчислимые земные богатства...

Башкиры любят свою страну, гордятся ею, хранят память о своих замечательных предках. Живы по сей день в Башкирии древние обычаи народа: веселые праздники и состязания. Вот хотя бы такой праздник, как сабантуй...

Прочитай обязательно **«Книгу о Башкирии» Рамиля Хакимова,** ты узнаешь много интересного об этой республике.

Далеко на востоке нашей страны есть республика с коротким и поэтичным названием — Тува. Называют ее голубой, изумрудной. Лежит она высоко в Саянских горах. Люди, побывавшие там, называют эти горы сказочными. Непроходимая тайга и дикие скалы, стремительные горные реки и альпийские луга манят к себе путешественников, туристов, художников и поэтов.

Но в этой сказочной стране до революции не было ни электричества, ни дорог, ни автомобилей, ни школ, ни больниц. Теперь тувинцы живут жизнью всей страны. Они талантливые звероводы, замечательные охотники и рыболовы.

О своей удивительной, изумрудной стране написал книгу **«Счастливая звезда»** тувинский поэт и прозаик **Олег Саган-оол.**

Дагестан в переводе на русский язык означает «страна гор». В этом крае живет много народностей. Дагестан — «многоязычная страна»: живут там даргинцы, аварцы, лакцы, кумыки, табасаранцы, агульцы и многие другие. И каждый из этих народов чем-то знаменит.

Есть, например, высоко в горах аул Цовкра. Он знаменит лучшими в мире канатоходцами... А в ауле Кубачи в старину ковали славившиеся на всем востоке кольчуги, мечи, шлемы, кинжалы. В переводе с турецкого «кубачи» значит «кольчугоделатели». Да и сейчас известны во всем мире кованые, богато украшенные изделия кубачинцев.

Сакли этого аула теперь настолько срослись друг с другом, что все селение кажется одним гигантским домом в десятки этажей. Тут не найдешь ни улиц, ни переулков. И кубачинцы не говорят «Пойдем на улицу», а «Пойдем на крышу». На крышах женщины готовят пищу, прядут или шьют, играют дети,

мужчины собираются на вечерние беседы. Через крыши проходят дорожки из сакли в саклю.

Правда, интересно? А ведь мы рассказали всего о двух аулах.

Прочитай книгу **Д. Трунова «Орлиный край»,** ты узнаешь и о других аулах Дагестана.

Не очень далеко от Дагестана лежит еще одна кавказская страна — Осетия. Здесь свои обычаи, свои чудеса. Есть там гора Лаппуты-хох (Гора мальчиков). Странное название, не правда ли? Оказывается, у подножия этой горы посвящали в джигиты пятилетних мальчиков. И с этого дня все они становились братьями.

В горной Осетии есть аул Нар. В нем родился и жил замечательный поэт Коста Хетагуров. Осетинцы говорят о нем: «Он так любил свой народ, что эта любовь оказалась сильнее смерти, и имя поэта стало бессмертным».

Книгу **«Дети золотого ущелья»** об Осетии написал **Максим Цагараев.**

А теперь отправимся к берегам Балтийского моря.

«Тебе не хочется прогуляться по маленьким, узким улочкам старой Риги? Там есть такие места, где даже на «Запорожце» не проедешь. Туда никогда не заглядывают солнечные лучи, там всегда прохладно и мрачно. Эти улочки так извилисты, что, попав на них, можно заблудиться...»

Это отрывок из книги о Латвии.

И хотя на ее территории нет снежных гор и водопадов, побывать там очень интересно. Латвия расположилась на западе нашей Родины, на побережье Балтийского моря. Балтийское море часто называют янтарным. Попав на Рижское взморье, все люди — и старые и молодые — заболевают «янтарной горячкой». А сколько бывает радости, когда найдешь кусочек древней смолы, обточенный морем и выброшенный на берег!

А замечательная Латгалия — один из самых красивых районов Латвии! Впрочем, прочитай сам книгу **Р. Блума «Земля янтарная».**

Если мы покинем пределы Латвии и двинемся в северном направлении, то очень скоро попадем на землю древних эстов — Эстонию.

Городов в Эстонии пять да еще полсотни городков и поселков. По красоте и своеобразию эта прибалтийская страна не уступает Латвии. Улицы Таллина, пожалуй, еще у́же старорижских. И почти каждый дом этого города — памятник архитектуры. Интересно оказаться в таком городе-музее. В самом центре города есть, например, аптека. Ее открыли в 1422 году и продавали там «змеиный пепел», якобы помогавший от зубной боли, зелье от «дурного глаза» и даже сушеную жабу,— по мнению тогдашнего аптекаря, вернейшее средство против чумы... В Таллине есть удивительной красоты соборы и удивительно узкие улочки, и названия у этих улиц тоже удивительные: «Пикк-ялг» — «Длинная нога», «Люхике-ялг» — «Короткая нога».

Прочтешь книгу **Вал. Рушкиса «Рассказы об Эстонии»,** и тебе обязательно захочется съездить туда.

Г. ПАТЫНСКАЯ

МАРКИ СТРАНЫ СОВЕТОВ

На последней странице этого номера журнала вы видите марки. Рассмотрите их внимательно. На одной из первых советских марок изображена рука с молотом на фоне заводских труб и разрушенной биржи (на бирже заключались крупные финансовые и торговые сделки), рисунок символизирует победу труда над капиталом. На марке написано «РСФСР». Рядом другая марка, выпущенная позднее, когда советские республики уже объединились в Союз Советских Социалистических Республик, поэтому на ней написано «СССР».

Портреты вождей, лучших людей страны, героев революции, ученых, писателей, актеров помещаются на марках. Кажется, нет ни одного значительного события, которое не было бы отражено в марках.

На обложке поместилось совсем немного марок. На одних вы видите портреты Аркадия Гайдара, Чапаева, скульптуру В. И. Ленина, другие посвящены плану ГОЭЛРО, перелету советских летчиков через Северный полюс, подвигу советского народа в Великой Отечественной войне, исследованию Антарктики, завоеванию космоса, победам наших спортсменов, жизни и делам пионеров.

За пятьдесят лет выпущено более трех с половиной тысяч марок. О грандиозных планах и трудовых победах, о достижениях науки и техники, о литературе и искусстве повествуют марки сегодня. Но уже завтра эти маленькие красочные кусочки бумаги станут памятниками. Сотни серий, тысячи искусно сделанных марок будут рассказывать людям о героях военных лет и мирных будней, о развитии и становлении Советского государства, о его успехах за полвека.

Содержание

Главный редактор **Н. В. ИЛЬИНА.**

Художественный редактор **С. Ю. Сахарова.**

Редакционная коллегия: **Т. В. Голубцова, В. А. Каверин, Л. А. Кассиль, Е. Л. Коваленко** (ответственный секретарь), **Ф. В. Л**[redacted]**куль, В. Ф. Матвеев** (заместитель главного редактора), **А. И. Мошковский,** [redacted] **А. С. Некрасов, В. И. Орлов, В. А. Поддубная, М. П. Прилежаева.**

[redacted]**ква, А-15. Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.** Телефон Д 3-30-73.

[redacted] Технический редактор **В. Пархоменко.**

[redacted]но к печати 5/XI 1967 г. Тираж 792 950 экз. Формат бум. 84×108 1/16. Изд. № 2142. Объем 8,82 усл. п. л. Заказ № 2992.

[redacted] Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.